

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Балина М., д-р, проф. (США, ун-т Иллинойс Везлиан)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Беларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф. (Израиль, ун-т Хайфы)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэвр-Дюпэвр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

<i>Новокрещенных И. А.</i> (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Бурдина С. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Русинова И. И.</i> (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Данилевская Н. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Шутёмова Н. В.</i> (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Дускаева Л. Р.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
<i>Абашев В. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Ерофеева Е. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Абашева М. П.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)	<i>Кондаков Б. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Алексеева Л. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кочкарева И. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Арустамова А. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кушнина Л. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Баженова Е. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Мишланов В. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Боронникова Н. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Нестерова Н. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Бочкарёва Н. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Петрова Н. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГГПУ)
<i>Братухин А. Ю.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Подкоков И. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
	<i>Проскурнин Б. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
	<i>Серова Т. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
	<i>Фоминых Т. Н.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://www.fpr.psu.ru>. Контент-редактор сайта А. В. Пустовалов

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языковедение от 01.12.2015 г.

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Marina Balina (USA, Illinois Wesleyan University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Perm Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – <i>Editor-in-Chief</i> (Perm State University)	<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Petrova</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tatyana Fominykh</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai
Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai
(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru
Web-site of the journal: <http://www.rfp.psu.ru>. Content editor of the website A. V. Pustovalov

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Баженова Т. Е. НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ И ОБУВИ В САМАРСКИХ ГОВОРАХ	5
Лили Цуй. НЕПАРТИКУЛЯРНОЕ СЛОВО <i>НЕТ</i> В УСТНОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	14
Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. ПОРТРЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЖИТЕЛЯ УРАЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИИ ИВАНА МАЛЬЦЕВА (на материале частных писем дореволюционного периода)	27
Лызлов А. И. АКСИОЛОГИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЕ МОДЕЛИ, ОТРАЖАЮЩИЕ КОНЦЕПТ «ЛЕВ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	37
Михалищева С. С. АССОЦИАТИВНО-ДЕРИВАЦИОННАЯ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ИТАЛ. <i>SANGUE</i> ‘КРОВЬ’.....	44
Пахомов Л. В., Ерофеева Е. В. МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБЛАСТИ-ИСТОЧНИКА ВОКАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ	54
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	69
Анцыферова О. Ю. О НАРРАТИВЕ ТОТАЛИТАРИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖУЛИАНА БАРНСА	69
Бурдина С. В. ГУМИЛЕВСКИЕ ПОДТЕКСТЫ В ПОЭМАХ А. АХМАТОВОЙ	79
Волошиновская И. И. ИДИЛЛИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В ПОЭЗИИ А. Э. ХАУСМЕНА	88
Дезорцева М. А. ЦЕРКОВНАЯ ЛАТЫНЬ В КАРТИНЕ МИРА ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ ХИЛАРИ МАНТЕЛ О ТОМАСЕ КРОМВЕЛЕ	98
Катаев П. В. МУЗЫКАЛЬНЫЕ МЕДИА В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО МНОГООБРАЗИЯ	104
Любимская О. М. СЛОВО И ВЕЩЬ В СИСТЕМЕ ПОЭТИКИ МОЛЧАНИЯ ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА	117
Миронова В. Е. ПОЭТИКА РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ДЕТЕКТИВНОГО РАССКАЗА «THE ADVENTURE OF THE SPECKLED BAND» А. КОНАН ДОЙЛА	125

CONTENTS

<i>LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY</i>	5
Bazhenova T. E. DESIGNATIONS OF CLOTHING AND FOOTWEAR IN THE SAMARA DIALECTS	5
Lili Cui. THE NON-PARTICULAR WORD <i>NET</i> IN EVERYDAY ORAL SPEECH: FUNCTIONAL-SEMANTIC DESCRIPTION	14
Logunova N. V., Mazitova L. L. PORTRAIT OF THE HISTORICAL LINGUISTIC PERSONALITY OF THE INHABITANT OF THE URAL PROVINCE IVAN MALTSEV (Based on Private Letters of the Pre-Revolutionary Period)	27
Lyzlov A. I. AXIOLOGICALLY MARKED MODELS REFLECTING THE CONCEPT “LION” IN ENGLISH IDIOMS	37
Mikhalishcheva S. S. ASSOCIATIVE, DERIVATIONAL AND PHRASEOLOGICAL SEMANTICS OF THE ITALIAN <i>SANGUE</i> ‘BLOOD’	44
Pakhomov L. V., Erofeeva E. V. MODELING OF A VOCAL METAPHOR SOURCE-DOMAIN	54
<i>LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT</i>	69
Antsyferova O. Yu. TOTALITARIAN NARRATIVE IN WORKS OF JULIAN BARNES	69
Burdina S. V. IMPLICATIONS OF GUMILEV’S WORKS IN POETRY BY A. AKHMATOVA	79
Voloshinovskaya I. I. THE IDYLIC SPACE IN THE POETRY OF A. E. HOUSMAN	88
Dezortseva M. A. CHURCH LATIN LANGUAGE IN THE HISTORICAL NOVELS BY HILARY MANTEL	98
Kataev P. V. MUSIC INTERNET MEDIA IN NETWORK SOCIETY: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES OF FUNCTIONAL DIVERSITY	104
Lyubinskaya O. M. A WORD AND A THING IN THE SYSTEM OF J. D. SALINGER’S POETICS OF SILENCE	117
Mironova V. E. POETICS OF RUSSIAN TRANSLATIONS OF ARTHUR CONAN DOYLE’S DETECTIVE STORY <i>THE ADVENTURE OF THE SPECKLED BAND</i>	125

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'282.2(470.43)

doi 10.17072/2037-6681-2018-1-5-13

**НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ И ОБУВИ
В САМАРСКИХ ГОВОРАХ¹****Татьяна Евгеньевна Баженова****к. филол. н., доцент кафедры русского языка,
культуры речи и методики их преподавания****Самарский государственный социально-педагогический университет**

443010, Россия, г. Самара, ул. Л. Толстого, 47. bazhenova@pgsga.ru

SPIN-код: 9362-1526

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4151-0686>

ResearcherID: N-6608-2017

*Статья поступила в редакцию 19.10.2017***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Баженова Т. Е. Наименования одежды и обуви в самарских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 5–13. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-5-13***Please cite this article in English as:***Bazhenova T. E. Naimenovaniya odezhdy i obuvi v samarskikh govorakh [Designations of Clothing and Footwear in the Samara Dialects]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 1, pp. 5–13. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-5-13 (In Russ.)*

В статье рассматривается системно-структурная организация диалектных наименований одежды и обуви в самарских говорах. Материалом послужили архивные данные и личные записи диалектных слов, сделанные в диалектологических экспедициях. Актуальность исследования обусловливается особой ролью диалектных наименований этнографических реалий в определении региональной специфики говоров. Затрагивается круг проблем адекватного отражения лексики одежды и обуви в словаре самарских говоров. Обсуждается вопрос о включении в диалектный словарь устаревших слов и наименований одежды и обуви, зафиксированных в словарях литературного языка.

Представлена структура данной тематической группы. Анализируются семь групп диалектных слов, обозначающих одежду и обувь: общие наименования одежды и обуви, наименования верхней мужской и женской одежды, верхней плечевой одежды (рубахи), одежды с поясом (фартука), наименования обуви, одежды для рук (рукавицы) и одежды для ног (носки, портянки). Особое внимание уделяется номинационным компонентам, организующим рассматриваемые тематические группы. Определена типология соответствий диалектных слов литературным эквивалентам. Отмечается развитие семантической структуры диалектных слов, обозначающих одежду. Установлено, что наименования одежды и обуви в самарских говорах имеют типологическое сходство с говорами обеих полярных группировок русского языка. Выделена группа слов, объединяющая самарские говоры с другими говорами Поволжья. Делается вывод о специфике наименований одежды и обуви в самарских вторичных говорах.

Ключевые слова: русский язык; диалектология; словарь; лексика; Поволжье; самарские говоры; одежда; обувь.

В качестве объекта нашего исследования мы выбрали наименования традиционной одежды и обуви в говорах Самарского края. Данный разряд диалектной лексики является частью историко-культурного ландшафта региона, поэтому работа по сбору, паспортизации и систематизации лек-

сических единиц, репрезентирующих этнографические реалии, продолжает оставаться актуальной. Наша цель – определение специфики системно-структурной организации данного разряда лексики и составление тематического словаря самарских говоров. Аналогичную задачу состав-

ления тематического словаря решают пермские диалектологи [Зверева 2014].

Основная часть материала извлечена из архивов диалектологических экспедиций в села Самарской области 1939–1994 гг., а также использована личная словарная картотека, составленная по результатам работы в экспедициях 2005–2017 гг. по программе «Лексического атласа русских народных говоров». Источником наблюдений послужили также краткий словарь и тексты «Куйбышевской областной диалектологической хрестоматии», составленной В. А. Малаховским по материалам первых диалектологических экспедиций середины 50-х гг. прошлого века [Малаховский 1957]. Небольшая группа слов извлечена из других источников, содержащих этнографические сведения по самарским говорам [Духовное наследие 2015]. Общий объем выборки составил 252 лексические единицы.

На материале самарских говоров данная тематическая группа ранее не рассматривалась. Среди всей совокупности работ по самарским говорам можно отметить только работу В. А. Малаховского, посвященную описанию лексики северо-западной части Куйбышевской (Самарской) области, в которой содержатся сведения об отдельных словах данной группы [Малаховский 1942].

В наши задачи входит обобщение данных путем лексикографического описания исследуемого разряда лексики и отбор лексем для составления словника тематического словаря самарских говоров.

При формировании словника диалектного словаря применяется принцип дифференциального разграничения таких наименований и собственно диалектных слов, которые либо совсем не употребляются в литературном языке, либо в каком-либо отношении отличаются от соответствующих слов литературного языка. Слова, зафиксированные в нормативных словарях в статусе общеупотребительных или просторечных (*тряпё, обновка, передник, рукавицы, подъюбник, следки, валенки, тапки, шлёпки, кирзачи, наряжаться* и под.), составляют значительную часть нашей выборки из архивных материалов диалектологических экспедиций. Многие из таких лексем мы не берем во внимание при составлении словника прежде всего по причине того, что они встречаются в самарских говорах повсеместно и определение их значения ни у кого не вызывает затруднения. Исключение делается только для таких слов, которые имеют оттенки значения, отличающиеся от зафиксированных в нормативных словарях русского языка (*кацавейка* ‘женская кофта немного выше колен’; *фартук* ‘рабочий передник из холщовой ткани, который

носили и мужчины, и женщины’ и под.), или входят в состав многочленных диалектных соответствий (*обшивка, опояска, опушка, очкур, очкар, ошкар, ошкурняк* ‘верхняя часть, пояс брюк, шаровар’), или образуют изоглоссы в самарских говорах (*поддёвка* ‘суконная жилетка со сборками в талии, вид праздничной одежды’ *Безенч., Ставр., Волж., Краснояр., Серг., Кин., Бор.*²).

Особую группу в лексике современных говоров составляют общерусские слова, обозначающие реалии, давно вышедшие из употребления и сохранившиеся только в памяти носителей диалекта (*азям, армяк, зипун, опорки, онучи, рубаха* и т. п.). Отдельные слова не являются наименованиями одежды в собственном смысле слова, но служат дополнением обычного крестьянского костюма в прошлом, например: *мошонка* ‘мешочек из ткани для табака’, *носник* ‘носовой платок’. Подобные устаревшие слова, на наш взгляд, нуждаются в лексикографической обработке, поскольку они являются живыми элементами диалектного словаря и употребляются в языке фольклора. Кроме того, они создают представление о традиционном русском костюме, бытовавшем в прошлом в Самарском крае.

Основная проблема, с которой сталкиваются диалектологи при изучении предметно-бытовой лексики, обозначающей те или иные реалии этнографического характера, – это многообразие и уникальность многих наименований, обусловленные различными факторами. Чтобы преодолеть фрагментарность описания диалектной лексики, исследователи выбирают какой-либо один определенный аспект, позволяющий выявить системные отношения в данной лексико-семантической группе.

Нередко предметно-бытовая лексика рассматривается в ономазиологическом аспекте. Исследователи изучают диалектные наименования с точки зрения семантической структуры, синтагматических и парадигматических отношений. Это работы Г. В. Судакова [Судаков 1986], С. А. Кошарной [Кошарная 1998], О. Н. Крыловой [Крылова 2002], И. В. Толкачевой [Толкачева 2014] и др. Применением универсального структурно-семантического подхода к изучению диалектной терминологии традиционного костюма, наряду с ономазиологическим аспектом и приемами этимологического анализа, характеризуются, например, работы С. А. Мызникова [Мызников 2005], Г. В. Кузиной [Кузина 2001], И. В. Баклановой [Бакланова 2014], В. Н. Гришановой [Гришанова 1998]. Как правило, такие наблюдения проводятся на региональном материале. Это позволяет установить закономерности территориального распространения лексико-семантических диалектных явлений.

В процессе исследования нами осуществлен комплексный подход к описанию и классификации лексики одежды и обуви, опирающийся на совокупность мотивационных признаков и лексико-семантических особенностей наименований в составе лексических микрогрупп. С учетом этого диалектные наименования одежды и обуви в самарских говорах образуют сложную, разветвленную систему, представленную семью семантическими разрядами.

1. Общие названия одежды и обуви: *оде́ва, одёвка, оболоченье, обряд, обряда, обувка, обукса, износки, латанина, латаньё, лохмота, лопоть, махры, надёвка, наряда, обновок, руно, поддегайка, опорки, сряда, хархары, чунча, шмутки, шоболки, шобоны*. Среди них наиболее регулярно фиксируются лексемы, обозначающие любую одежду и обувь без дополнительных дифференцирующих признаков, например: *Обукса, одёжа вся казённая (Серг.); Обряд у нас очень скудный был (Безенч.); Надо дочери-то сряду (Ставр.); Пошла в Гавриловку босиком, обувки не было, а сейчас ведь и чувяки, и всё (Алекс.)*. Существенным дифференцирующим признаком, позволяющим составить семантическое описание исследуемых наименований в диалектном словаре, является качественная характеристика реалии. Нередко встречаются наименования, служащие общим обозначением старой, рваной, ветхой одежды и обуви: *износки, руно (мн. руни, руны, собир. руньё, рунья), латанина, латаньё, лопоть, лохмота, хархары, шмутки, шоболки, шобоны*, а также самодельной одежды очевидно низкого качества: *чунча*. Ср.: *Хорошего нет, одне руны лежат (Пестр.); Там было навалено рунья всякого, одёжа, одёжка (Краснояр.); В лопоти ходит, нечего надеть (Б. Глуш.); Раньше-то мы чунчу носили (Бор.)*.

В отдельных говорах словами *оде́жа, одёжка, одёвка, надёвка, обувка* называется повседневная одежда и обувь, а лексемами *наряда, обряда, сряда* – нарядная, хорошая, чистая или праздничная одежда. Ср.: *Что есть на нас, вот и вся наша обувка и одёвка (Безенч.); Три сряды до тёмного сменить надо [невесте] (Ставр.)*. При этом свадебный костюм невесты называется также *обрядой*, а одежда покойника – *смертной одёжей*.

Среди общих названий одежды в отдельных самарских говорах часть лексем служит наименованиями только верхней теплой одежды (*оде́жа, одёва*), верхнее легкое платье в таком случае называется *обрядой, нарядой / нарядом*. Дифференциация общих наименований одежды по функциональному признаку – явление диалектное, о чем свидетельствуют областные словари (см., например: [ЯОС 2: 90]).

2. Наименования верхней мужской и женской одежды. Это наиболее многочисленный разряд исследуемой лексической группы, представленный наименованиями реалий, почти полностью ушедших в прошлое. Проблемой лексико-графического описания данного разряда лексики является точное семантическое определение диалектных лексем. В работе мы используем методику описания наименований верхней женской одежды на основании мотивировочных признаков денотативного компонента значения, разработанную О. Н. Крыловой [Крылова 2002: 16–20].

Обычно это названия зимней и демисезонной одежды, используемой всеми: *куфайка / хухайка, шубняк, куртепейка, крутка, пинжачок, овчинник, сукман* и др. *Все ходили в куфайках, и мужики, и бабы, все (К.-Черк.)*. Дифференцирующий признак ‘женская одежда’ содержится в семантике лексем *гейша, зайка, капрыска, коротайка, корсетка, миринатка, монарка, пливовка, плюшка, полсак, полупальтик, польтёнка, сак, стукалка, шушун*. Семантическим признаком ‘мужская одежда’ отличаются наименования *зипун, москвич, кафтан, полкафтан, сертук, сибирка, сорочина, чапан, чернодубка*.

Основным дифференцирующим признаком в данном разряде слов является указание на длину одежды. В наших говорах богато представлены наименования короткой верхней одежды, экономичной и более удобной во время хозяйственных работ. В семантическом описании таких наименований часто используется сочетание определенных ‘короткая’ и ‘рабочая’: *бекешка, зипун, куфайка, полатина, холицовка*; ‘короткая’ и ‘без воротника’: *зипун, стёганка, сукман, японка*; ‘короткая’ и ‘на меху’: *полудошка, полупальтик*; ‘короткая’ и ‘стеганая’: *крутка, полупольтик*. Короткая верхняя одежда в середине прошлого века выглядела более современно по сравнению со старинной долгополой одеждой, поэтому, наверное, в семантике наименований одежды часто сочетаются семы ‘короткая’ и ‘праздничная’: *капрыска, монарка, поддёвка, полупальтик*. Ср.: *Монарка – это коротенька, а полсак – это длинное, раньше монарков-то не было (Ставр.); Ну, не такие, как жакетки, а в праздник-ат полупальтик камлотовый, пунцовый сарафан (Ставр.)*. Наименованиями длинной верхней одежды в самарских говорах служат лексемы *армяк, азам, сак, сачок, сертук, полсак, тулуп, чапан*. Ср.: *Армяк был стёганный, из шерсти, длинный, запахивался халатом и подвязывался кушаком (Б. Глуш.)*.

Сема ‘со сборками’ дополняет семантическую структуру наименований *коротайка, поддёвка, польтёнка, полупальтик, скобка, треборка, шушпанка, чапан*; сема ‘с воротником’ – лексем

гейша, зайка, москвич, сак, шубняк. Периферийными являются сема 'приталенная', входящая в семантическую структуру лексем *корсетка, кафтан, чапан, скобка*, и сема 'прямая' – в структуру лексем *балахон, азым, армяк, сак, сачок*.

Сочетание интегральных и дифференциальных семантических признаков наименований верхней одежды позволяет представить родовидовые отношения в данной группе и делает словарное описание значения диалектного слова семантически достаточным.

3. Верхняя плечевая одежда и ее детали.

Диалектные наименования этого разряда в самарских говорах в основном группируются вокруг *рубахи*, ее деталей и отделки. Это общерусское слово в самарских говорах обозначает основной элемент традиционного русского костюма, поскольку рубахи носили все, от мала до велика, мужчины и женщины, в них крестились, венчались, ложились в гроб. Она состояла из обязательных деталей и второстепенных (отделки). Благодаря наличию второстепенных деталей женская рубаха была устроена более сложно. Кроме того, в самарских говорах сохранились названия частей женской рубахи, свидетельствующие о том, что на нашей территории существовало несколько ее видов (см. подробнее: [Баженова 2017: 8]).

Проблема заключается в выделении интегральных и дифференциальных семантических признаков этой широко распространенной в самарских говорах лексемы для словарного описания. Основное различие между разновидностями описываемой реалии состоит в особенностях ее покроя. Для самарских говоров имеет значение, была ли рубаха цельнокроеной или состояла из двух частей: 1) верхней и 2) нижней части. Для обозначения верхней части рубахи использовались лексемы *рукова / рукава*, отмеченные в окающих и среднерусских акающих говорах, а также в части южнорусских говоров, и *стан* – в отдельных южнорусских говорах на юге области; нижнюю часть женской рубахи, обычно из домотканого темного полотна, подшиваемую к верхней части, рукавам, называли *станом, станушкой* (данные слова образуют широкий ареал в большинстве самарских говоров) и *надставкой, подставкой* – в южнорусских говорах на юго-востоке области. Существовала на нашей территории еще одна разновидность рубахи, по-видимому, более древняя, – *лодыжная рубаха (Шигон.)* 'длинная цельнокроеная рубаха из домотканого синего полотна', которую носили мужчины и женщины как самостоятельную верхнюю одежду в рабочую пору, ср.: *К жнитву рубахи шили ткани – лодыжны, из синей бумаги (Шигон.)*. Поэтому к интегральной семе слова

рубаха 'туникообразная одежда' следует добавить важные дифференциальные признаки всех наименований верхней одежды – длину ('долгополая') и материал ('из домотканого полотна'). Наличие у рубахи воротника и застежки является признаком факультативным, а у женской рубахи – и рукавов, поскольку зафиксировано описание рубахи без рукавов, с *мышками* 'широкими бретелями'.

Наименования деталей рубахи и других предметов верхней плечевой одежды во многих случаях представляют собой варианты общеупотребительных слов, отличающиеся от литературных эквивалентов а) фонемным составом: *рукова* 'рукава', *башляжок, башляги* (мн. ч.) 'манжета'; б) словообразующими морфемами: *ластовочка* 'ластовица, ромбовидный отрезок материи, вставляемый в боковые швы рубахи для увеличения ширины рукава', *боры, сборки* 'сборки', *уборки* 'оборки', *застегайка* 'небольшой разрез на вороте рубахи для застежки' и др.; в) семантическим содержанием: *обшивка* 'воротник', *ободок* 'украшение в виде лент, нашиваемых на платье', *бляшка* 'пуговица', *махры* 'бахрома', *грибы* 'оборки из материи на подоле', *шубка* 'старинное название сарафана' и др. Ряд собственно диалектных слов, имеющих существенные отличия в плане содержания и выражения, нуждаются в кратком этнографическом описании, которое извлекается чаще всего из комментариев собирателей, например: *полики* 'прямоугольный кусочек материи, расположенный на плече старинной женской рубахи, при помощи которого к лифу прикреплялся рукав'. Другим, менее надежным, источником этнографических подробностей служат диалектные контексты. Ср.: *Блуза была без руковов, сбориста по полу, с гривками скроена. Модны кофты, зад в шивках, спереди гривки, это таперя кокетки, а раньше гривки были (Ставр.)*; здесь *гривка* 'кокетка', *шивка* 'вытачка'. В некоторых случаях диалектные контексты дополняют замечания собирателя. Например: *подставка* 'нижняя часть рубахи от пояса из домотканого полотна темной расцветки, подшиваемая к верхней части рубахи'. *А вниз в шесть также полотён, это называлась подставка (Бор.)*. Многообразие этнографических деталей связано с различиями покроя, материала, назначения, с наличием дополнительных деталей и отделки, что создает особые требования к составлению словарного описания таких слов [Сороколетов 1972: 183]. В данном случае требуется определенная «матрица» описания, делающая словарное определение слова достаточным и информативным.

4. Поясная одежда. Среди наименований данного разряда основными дифференцирующими признаками являются семы 'мужская

одежда' и 'женская одежда'. Дифференцирующий признак 'женская одежда' содержится в семантике лексем, служивших обозначениями юбок (*понява* 'понёва', *понёва* 'нижняя юбка', *подставка* 'нижняя юбка', *трюклинка* 'юбка из трех клиньев'), фартука (*запон*, *запон*, *занавеска*, *нагрудник*, *нарукавник*, *припон*) и поясных карманов, подвязываемых, как передник, на поясе под юбку, фартук для хранения мелких предметов или денег (*кармашка*, *лакомка*, *лаконка*). К мужской одежде относились *портки* 'брюки', *стегаши* 'стеганные ватные брюки' и различные названия пояса (*кушак*, *опояска*, *поддержанка*) и частей брюк (*обшивка*, *очкур*, *ошкар* 'пояс, верхняя часть брюк', *сопля* 'штанина').

Системные отношения в данном разряде диалектной лексики более заметны в наименованиях фартука. Основным эквивалентом общеупотребительного слова *фартук* в самарских говорах является слово *запон* и его акцентологический вариант *запон*, который здесь встречается несколько реже. Оба варианта образуют на нашей территории обширные, но не совпадающие ареалы, причем у последнего ареал менее плотный. Другие наименования реалии: *передник*, *нагрудник*, *нарукавник*, *припон* – встречаются реже и являются гиперонимами. Среди названий фартука в самарских говорах отмечены также лексема *занавеска* и ее вариант *занависка*, которые встречаются спорадически в южнорусских говорах на юго-востоке области (*Богат.*, *Кин.*, *К.-Черк.*) и на нашей территории ареала не образуют. Все перечисленные варианты наименований реалии противопоставлены общеупотребительному слову *фартук*, которое тоже бытует в наших говорах и служит наименованием рабочего передника из холщовой ткани, брезента, клеенки, который носили и мужчины, и женщины. В целом для самарских говоров в прошлом была характерна лексема *запон* / *запон*.

В говорах, в которых зафиксировано несколько наименований фартука, существует их дифференциация по признакам новизны и устарелости, ср.: *Передник у нас запаном раньше называли* (*Красноарм.*). *Раньше называлась занавеска, сейчас уж запанья* (*Богат.*). Как показывает фактический материал, существовали также некоторые различия в покрое *передника* и *запона*: *запон* полностью закрывал бедра, а *передник* – лишь переднюю часть, он мог быть прямой, полукруглый, по краям часто украшался *грибатками* 'воланами' или кружевами. *Запон* был длинным, ниже колен, а *передник* был короче. В диалектных наименованиях сформировалось функциональное различие реалий: *передник* надевался в процессе приготовления пищи, он использовался для вытирания рук, а в *запоне* ходили постоянно.

На похороны все женщины надевали только темные или черные *запоны*, а на свадьбы и праздники – *передники*, из дорогого и яркого материала, с отделкой. *Припон*, в отличие от *запона*, который завязывался под мышками и имел верхнюю нагрудную часть, представлял собой фартук с завязками на талии без верхней нагрудной части. Существовали и более сложные варианты фартука – *нагрудник* 'фартук с цельнокроеной грудкой и шейной петлей' (*Красноарм.*, *Пестр.*, *Б. Черн.*) и *нарукавник* 'фартук с рукавами' (*Красноарм.*, *Богат.*, *Б. Черн.*).

5. Обувь. Этот разряд диалектных слов в самарских говорах многочислен и разнообразен. Основным принципом номинации обуви в самарских говорах является наименование по способу производства, при этом наименования плетеной обуви (*лапти*, *ступни*, *осметки*) менее разнообразны и сохранились в говорах в меньшей степени, чем наименования обуви сшитой (*собоги*, *бурки*, *чуни*) или валяной (*валенки*, *коты*, *чёсанки*). Думается, это обусловлено экстралингвистическими факторами, прежде всего природно-климатическими условиями Самарского края, большая часть территории которого находится в степной и лесостепной зоне. Большинство диалектных наименований обозначает обувь кустарного производства. При всей условности признака 'самодельная обувь' мы его используем в словарном описании отдельных лексем, обозначающих давно ушедшие реалии (*тоботы*, *постолы*), при описании которых современные информанты смогли вспомнить только то, что это была тяжелая, грубая рабочая обувь.

Названия обуви в самарских говорах в целом ряде случаев группируются с учетом дифференцирующего признака 'материал'. Данный признак составляет основу семантического ядра наименований *кожанки*, *суконки*, *кирзачи*, у которых он заключен в мотивирующей основе; находится на ближней периферии семантической структуры слов *валенки*, *вязанки*, *чёсанки*, *каты* – наименований обуви из овечьей шерсти, образованных от основ *валять*, *вязать*, *чесать*, *катать*.

В основу классификации наименований обуви с непроизводными, заимствованными или диалектными основами положен дифференциальный признак 'особенности покроя'. В словарном описании многих диалектных лексем релевантными являются признаки 'без голенищ' (*баретки*, *каллишки*, *осметки*, *поршни* / *порошни*, *ступни*, *черевички*, *чувяки*, *чуни*), 'с высокими голенищами' (*бахилы*, *бурки*, *гусарки*, *собоги*, *чёсанки*), 'с короткими или обрезанными голенищами' (*боты*, *гусарки*, *картаги*, *коты* / *коты*, *обрезки*, *полсобожки*, *чёботы*).

В толковании наименований обуви мы также учитывали характеристику реалии по функции (рабочая, повседневная, праздничная), поскольку при наличии такой характеристики становятся потенциальными дополнительные семантические признаки реалии. Ср.: *рунетки* ‘нарядные женские кожаные башмаки на высоком каблуке’ (Б. Глуш.); *баретки* ‘выходные женские туфли без каблуков или на низком каблуке’. У мене были баретки, я их носила только на праздник (Шигон.); *тоботы* ‘самодельная рабочая обувь’. Лён тоботами приколачивали (Б. Глуш.).

6. Одежда для рук. Данный разряд словаря самарских говоров представлен диалектными лексемами *варьги*, *голицы*, *нарушники* ‘рукавицы с отдельным большим пальцем’, *правнижи* ‘варежки с отдельным указательным пальцем’. Различия в названиях обусловлены особенностями покроя (с отдельным большим или указательным пальцем), способом изготовления (вязаные или сшитые) и материалом (шерстяная пряжа, овчина, брезент или другая плотная ткань). Слово *варьга* является в наших говорах многозначным. В отдельных говорах оно является лексико-словообразовательным вариантом общеупотребительного слова *варежка*: *Ноне кака зима была, батюшки мое, без варег невозможно* (Ставр.). *Сходились девчаты, пряли, вязали чулки, варег – избёнки назывались* (Шигон.). В других говорах оно употребляется наряду с другими лексемами, обозначающими рукавицы, для наименования больших кожаных или брезентовых рукавиц, под которые надеваются вязаные, ср.: *Руковицы-ти в варьги вдёваши* (Краснояр.).

7. Одежда для ног представлена лексемами, обозначающими части шерстяного носка: *везелка* ‘верхняя часть шерстяного носка’, *зачёс* ‘нижняя часть носка, чулка, лапа’, *паголенка* ‘часть шерстяного чулка, носка, охватывающего голень’; шнурки, веревки для подвязывания онучей, чулок: *ногавки*, *оборки*; обмотки для ног: *панчохи*. Самарским говорам южной степной части территории до сих пор свойственно слово *чунки* ‘вязанные из толстой шерсти или сшитые из войлока короткие носки без паголенок, резинки’.

Большинство из наименований перечисленных семантических разрядов является собственно лексическими диалектизмами (72 %). Этот показатель вносит определенные коррективы в представление о переселенческих говорах, к которым относятся и самарские говоры.

Среди диалектных наименований одежды наблюдаются случаи развития семантической структуры слов, обусловленные экстралингвистическими факторами. Например, слова *стан*, *станушка*, служившие первоначально обознача-

ниями нижней части составной женской рубахи, с выходом из употребления сарафана стали обозначать нижнюю рубашку. Ср. контексты: *Невеста два раза дары дарит. Первый раз на запою сродникам жениха: свекрови стан с рукавами, свёкру кладут товаром на портки, жениху перчатки и рушной платок* (Ставр.). *Стан – это как сорочка, из холста её шьют* (Кин.). *У старух внизу (под верхним платьем) есть рубашка, которую называют стан* (Нефт.). *Ну, у вас теперь шёлковы комбинации-то, а эти вот как нижнее бельё-то. Нательна рубашка, самотканна станушка* (Волж.). В отдельных говорах отмечена лексема *станушка* ‘юбка’, ср.: *Кофта да станушка – вот и вся одёжа у неё* (Безенч.).

Слова с развитой семантической структурой могут относиться к разным семантическим разрядам и даже к разным тематическим группам, например:

Обшивка, ж. 1. Ворот рубахи в виде узкой полоски ткани. *Безенч., Кин., К.-Черк.* 2. Пояс у брюк, пришитый с внутренней стороны. *Красноарм.*

Обряда, ж. 1. Одежда. *Б. Глуш., Богат., Красноарм.* <...> 3. Процесс одевания в погребальную одежду. *Красноарм.*

Махор, м. -ы, мн. 1. Деталь отделки, бахрома. *Красноарм., Б. Глуш.* *Махровый платок – с махрами по краям* (Б. Глуш.). 2. Плохая, изношенная одежда, тряпка. *Елх., Краснояр., Серг., Ставр., Сызр., Шигон.* 3. Бедный, плохо одетый человек. *Ставр., Сызр., Шигон.*

Все это создает определенные трудности при распределении многозначных слов по тематическим группам. Многозначные слова логично подавать в разных тематических группах, однако в тех случаях, когда лексико-семантические варианты диалектной лексемы свидетельствуют о живых языковых процессах в говорах, помещение их в одну словарную статью представляется нам целесообразным.

В отдельных случаях развитие новых значений у диалектных слов обусловлено процессами формирования и нивелировки вторичных говоров Поволжья. Изменению семантической структуры наиболее подвержены наименования одежды, которые представлены на нашей территории спорадически или вообще не характерны для наших говоров. Так, например, отмеченное в южнорусских говорах слово *понёва* имеет в самарских говорах значения ‘нижняя юбка’ и ‘домотканная шерстяная материя’.

Основу зафиксированных в самарских говорах диалектных наименований одежды и обуви составили слова, связанные преимущественно с широким кругом окаяющих и акающих восточных среднерусских говоров, прежде всего с нижего-

родскими, московскими, пензенскими, тульскими говорами: *грибатка* 'оборка из материи на подоле', *запон* 'передник, женский повседневный длинный фартук с грудкой и завязками под мышками', *корсетка* 'верхняя короткая женская одежда', *наряда* 'праздничный наряд, одежда', *обрезки* 'обрезанные валенки'.

По данным СРНГ, целый ряд слов свидетельствует о наличии севернорусской основы в лексике самарских говоров: *боры*, *борики* 'складки на одежде', *гейша* 'широкое женское пальто из сукна с капюшоном или меховым воротником', *латаньё* 'старые, рваные вещи', *калшики* 'обувь, связанная из шерсти, с подшитыми кожей подошвами', *лопоть* 'старая, бедная одежда', *наручники* 'рукавицы'.

С говорами южнорусского наречия (тамбовскими, рязанскими, воронежскими) самарские говоры объединяют слова *занавеска* 'фартук', *вилюшки* 'узор в виде стежков на одежде', *жерелок* 'воротник', *полик* 'прямоугольные кусочки материи, расположенные на плечах старинной женской рубахи, при помощи которых к лифу прикреплялся рукав'. О лексических параллелях между самарскими говорами и донскими казачьими говорами говорят слова *курпьяк*, *курпий* 'мех ягненка, воротник из шкуры ягненка'.

Ряд слов иллюстрирует тесную связь самарских говоров с соседними средневожскими (ульяновскими, саратовскими) говорами: *руно* 'старая рваная, ветхая одежда, тряпье', *лохмот* / *лохмота* 'ветхая, изношенная одежда', *махры* 'старые, рваные вещи', *бляшка* 'пуговица', *варьги* 'варежки', *крутка* 'стеганая верхняя одежда, куртка', *лаконка* 'деталь женской одежды – прорезной карман у пояса или мешочек, пришиваемый к поясу'.

Такие диалектные наименования, как *гаруськи* 'завязки, шнурки на обуви', *гусарки*, *гусарики* 'ветхая, изношенная, рваная одежда', *козликковый* 'связанный из козьего пуха', *подполка* 'вышивка около ворота мужской рубахи', *шушун* 'женская верхняя короткополая одежда', *шушпанка* 'мордовская шуба со сборками', обнаруживают связи самарских говоров с русскими говорами Башкортостана, Урала. Они либо не зафиксированы в сводном диалектном словаре русских говоров (СРНГ), либо имеют ограниченное количество фиксаций.

В составе рассмотренных ЛСГ «Одежда» и «Обувь» на территории Самарской области отмечены не зафиксированные диалектными словарями лексемы *вязанки* 'вязаная обувь, подшитая кожей', *ганты* 'отделка на юбке в виде пришитых полосок', *грибы* 'оборки на подоле юбки', *капрыска* 'кофта из шерстяной или шелковой материи', *картаги* 'валяная обувь из овечьей

шерсти', *миринатка* 'верхняя женская одежда, короткая куртка', *москвич* 'мужское теплое короткое полупальто с меховым воротником и поперечным расположением боковых прорезных карманов', *надставка* 'нижняя часть традиционной русской рубахи', *правнижи* 'варежки с отдельно связанным указательным пальцем', *чернодубка* 'черный пиджак', *хархары* 'ветхая, старая одежда', *японка* 'старинная верхняя одежда из самодельного сукна, стеганое короткое пальто без воротника'. Кроме того, в словаре самарских говоров наблюдаются узколокальные лексемы, отмеченные в СРНГ с единственной пометой *самарское*: *зайка* 'женское короткое пальто с воротником', *монарка* 'женский пиджак; короткое женское пальто; женская плюшевая куртка'.

Отмеченные факты свидетельствуют об активных языковых процессах в русских народных говорах и о лингвистическом потенциале народных говоров, который до настоящего времени присущ диалектной лексике.

Примечания

¹ Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого Отделением гуманитарных и общественных наук РФФИ и Правительством Самарской области проекта № 16-14-63001 «Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание».

² В статье использованы сокращенные названия районов Самарской области: Алекс. – Алексеевский, Безенч. – Безенчукский, Бор. – Борский, Богат. – Богатовский, Б. Черн. – Большечерниговский, Б. Глуш. – Большеглушицкий, Волж. – Волжский, Елх. – Елховский, Кин. – Кинельский, К.-Черк. – Кинель-Черкасский, Красноарм. – Красноармейский, Краснояр. – Красноярский, Нефт. – Нефтегорский, Пестр. – Пестравский, Серг. – Сергиевский, Ставро. – Ставропольский, Сызр. – Сызранский, Шент. – Шенталинский, Шигон. – Шигонский.

Список литературы

Баженова Т. Е. К проблеме изучения этнографической лексики самарских говоров // Славянские чтения – 2017: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак, 2017. С. 6–9.

Бакланова И. В. Наименования янтарных бус в русских народных говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 59–69.

Гришанова В. Н. Названия одного женского украшения в говорах Орловской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. СПб.: ИЛИ РАН, 1998. С. 181–186.

Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: Антология. Т. IV: Русская свадьба Самарской губернии. Ч. I / авт.-сост. И. А. Касьянова (отв. ред. [и др.]). Самара, 2015. 684 с.

Зверева Ю. В. Проблемы создания тематического словаря «Традиционная одежда и обувь жителей Пермского края» // Славянская диалектная лексикография: материалы конф. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 56–57.

Кошарная С. А. О названиях некоторых традиционных видов одежды, входящей в женский костюм Белгородской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. СПб.: ИЛИ РАН, 1998. С. 186–190.

Крылова О. Н. Наименования верхней женской одежды в севернорусских говорах: ономазиологический и семасиологический аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 23 с.

Кузина Г. В. Лексика одежды: названия головных уборов в орловских говорах (структурно-семантический аспект): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2001. 19 с.

Малаховский В. А. Говоры Новобуянского района Куйбышевской области // Ученые записки Куйбышевского педагогического института, 1942. Вып. 5. С. 57–90.

Малаховский В. А. Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия // Ученые записки Куйбышевского педагогического института, 1957. Вып. 17. 184 с.

Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб.: Наука, 2005. 636 с.

Осипова Е. П. Наименования одежды в рязанских говорах (этнолингвистический и лингвогеографический аспекты): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999. 26 с.

Сороколетов Ф. П. Семантическая структура слова в диалектных словарях // Вопросы изучения лексики русских народных говоров (Диалектная лексика 1971). Л.: Наука, 1971. С. 181–189.

Судаков Г. В. Предметно-бытовая лексика в ономазиологическом аспекте // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 105–112.

Толкачева И. В. Диалектные названия обуви в нижегородских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 615–625.

ЯОС – Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. / под науч. ред. Т. К. Ховриной; ЯГПУ. Ярославль, 2015. Т. 1–2.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, О. Д. Кузнецовой, С. А. Мызникова. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2014. Вып. 1–47.

References

Bazhenova T. E. K probleme izucheniya etnograficheskoy leksiki samarskikh govorov [To the problem of studying the ethnographical vocabulary of the Samara dialects]. *Slavyanskiye chteniya – 2017: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Slavic readings – 2017: Proceedings of the international scientific-practical conference]. Sterlitamak, 2017, pp. 6–9. (In Russ.)

Baklanova I. V. Naimenovaniya yantarnykh bus v russkikh narodnykh govorakh [Names of amber beads in the Russian folk dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [A Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Studies)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, pp. 59–69. (In Russ.)

Grishanova V. N. Nazvaniya odnogo zhenskogo ukrasheniya v govorakh Orlovskoy oblasti [Names of one female adornment in the dialects of the Orel region]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)*. [A Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Studies)]. St. Petersburg, ILI RAS Publ., 1998, pp. 181–186. (In Russ.)

Dukhovnoe nasledie narodov Povolzh'ya: zhivyye istoki: Antologiya. T. IV. Russkaya svad'ba Samar-skoy gubernii. Chast' I [Spiritual heritage of the Volga Region's peoples: The living sources: Anthology. Vol. IV. Russian Wedding of the Samara region. Pt. I]. Ed. by I. A. Kas'yanov. Samara, 2015. 684 p. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. Problemy sozdaniya tematicheskogo slovarya «Traditsionnaya odezhda i obuv' zhiteley Permskogo kraya» [Problems of the creation of the thematic dictionary “Traditional clothing and footwear of the Perm region's inhabitants”]. *Slavyanskaya dialektnaya leksikografiya: materialy konferentsii* [Slavic dialect lexicography: Proceedings of the conference]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, pp. 56–57. (In Russ.)

Kosharnaya S. A. O nazvaniyakh nekotorykh traditsionnykh vidov odezhdy, vkhodyashchey v zhenskiy kostyum Belgorodskoy oblasti [On the names of some traditional clothing types being parts of the woman's suit of the Belgorod region]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [A Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Studies)]. St. Petersburg, ILI RAS Publ., 1998, pp. 186–190. (In Russ.)

Krylova O. N. Naimenovaniya verkhney zhenskoy odezhdy v severnorusskikh govorakh: onomasiologicheskii i semasiologicheskii aspekt. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Names of outer woman's clothing in the North Russian dialects: the onomasiological and semasiological aspects. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2002. 23 p. (In Russ.)

Kuzina G. V. Leksika odezhdy: nazvaniya golovnykh uborov v orlovskikh govorakh (strukturno-

semanticheskiiy aspekt). Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Names of clothing: names of headgears in the Orel dialects (structural-semantic aspect). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Orel, 2001. 19 p. (In Russ.)

Malakhovskiy V. A. Govory Novobuyanskogo rayona Kuybyshevskoy oblasti. [Dialects of Novyy Buyan of the Kuybyshev region]. *Uchenye zapiski Kuybyshevskogo pedagogicheskogo instituta* [Proceedings of Kuybyshev Pedagogical Institute]. 1942, issue 5, pp. 57–90. (In Russ.)

Malakhovskiy V. A. Kuybyshevskaya oblastnaya dialektologicheskaya khrestomatiya [Kuybyshev regional dialect reader]. *Uchenye zapiski Kuybyshevskogo pedagogicheskogo instituta* [Proceedings of Kuybyshev Pedagogical Institute]. 1957, issue 17, pp. 57–90. (In Russ.)

Myznikov S.A. *Russkie narodnye govory Srednego Povolzhya: Chuvashskaya Respublika, Respublika Mariy El* [Russian dialects of the Middle Volga region: The Chuvash Republic, the Mari El Republic]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 636 p. (In Russ.)

Osipova E. P. *Naimenovaniya odezhdy v Ryazanskikh gorakh: etnolingvisticheskiy i lingvogeograficheskiy aspekt*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Names of clothing in the Ryazan dialects: the ethnolinguistic and linguistic geography aspects. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1999. 26 p. (In Russ.)

Sorokoletov F. P. Semanticheskaya struktura slova v dialektnykh slovaryakh [Semantic structure of a word in dialect dictionaries]. *Voprosy izucheniya leksiki russkikh narodnykh govorov (Dialeknaya leksika 1971)* [Issues of studying vocabulary of the Russian folk dialects (Dialect vocabulary 1971)]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 181–189. (In Russ.)

Sudakov G. V. Predmetno-bytovaya leksika v onomasiologicheskome aspekte [Household object vocabulary in the onomasiological aspect]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language]. 1986, issue 6, pp. 105–112. (In Russ.)

Tolkacheva I. V. Dialektnye nazvaniya obuvi v nizhegorodskikh govorakh [Dialectic names of footwear in Nizhny Novgorod dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Studies)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, pp. 615–625. (In Russ.)

YaOS – Yaroslavskiy oblastnoy slovar': Dopolneniya: v 2 t. [Yaroslavl regional dictionary: the addition: in 2 vols.]. Ed. by T. K. Chovrina. Yaroslavl', 2015, vols. 1–2. (In Russ.)

SRNG – Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Ed. by F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, O. D. Kuznetsova, S. A. Myznikov. Moscow, Leningrad, St. Petersburg, Nauka Publ., 1965–2014, vols. 1–47. (In Russ.)

DESIGNATIONS OF CLOTHING AND FOOTWEAR IN THE SAMARA DIALECTS

Tatyana E. Bazhenova

Associate Professor in the Department of Russian Language,

Culture of Speech and Their Teaching Methods

Samara State University of Social Sciences and Education

47, L. Tolstogo st., Samara, 443010, Russian Federation. bazhenova@pgsga.ru

SPIN-code: 9362-1526

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4151-0686>

ResearcherID: N-6608-2017

Submitted 19.10.2017

The article considers the system and structural organization of designation of clothing and footwear in the Russian dialects of the Samara region. The lexical data of dialectological archives and personal records of dialect words made in dialectological expeditions are used. The relevance of the investigation is determined by the problems of the adequate description of the vocabulary of clothing and footwear in the dictionary of the Samara dialects. The article solves the problem of including archaic words and designations of clothing and footwear recorded in dictionaries of literary language into the dialect dictionary.

The structure of this thematic group is presented. The dialect vocabulary under study can be divided into seven groups: generalized designations of clothing and footwear; designation of men's and women's outer clothing; designations of the outer humeral clothing (shirt); designations of clothing with a belt (apron); designations of footwear; designations of clothing for hands (glove) and clothing for legs (stockings). Special attention is paid to the nominating components organizing the thematic groups. The typology of correspondence between the dialect words and their literary equivalents is worked out. The paper notes the development of the semantic structure of the dialect words designating clothing. It is established that designation of clothing and footwear has typological similarities with dialects of both polar dialect groups of the Russian language. A group of vocabulary that unites the Samara dialects with other dialects of the Volga region is identified. Designations of clothing in the Samara secondary dialects are concluded to be of a specific character.

Key words: Russian language; dialectology; dictionary; vocabulary; Volga region; Samara dialects; clothing; footwear.

УДК 81-25

doi 10.17072/2037-6681-2018-1-14-26

НЕПАРТИКУЛЯРНОЕ СЛОВО *НЕТ* В УСТНОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Лили Цуй

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. lilicui@mail.ru

SPIN-код: 2726-3326

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5859-1021>

ResearcherID: U-9849-2017

Статья поступила в редакцию 22.01.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лили Цуй. Непартикулярное слово *нет* в устной повседневной речи: функционально-семантическая характеристика // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 14–26. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-14-26

Please cite this article in English as:

Lili Cui. Nепartikulyarnoe slovo *net* v ustnoy povsednevnoy rechi: funktsional'no-semanticheskaya kharakteristika [The Non-Particular Word *Net* in Everyday Oral Speech: Functional-Semantic Description] *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 1, pp. 14–26. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-14-26 (In Russ.)

Представлена функционально-семантическая характеристика слова *нет* в русской устной повседневной речи. Внимание исследователя сосредоточено на непартикулярном (выступающем в роли не-частицы) слове *нет* (с учетом его просторечного варианта *нету*), которое является неизбежным и весьма частотным элементом любой устной речи. Источником материала стал Звуковой корпус русского языка «Один речевой день» (ОРД). Конкретным материалом для исследования послужил созданный автором пользовательский подкорпус, включающий 347 контекстов из записей первых шести информантов ОРД (более 75 тыс. словоупотреблений, более 6,5 час. звучания). Материал анализировался с помощью традиционных для лингвистических работ описательного и сопоставительного методов. Как выяснилось, в нашей устной повседневной речи встречаются далеко не все типы непартикулярного слова *нет*, зафиксированные в академических словарях и грамматиках русского языка. В материале удалось обнаружить только три из пяти его разновидностей: 1) в значении предиката-сказуемого (*нет денег*); 2) в роли слова-предложения, которое может быть трактовано как нечленимая синтаксическая структура, в частности при отрицательном ответе на вопрос (*Идешь? – Нет*); 3) в функции эквивалента, заместителя слова, словосочетания или целого предложения, с отрицанием (при противопоставлении) (*Будешь или нет?*). Еще два кодифицированных («словарных») типа непартикулярного *нет* в материале исследования не встретились: 4) в значении существительного, в основном в составе различных разговорных коллокаций (*свести на нет*, *на нет* и *суда нет*, *пирог с нетом* и под.) и 5) в значении уступительного союза (*Живи в довольстве, безобидно! Да нет: я вздумал ревновать*). В статье – в духе грамматики употреблений М. Tomasello – описываются все узуальные особенности употребления непартикулярного слова *нет* в русской устной повседневной речи и дается его обобщенная функционально-семантическая характеристика.

Ключевые слова: русская устная повседневная речь; звуковой корпус; функционально-семантическая характеристика; предикат, эквивалент слова.

1. Введение

Давно замечено, что «языковая деятельность носителя литературного языка протекает в постоянном согласовании собственных речевых действий с тем, что предписывают словари и грамматики данного языка, и с реальной повседневной речевой практикой его современников» [Черняк 2010: 23]. Иными словами, говорящий в своей речевой деятельности, строя устное высказывание, постоянно «ориентируется» не только на данные словарей и грамматик русского языка, на *кодифицированную норму*, или «норму-эталон» [Германова 2001: 39], но и на *норму реальную, объективную*, которая выявляется только в речи носителей языка и не всегда полностью соответствует кодификации [Богданова 2001: 29–30], так называемую «норму-узус» [Германова 2001: 39]. Из этого следует, что любую кодификацию стоит и даже необходимо «проверять» на материале реальной повседневной речи носителей языка, выявляя и подвергая детальному лингвистическому анализу все сходства и различия двух этих норм¹ (см. об этом, например: [Богданова 2011; Богданова-Бегларян 2012]).

Все сказанное в полной мере относится к функционированию в нашей речи слова *нет*, которое в большом количестве присутствует в любой устной повседневной речи², прежде всего – в качестве основной формы выражения негативной реакции говорящего. В статье рассматриваются сходства и различия в характере употреблений этого слова, которые обнаруживаются при сравнении данных словарей и реального его функционирования в речи (на корпусном материале).

В словарях русского языка зафиксировано 6 различных типов употребления слова *нет*: прежде всего – в значении *частицы* (отрицательной, усилительной или вопросительной), а также в ряде других, непартикулярных, функций / значений: (1) предикатив; (2) неполное слово-предложение, чаще при отрицательном ответе на вопрос; (3) в значении эквивалента, заменителя слова, словосочетания или целого предложения, с отрицанием (при противопоставлении); (4) в значении уступительного союза; (5) как существительное в значении ‘отсутствие, неимение’. В настоящей статье предлагается анализ употреблений только непартикулярного слова *нет*, на материале которого обнаруживается много интересного.

2. Слово НЕТ как способ выражения негативной реакции говорящего

В научной литературе выделяются разные типы негативных реакций, которые выражаются, в частности, с помощью слова *нет*.

Так, исследование Я. В. Боргер [Боргер 2004] в принципе посвящено изучению речевых актов негативной реакции. По мнению автора, ситуации возражения, запрещения, опровержения, отказа, неодобрения, т. е. любого негативного реагирования на высказывание, поставленный вопрос, предложение, совет, приглашение или произведенное действие, являются одними из сложнейших в процессе речевого взаимодействия [там же: 4]. Речевой акт негативной реакции – это речевое действие, выражающее отрицательное отношение к высказыванию собеседника, представляющее собой информативное, оценочное или императивное высказывание и имеющее в речи определенное воплощение [Ершова 2011: 297]. На основе классификации, предложенной Я. В. Боргер, Н. Б. Ершова выделила три типа высказываний в рамках речевого акта негативной реакции: информативное (несогласие с оттенком возражения, опровержения, отказа); оценочное (несогласие, включающее отрицательную оценку высказывания собеседника); императивное (запрещение). Во всех этих типах речевых актов средством выражения негативной реакции говорящего может выступать и слово *нет*, хотя прямой ответ «нет» нарушает сформулированный Дж. Личем *Принцип Вежливости* [Leech 1983], согласно которому отказ в просьбе, предложении или желании должен сопровождаться определенным дополнительным текстом, в котором содержится извинение или сожаление с соответствующим обоснованием причин отрицательной реакции. Тем интереснее проследить, как именно употребляется слово *нет* в реальной повседневной речи носителей русского языка и всегда ли оно укладывается в рамки речевого акта негативной реакции.

В исследовании Н. К. Хлебцовой [Хлебцова 2008] речь идет о четырех типах негативных реакций: несогласие, отрицание, отказ и собственно негатив, функционирование которых зависит от сферы общения. Автор выделила также три группы средств выражения негативных реакций:

- коммуникативы;
- предложения с устойчивой структурой (клише и конвенционализмы);
- предложения со свободной структурой.

Коммуникативы, в свою очередь, подразделяются на три группы:

- 1) **коммуникативы отрицания**: *нет, не, не-а, о нет, да (уж) ладно, да (уж) прям* и под.;
- 2) **коммуникативы положительной семантики**, в частности, коммуникатив *да*, негативное содержание которых передается с помощью интонации;

3) **междометные коммуникативы:** ой, фу, ну, у-у, ба и под., служащие для выражения негативных эмоций.

Видно, что слово *нет* входит в группу коммуникативов отрицания. Особенности функционирования этого слова в его непартикулярных употреблениях и посвящена настоящая статья.

3. Материал и методика исследования

Корпусный подход к анализу речевого материала позволяет взглянуть на употребления слова *нет* как с качественной, так и с количественной стороны. Конкретным материалом для исследования стали 347 контекстов со словом *нет* из звукового корпуса «Один речевой день» (ОРД), создаваемого на филологическом факультете СПбГУ (подробнее о нем см.: [Богданова-Бегларян и др. 2015, 2017; Русский язык повседневного общения... 2016]). Корпус ОРД ставит своей целью изучение речевого поведения носителя языка в течение дня (с использованием методики 24-часовой записи). По условиям экспе-

римента в корпусе фиксируется все – диалоги, монологи и самые разные звуки, которые издают как участники эксперимента (информант «с диктофоном на шее» и его коммуниканты), так и среда их обитания – звук включенного электрочайника или водопроводного крана, скрип кресла, лай собаки, но главное все же – речь человека. Каждый информант ведет также своеобразный дневник «речевого дня», указывая в нем своих коммуникантов и описывая ситуацию, в которой происходит общение (например, «в магазине», «в метро» и т. п.). Именно корпус ОРД стал источником материала для настоящего исследования.

Пользовательский подкорпус был создан на основе «речевых дней» первых шести информантов ОРД – И1–И6, из транскриптов (расшифровок) которых были выбраны все контексты, содержащие слово *нет*. В таблице приведены метаданные этих информантов и количественные данные о материале, извлеченном из их «речевых дней».

Метаданные информантов корпуса ОРД / Metadata of informants of the ORD speech corpus

Характеристики	Номер информантов					
	И1	И2	И3	И4	И5	И6
Пол	Ж	М	Ж	Ж	Ж	Ж
Возраст	33	32	33	34	27	40
Образование	Высшее	Незаконч. высшее	Высшее	Высшее	Высшее	Среднее спец.
Квалификация по диплому	Экскурсовод	Инженер	_3	Лингвист	Психолог	Медик
Профессия (род деятельности)	Няня, репетитор	Рабочий	Маркетинг, руководитель отдела	Преподаватель	Лингвист	Преподаватель
Профессиональная группа	ГУМ ⁴	ИНЖ	ОФ	ОБР	ОБР	ОБР
Статусная группа	СП ⁵	СП	РУК	СП	СП	СП
Возрастная группа	Младш.	Младш.	Младш.	Младш.	Младш.	Старш.
Время звучания (в мин.: сек.)	91:58	23:02	36:03	124:37	59:00	51:31
Объем фрагмента в «словах» ⁶	14 664	12 855	7 371	25 765	10 311	6 540

Из таблицы видно, что на данном этапе состав информантов, привлеченных к исследованию, абсолютно не сбалансирован – ни по гендеру (отчетливо преобладают женщины), ни по возрасту (отчетливо преобладают информанты младшей возрастной группы), ни по уровню образования (отчетливо преобладают носители языка с высшим образованием). Это пока не позволяет сделать хоть какие-то выводы о специфике употребления непартикулярного слова *нет* разными группами говорящих и делает предлагаемое исследование «пилотным» в этом отношении, однако ставит задачу балансировки состава информан-

тов, что вполне решается на материале корпуса ОРД и будет сделано на следующем этапе работы.

Анализ пользовательского подкорпуса включал выявление и квалификацию всех типов употреблений слова *нет*, описание всех контекстов с непартикулярным *нет*, а также получение всех возможных количественных характеристик материала. В ходе контекстного анализа фиксировались многие особенности этих употреблений в целях создания общей функционально-семантической характеристики непартикулярного слова *нет* в русской устной повседневной речи.

4. Непартикулярное слово НЕТ в повседневной речи (с опорой на словарные данные)

Анализу корпусного материала предшествовал обзор значений лексемы *нет* с опорой на дефиниции, представленные в словарях русского языка. Обращение к словарям [БАС 1958: 1209–1212, 2009: 301–303; МАС 1982: 484–485; БТС 1998: 643] позволило обнаружить как сходства, так и различия в семантической структуре базовой части употреблений исследуемого слова. Использование именно этих словарей объясняется тем, что время их создания (с разницей в 50 лет) дает возможность проследить изменение значений / функций исследуемого слова, сравнить его характеристики в разных по времени лексикографических источниках. В результате сложилась следующая общая картина. Ниже приведены «словарные» значения / функции слова *нет*, а затем – соответствующие иллюстрации из корпуса ОРД.

4.1. Предикат-сказуемое в безличном предложении

В словарях дается следующая информация на этот счет: **Безл. в знач. сказ. (предикатив). Не имеется налицо, отсутствует.** *Когда гостей нет, мы рано ложимся.* Не существует, не бывает вовсе. *Сильнее кошки зверя нет.* Не имеется, употребляется для большей выразительности и усиления отрицания. *Другого выхода нет, клянусь вам. Нет и нет.* Входит в состав устойчивых сочетаний и выражений. Образование форм у таких употреблений (фразеологизмов) обычно ограничено (см. коллокации⁷ в словарях). Ср. соответствующие примеры из ОРД:

- 1) *как дела? *П # ничего // какие дела? *П никаких дел нет (Ж1 # И1)⁸;*
- 2) *один раз удалось поставить / а второй раз не удалось / # *Н ... нигде нет ни генератора / ничего / серийных номеров (М1 # И1);*
- 3) *во-вторых ты понимаешь / дело в том / что я сразу могу сказать / я и Антону% это сказала / что мне кажется что у меня с *Н Трэйдом\$ не получится беседа // *П там нет ни одного вменяемого человека (ИЗ) # Ж1).*

По примерам видно, как часто отрицание, выраженное словом *нет*, усиливается с помощью других отрицательных слов (в контекстах подчеркнуты). Можно отметить также выражение *никаких дел нет* (1), которое уже стало устойчивым и практически синонимичным слову *ничего*, обозначающему (в ответе на вопрос *как дела?*) 'нормально, все в порядке, ничего нового, необычного'.

Наряду с литературным *нет*, в устной речи встречается его разговорная форма *нету* – в том же значении⁹, ср.:

- 4) *почему-то нет сейчас маленьких тортиков // (м-м) знаешь / мы иногда покупали (м) тортики ... *П # есть // # рублей за... / нету маленький сейчас в «Онтромэ» \$ // @ а / в «Онтромэ» \$ // @ в «Онтромэ» \$ нету / да (И4) # Ж1 # Ж2).*

Иногда генитив при таком предикативном *нет* выражен не существительным или местоимением, а прилагательным или иным, порой контекстуальным, субстантиватом:

- 5) *ну-ка... какой у Иришки% интересно обогреватель? Ириша%! *П @ а вот сейчас мы её спросим // @ ну-ка иди сюда! # там почище водичка ... # сейчас придёт // *П покажи / какой у тебя обогреватель // *П # у меня? *И а здесь вот такого нет (Ж1 # И4 # НЖ # Ж2 # Р1);*
- 6) *ой / * П а это что же? *П # а это ручки // *П ну чугунная она же правильная // # а говорили нет чугунных (Р1 # И4 # Ж2).*

Специфика устной спонтанной речи проявляется и в том, что часто генитив в подобных конструкциях опускается, хотя для слушающего остается возможность его восстановления из контекста:

- 7) *ну () да / *П зелёнькую мы наверно всю купили // *П # а что мы смотрим? бумажные обои? # а вот здесь нет у них? ну-ка подожди / а может вот здесь? здесь нет // # не-а // # нету (Ж1 # И4).*

Видно, как в контекстах (4) и (7) соседствуют обе формы – *нет* и *нету* в речи одних и тех же говорящих, что свидетельствует, по-видимому, о постепенном стирании их стилистической дифференциации. В контексте (7) присутствует и разговорный аналог слова *нет* – *не-а*, однако не в значении предиката в безличном предложении, а, скорее, в функции отрицательного слова-предложения (см. следующий раздел работы).

Заслуживает комментария и такой контекст (8):

- 8) *это очень дорого / то что вот этот пункт ... *П # ну в общем да / как-то (э-э) ... *П не... не по-человечески // # ой ой ой ой! # что / деньгов () нет? # нет / есть деньги / но всё большие (Ж01#И04).*

В научном обиходе лингвистов термин «языковая игра» включает все «явления, когда говорящий “играет” с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» [Земская и др. 1983: 172]. По мнению Т. А. Гридиной, суть языковой игры заключается в намеренном использовании отклоняющихся от нормы языковых структур: «языковая игра порождает иные, чем в узусе и норме, средства выражения определенно-го содержания или объективирует новое содержание при сохранении или изменении старой

формы» [Гридина 1996: 7]. Очевидно, что *день-гов () нет?* в примере (8) – это языковая игра. Информант И4 имеет высшее образование (см. таблицу), является кандидатом филологических наук и работает преподавателем в университете, поэтому употребленная им аномальная форма – точно не грамматическая ошибка, а элемент языковой игры, вполне свойственной устному общению носителей языка с высоким уровнем речевой компетенции¹⁰.

На основе предикативного *нет* в русском языке образовано большое количество конструкций, претендующих на статус коллокаций, ср.:

- 9) *тихо тихо / не кричи Хомочка // # вот я купила *Н # *Н # угу // # не надо гудеть! *П уже как-то сил нет* (И4 # Ж1);
- 10) *а ты не можешь как-нибудь так выторговать / чтоб тебе не к половине девятого / а к половине десятого? *П # угу *П // нет / это хуже / потому что (:) чтоб приехать к половине десятого / тебе придется выходить (...) в восемь // *П то есть ему... он не завязан с транспортом // *П ну так можно / да / потому что (...) тебе **нет смысла** / потому что ты просто просидишь в пробке* (Ж1 # И4).

Такие конструкции, так же как и упомянутое выше *никаких дел нет*, можно рассматривать как *идиоматический потенциал* современной разговорной речи.

4.2. Слово-предложение как нечлененная структура, чаще в отрицательном ответе на вопрос

Словари дают на этот счет следующую информацию: слово *нет* может выступать в **знач. неполного предложения при отрицательных ответах на вопросы**. Например: *вы меня не любите? – Нет, не люблю*. В ряде словарей [МАС 1982; БТС 1998] подобные употребления трактуются как отрицательная частица. В настоящей работе принимается трактовка, предложенная в [БАС 2009], т. е. *нет* рассматривается в качестве нечлененого предложения (слова-предложения). Ср. примеры из ОРД:

- 11) *так / по Садовой\$ / потом () по Маклина\$ // *П на (:) Союза Печатников\$ / и там / вот кругами кругами к Мариинке\$ // @ *Н тема о впечатлениях своих? # **нет** (!) экскурсию написать!* (И1 # М1);
- 12) *ты смотри какая! @ о! *П # м-м! @ ой / они уже видишь / они так тают быстро // @ а! *П # угу // # так / осторожно осторожно осторожно! # и свет погасим? # мама / можно я чеснок по... *П **нет** / свет не обязательно гасить / пусть ... @ и свет! *П Катя%! погасите свет!* (Ж3 # Ж1 # Р1 # Ж4 # И4);
- 13) *там же фарш стоит у тебя в холодильнике // *П не забудь пожарить // *П не / ну зав-*

*тра // *П чтоб пожарить его / ты понимаешь / у тебя котлеты через двадцать минут будут // *П **нет нет нет!** просто (:)/ дело-то сегодня до них не дошло* (И04);

По приведенным примерам видно, что слово-предложение *нет* действительно появляется, как правило, в качестве ответа на заданный вопрос – сразу (on-line) (11) или дистантно (off-line) (12), порой многократно повторяясь (13). В контексте (13), однако, говорящий использует его не после вопроса, а после высказанного им самим предложения что-то сделать, на которое, по-видимому, только ожидает вопроса собеседника и торопится его предупредить.

И в таких контекстах достаточно часто слово *нет* тоже «обрастает» дополнительными отрицаниями (в примере подчеркнуты), ср.:

- 14) *её нет через (...) среди (э) двенадцати самых ярких ... // *П Фомальгаут\$ даже есть // Де-неб\$ // *П а этой нет // как-то же она должна называться // *П **нет** // никогда не слышала* (М1 # Ж1 # [И1]).

Здесь отрицательная реакция, выраженная словом *нет* и еще серией отрицаний (*никогда не слышала*), снова следует не за вопросом, а за предположением *как-то же она должна называться*. Ср. еще пример подобного типа, где слово *нет* явно означает отказ от предложения (*вылей чай – нет*):

- 15) *ну нет / видишь / я думала / что нет молока / я поэтому чай налила / *П так я б кофе попила б // *П # так вылей чай / господи боже мой! @ **нет** // *П ты что / ты что* (И6 # Ж1).

По-видимому, к этому же типу относится *нет* и в конструкциях-коллокациях *почему нет?* и (вариант с усилением) *почему нет-то?* – ср.:

- 16) *ну приходили на диспетчера / но (...) там как-то (...) нет // там # а почему **нет?** *П ну *П @ скажите объясните @ я / *П честно говоря (м) / *П во-первых (э) / ну я могу конечно показать вам эти анкеты // *П ну я не знаю / *П если бы вы увидели этих людей / вы бы наверно тоже как-то *Н # ну почему **нет-то** / ну что вы там / что вам помешало там () провести собеседование с этими людьми? *П что остановило?* (И3 # М1).

Вопрос о коллокациях-конструкциях с непартикулярным *нет* требует, как представляется, отдельного исследовательского внимания – см., например, следующий раздел статьи.

4.3. Эквивалент слова, словосочетания и целого предложения с отрицанием (при противопоставлении)

Информация из словарей: слово *нет* может выступать в **знач. эквивалента, заменителя слова, словосочетания и целого предложения с отрицанием (при противопоставлении)**.

Если спросит он, забыла ль я его иль нет, скажи, что все его я помню и люблю. По данным [БАС 2009], при противопоставлении слово *нет* обозначает действие или состояние, противоположное тому, которое названо в первой части сообщения, [БТС 1998] рассматривает такое употребление как сказуемое с отрицанием, а также замену словосочетания или целого предложения с отрицанием, когда они противопоставляются предыдущему. Возник спор: одни утверждали, что нужно строить дорогу, другие – что нет. Она думала: придет он или нет. Примеров такого типа в материале исследования довольно много:

17) я почему спрашивала что тебя до... дома бу... будешь ты или нет // *П тут вот / ночью я их вписывала // и они накупили / *П какого-то конопляного пива (М1 # [И1]);

18) она должна была отправить (...) объявление / *П чтобы вышло // *П и я не знаю / отправила она его или нет (Ж1 # [И3]);

19) про Простоквашино\$ хочешь посмотреть? # а там про Простоквашино\$ есть? # хочу // *П # сделай ему // # я не поняла / да или нет? хочу // @ нет (И4 # Р1 # Ж1).

Употребления такого рода настолько типичны, что могут быть описаны как реализации одной грамматической конструкции *Р aut нет?* В разговорной речи эта конструкция оказалась очень вариативна. Так, в ней может быть опущен разделительный союз: *Р нет?* – ср.:

20) это я на колонке угостил (э-э) немца / *П салом // *П выпив водки // он долго не хотел / а потом как подсел на это сало / короче // *С и давай один бутерброд за другим наворачивать // просто за друг... (...) перед другими людьми уже неудобно было // *С так поёрло его // *С *П интересно // *П обезьяний маргарин // *П *Н *П нет? как будет? маргарин? я не зн... # обезьянье сало / по-немецки (М1 #И1);

21) вот сейчас уже батареи дали / уже он быстро высохнет // а так бы вот / вот когда дожди шли / вот хорошо бы было заделать // *П вообще / *П дали? *П нет? а / вчера прогревали батареи (И1).

Иногда эта конструкция оказывается разорвана репликами других участников разговора, при этом человек, начавший ее произносить, «помнит» о ней в течение этих чужих реплик и все же заканчивает (off-line), ср.:

22) ну оливки в банках ты ешь? *П да // *П нет? любишь *Н не нравится? оно такое (НЖ # НД # [И2]).

Возможно употребление такого *нет* и без явного предшествующего Р (*нет?*):

23) Хомочка / а может быть ты хочешь поиграть в конструктор? # нет / @ ой / слушай / тебе совсем мало пирожных досталось // #

*Н // # а в мозаику? # тоже не хочу // *П так // *П # а порисовать тоже не хочешь? # а нет // # мелочками? *П # всё / конец / *П конец // *П ча? *П # а свечки можно выключить / от них жарко / *П нет? # *П нельзя! (Ж4 # Р1 # Ж1 # И04).

Повторим, что вопрос о коллокациях-конструкциях с непартикулярным *нет* требует отдельного, более тщательного, рассмотрения, что вполне возможно сделать на материале ОРД.

4.4. Варианты употреблений слова НЕТ, не встретившиеся в корпусном материале

Словари русского языка предлагают еще два возможных употребления непартикулярного *нет*, которых не удалось обнаружить в материале исследования.

1. **В знач. уступительного союза.** Употребляется при соединении двух предложений с уступительной связью для подчеркнутого отрицания смысла первого предложения (часто в сочетании с усилительными частицами: *да, так, же*). *Кажись, о чем бы горевать? Живи в довольстве, безобидно! Да нет: я вздумал ревновать.* [МАС 1982] рассматривает подобные употребления как усилительную частицу, используемую для усиления противопоставления в сложных предложениях, имеющих уступительный характер или значение противопоставления.

2. **Употребляется как существительное слово, обычно в поговорках, шутливых выражениях и т. п. в знач.: отсутствие, неимение.** *На нет, и суда нет.* Со словом *нет* в таком значении в русском языке существует множество коллокаций (см. словари), ни одна из которых не встретилась в пользовательском подкорпусе (ср. подобную ситуацию с коллокациями, включающими слово *вот*, в [Звуковой корпус... 2015]).

В «Русской грамматике» обнаружилось указание еще на одно специфическое употребление слова *нет* (грамматически – как слова-предложения или, с учетом семантики, имени существительного, т. е. в рамках уже рассмотренных выше типов употребления), ср.: «В именной функции может выступать и целое простое предложение или его часть. Таковы, например, <...> специфические заголовочные конструкции, организуемые словом *нет*, в данной позиции развивающим лексическое значение ‘отказ’, ‘отпор’ (“*Нет равнодушию!*”; “*Нет военным базам!*”)» (Русская грамматика 1980: 421). Таких употреблений в материале ОРД выявить также не удалось. По-видимому, это типично именно для газетно-публицистического стиля языка и абсолютно не свойственно повседневной устной речи.

5. Количественные данные и проблемы систематизации материала

Из 347 употреблений слова *нет*, составивших пользовательский подкорпус настоящего исследования, большая часть, 212 (61 %), приходится на непартикулярное *нет* и 136 (39 %) – на употребление в значении частицы (см. рис. 1).

Анализ материала показал, что далеко не всегда удается четко разграничивать эти типы употреблений, да и в словарях, как оказалось, нет единства в этом отношении. Для получения более или менее адекватной функционально-семантической характеристики слова *нет* в рус-

ской устной повседневной речи пришлось ввести некоторые формальные критерии. Так, словом-предложением признавалось *нет* в отрицательном ответе на вопрос (см. выше). В случае такой же реакции на утверждение, рассуждение, предположение и т. п. (при соответствующем интонационном оформлении – см. ниже) подобное употребление расценивалось уже как частица, ср.:

24) *а у Брэдбери\$ в Марсианских_хрониках\$ // да-да-да там () / одна семья по-моему только осталась и всё / а все остальные исчезли // *П нет / остался один (э-э) мужчина и одна (:) женщина // да // @ да? *П а! (M1 # И1).*



Рис. 1. Количественное соотношение употреблений партикулярного и непартикулярного НЕТ в материале исследования
Fig. 1. The quantitative ratio between the use of the particular and non-particular NET in the material under study

Наличие явной фразовой границы (//, ? или !) после слова *нет* также служило критерием отнесения его к словам-предложениям, синтагматическая же пауза (/) или отсутствие всякой паузы¹¹ (при отсутствии предшествующего вопроса) давали основания рассматривать *нет* как частицу, ср.:

25) *не / ну это всё понятно / нет я просто говорю что (Ж1 # [ИЗ]);*
26) *мне кажется что раньше Антон% так же поступал // а теперь ... # нет / Антон% никогда так не поступал (Ж1 # ИЗ).*

В примере (25) видно, что практически полным аналогом слова *нет* выступает и усеченное *не*, функционирование которого в повседневной устной речи еще предстоит проанализировать. А контекст (26) хорошо демонстрирует, как близки по своим функциям / значениям в повседневной речи *нет*-частица и *нет*-предикат: фактически в этом примере мы видим отрицательную реакцию говорящего на высказанное себе-седником мнение. Однако характер паузы (формальный критерий!) вынуждает квалифицировать это употребление как партикулярное.

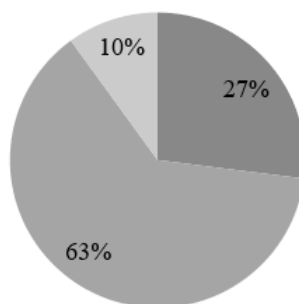
Дополнительные сложности в ходе контекстного анализа вызывало и обилие разного рода hesitant элементов, столь свойственных устной спонтанной речи. По большей части такие употребления рассматривались как партикулярные, ср.:

27) *правда я её в хрестоматийном изложении читала / издательство «Азбука» \$ // ну поведение () их (...) богов и героев тоже (...) местами @ нет там @ скользкое @ нет @ бывает знаешь / это просто с нашей точки зрения может быть / там-то они всё... (M1 @ Ж1 # [И1]);*

28) *то есть я вот / ну я вот так вот сказала / потому что / извините ребята / моя обязанность / это делопроизводство / приказы / то-то то-то то-то то-то // ну // @ ты знаешь @ а то что у нас маленькая компания / и вешают кому чего ни попадя / понимаешь // понимаешь вот это / это может взять / потому что там в общем просто безысходность / сначала *Н @ нет ты понимаешь / нет @ потом допустим это всё (Ж1 # ИЗ).*

Надо отметить, что менее всего проблем, связанных с квалификацией употребления слова *нет*, вызвал вариант предиката-сказуемого в безличном предложении (*Нет Gen*).

С учетом всех этих допущений и оговорок в ходе анализа корпусного материала была получена более или менее соответствующая действительности функционально-семантическая характеристика непартикулярного слова *нет* в русской устной повседневной речи. Соотношение выявленных трех типов такого *нет* представлено на рис. 2.



- В значении предиката-сказуемого, в безличном предложении (27%)
- В значении слова-предложения (нечленимого предложения) (63%)
- В значении эквивалента, заменителя слова, словосочетания и целого предложения с отрицанием (10%)

Рис. 2 Общее соотношение разных употреблений непартикулярного НЕТ
Fig. 2. The general ratio of different uses of the non-particular NET

Из рис. 2 видно, что чаще всего в устной повседневной речи непартикулярное слово *нет* выступает в значении слова-предложения (63 %), достаточно часто, хотя и почти в 2,5 раза реже, встречается *нет* в роли сказуемого в безличном предложении (27 %), далее следует *нет* в значении эквивалента, заменителя слова, словосочетания и целого предложения с отрицанием (10 %).

Что касается слова *нету*, то его доля в материале исследования составляет 11 %, и во всех случаях это – предикат в бессоюзном предложении, хотя словари допускают для него и другие возможности.

6. Заключение

Проведенное исследование позволило «проверить» на корпусном материале реальную представленность в повседневной русской речи всех «словарных» функционально-семантических типов непартикулярного слова *нет*. Было установлено, что, с одной стороны, далеко не все кодифицированные типы обнаруживаются в реальном употреблении и, с другой стороны, даже то, что соответствует установленной характеристике этого слова, на деле позволяет увидеть массу нюансов, которые не удается уложить в рамки словарной статьи или грамматического правила.

Важно отметить также, что все выявленные типы непартикулярных употреблений слова *нет* легко встраиваются в разговорные коллокации или грамматические конструкции и могут быть описаны схематически:

- *Нет Ген,*
- *Q? – нет,*
- *Почему нет?*
- *Р aut нет? / Р нет? / Нет?*

Перспективой предпринятого исследования видится балансировка состава информантов как минимум по гендеру и возрасту и анализ функ-

ционирования непартикулярного (а затем и партикулярного) слова *нет* в речи не только разных говорящих, но и в разных социолектах. Получение полной картины «жизни» этого весьма частотного слова нашей повседневной речи позволит оценить и его роль в реализации речевого акта негативной реакции.

Примечания

¹ Нет сомнения, что в основе любой кодификации лежит принцип адекватности современной норме, ср.: «Автор словаря или справочника, монографии или даже статьи, в которых предписывается употреблять тот или иной вариант, берет на себя определенную ответственность, т. к. в большей части случаев эти варианты отличаются друг от друга по степени их соответствия тенденциям развития языковой системы, существующим объективно» [Вербицкая 1997: 106]. Однако на практике принцип адекватности норме постоянно нарушается, кодификация сплошь и рядом отстает от нормы, отражая скорее вчерашний, чем сегодняшний день нашего языка (см., напр.: [Бондарко, Вербицкая, Гордина 1991: 141]). Ср. также: «...кодифицированная норма отражает конкретный синхронный срез системы и на какой-то срок (до выхода следующего справочного издания) остается статичной, а потому превращается во все более традиционную. Антиномия постоянного движения объективной нормы и периодической стабильности кодифицированной лежит в основе принципиальной невозможности их полного соответствия» [Большева 1996: 73]. По мнению исследователей, дистанция между реальной нормой и ее кодификацией будет тем меньше, чем последовательнее будет учитываться узус при нормализации и чем адекватнее будут квалифицироваться сосуществующие в речевой практике варианты (цит. по: [Богданова 2002: 63–64]). Пото-

му так важно анализировать реальное употребление всех, особенно таких частотных, как слово *нет*, единиц языка.

² По данным анализа материалов ОРД, слово *нет* имеет высокий 32-й ранг в частотном словнике, на его долю приходится 0,47 % всех словоупотреблений в корпусе (см.: [Русский язык повседневного общения... 2016]).

³ В таблице приведено только то, что информант сам зафиксировал в социологической анкете, которую заполнял в день записи своего «речевого дня». Как показали наблюдения над материалом ОРД, в ходе такого анкетирования было получено не более 70 % данных об участниках эксперимента. Многие графы анкет говорящие оставляли незаполненными – это неизбежное следствие массовых опросов (ср. аналогичную ситуацию [Богданова-Бегларян, Лю Даян 2017]).

⁴ ГУМ – носители языка с гуманитарным образованием и сферой деятельности, ИНЖ – инженеры, ОФ – офисные работники. Подробнее о профессиональных группах информантов в корпусе ОРД см.: [Русский язык повседневного общения... 2016].

⁵ СП – носители языка из группы специалистов, РУК – руководители. Подробнее о статусных группах информантов в корпусе ОРД см.: [Русский язык повседневного общения... 2016].

⁶ Объем материала подсчитывался автоматически, с помощью компьютерной программы, поэтому в «слова» попали все знаки расшифровок, отделенные пробелами. Это делает полученные цифры несколько условными, но, поскольку все информанты находятся в этом отношении в «равных условиях», этим обстоятельством, думается, можно пренебречь.

⁷ Термин *коллокация* используется в лингвистике для определения неоднословной, устойчивой и регулярно встречающейся языковой единицы. Этот термин был введен в лингвистику Дж. Р. Ферсом [Firth 1957]. Согласно «Словарю лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (именно здесь впервые в отечественной лексикографии был представлен этот термин), под *коллокацией* понимают «лексико-фразеологически обусловленную сочетаемость слов в речи как реализацию их полисемии» [Ахманова 1969: 193]. Существует несколько определений *коллокаций*, но «в целом в основе большинства <...> лежит явление семантико-грамматической взаимообусловленности элементов словосочетания» (см., например: [Иорданская, Мельчук 2007; Захаров, Хохлова 2010: 137]). На современном этапе термин *коллокация* нашел широкое применение в корпусной лингвистике, «в рамках которой понятие коллокации переосмысливается или упрощается по сравнению с традиционной лингвистикой. Этот подход смело можно назвать ста-

тистическим. Во главу угла ставится частота совместной встречаемости, поэтому коллокации в корпусной лингвистике могут быть определены как *статистически устойчивые словосочетания*» [Захаров, Хохлова 2010: 138] (курсив авторов. – Л. Ц.) В таком понимании используется этот термин и в настоящей работе.

⁸ Все примеры в статье атрибутируются с указанием номера говорящего (И1, И2...) и его коммуникантов (М1, М2... – мужчины; Ж1, Ж2... – женщины; Р1, Р2... – ребенок (дети); НМ, НЖ – неизвестные мужчина или женщина). Знак # в расшифровках (здесь и далее в примерах) означает меню говорящих; знак @ – наложение их речи; *П, (), (...), ... – паузы разной длительности и различного характера; знак *Н – неразборчивый фрагмент; *В – вдох, *С – смех. Знаком % обозначены анонимизированные (измененные, но с сохранением фонетической структуры) имена собственные, знаком \$ – другие имена собственные, не являющиеся личными именами. Подробнее о специальных обозначениях в транскриптах ОРД см.: [Шерстинова и др. 2009; Русский язык повседневного общения... 2016: 242–243].

⁹ Во всех подсчетах данные по *нет* и *нету* объединены. Не исключено, что дальнейший анализ сбалансированного подкорпуса материала выявит корреляции употреблений формы *нету*, по крайней мере, с возрастом, гендером и уровнем образования говорящих.

¹⁰ Подробнее о понятии *уровень речевой компетенции* как одной из важных социальных характеристик говорящего см., например: [Звуковой корпус... 2013].

¹¹ Контекстному анализу подвергались транскрипты (расшифровки) ОРД, и все выводы о наличии, отсутствии или типе пауз были сделаны исключительно с опорой на такое представление корпусных данных. Слуховой анализ материала не проводился.

Список литературы

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 608 с.
- БАС 1958 – *Словарь современного русского литературного языка* / гл. ред. В. И. Чернышев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 7. 1468 с.
- БАС 2009 – *Большой академический словарь русского языка* / под ред. Л. И. Балахоновой, Л. Е. Кругликовой, Н. В. Соловьева, В. П. Фелициной. М.; СПб.: Наука, 2009. Т. 12. *Недруг – Няня*. 651 с.
- Богданова Н. В. Живые фонетические процессы русской речи (пособие по спецкурсу). СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. ун-та, 2001. 186 с.
- Богданова Н. В. Фонологическая модель слова в соотношении с лексической системой русского

языка: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002. 403 с. (машинопись).

Богданова Н. В. Русское слово в трех режимах фиксации – словарь, ментальный лексикон и реальное употребление (лексикографический и лингвометодический аспекты) // Русский язык за рубежом. 2011. № 6. С. 6–14.

Богданова-Бегларян Н. В. Доверяем, но проверяем... грамматики и устоявшиеся языковые стереотипы // Человек и язык. К юбилею Т. И. Ерофеевой. Пермь: Изд-во «Прикамский социальный институт», 2012. С. 28–35.

Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.

Богданова-Бегларян Н. В., Лю Даян. Идиоматика в повседневной устной речи (к разработке методики описания) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 16–27.

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скредин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.

Большева Е. М. Фонетическая вариативность в аспекте кодифицированной нормы // Вестник Московского университета. 1996. № 1. С. 69–81.

Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1991. 152 с.

Боргер Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 21 с.

БТС 1998 – *Большой* толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

Вербицкая Л. А. Вариантность нормы и типы произнесения // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы: межвуз. сб. Вып. 3. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 1997. С. 105–114.

Германова Н. Н. О двойственной природе понятия языковой нормы // Тезисы докл. междунар. науч. конф. «Язык и культура». М.: Изд-во МГЛУ, 2001. С. 38–39.

Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализации в речи. Явление языковой

игры: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 566 с. (машинопись).

Ершова Н. Б. Особенности функционирования речевых актов негативной реакции // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 5–6. С. 296–299.

Захаров В. П., Хохлова М. В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2010. Вып. 9 (16). С. 136–143.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. ф-т С.-Петербург. ун-та, 2013. 536 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. ф-т С.-Петербург. ун-та, 2015. 364 с.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. И. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 172–214.

Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки слав. культуры, 2007. 672 с.

МАС 1982 – *Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К – О* / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1982. 736 с.

Русская грамматика. Т. II. Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 712 с.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

Хлебцова Н. К. Негативные реакции в разных сферах общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008. 23 с.

Черняк В. Д. Нормативные словари в современном социокультурном контексте // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии: материалы Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 11–13 нояб. 2009 г. СПб.: САГА, 2010. С. 22–27.

Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. (16–20 марта 2009 г.). СПб.: Ф-т филологии и искусств С.-Петербург. ун-та, 2009. С. 66–75.

Leech G. N. Principles of Pragmatics. L.; N. Y.: Longman, 1983. 250 p.

Firth J. R. Papers in Linguistics, 1934–1951. Oxford University Press, 1957. 233 p.

References

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, 1969. 608 p. (In Russ.)

BAS 1958 – *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Ed. by V. I. Chernyshev. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, vol. 7. 1468 p. (In Russ.)

BAS 2009 – *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Ed. by L. I. Balakhonova, L. E. Kruglikova, N. V. Solov'ev, V. P. Felitsina. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2009, vol. 12. Nedrug – Nyanya [Foe – Nanny]. 651 p. (In Russ.)

Bogdanova N. V. *Zhivye foneticheskie processy russkoy rechi (posobie po spetskursu)* [Live Phonetic Processes of Russian Speech (Special Course Handbook)]. St. Petersburg, Philological Faculty of Saint Petersburg State University Press, 2001. 186 p. (In Russ.)

Bogdanova N. V. *Fonologicheskaya model' slova v sootnoshenii s leksicheskoy sistemoy russkogo yazyka*. Diss. dokt. filol. nauk [Phonological Model of the Word in Relation to the Lexical System of the Russian Language. Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2002. 403 p. (In Russ.)

Bogdanova N. V. Russkoe slovo v trekh rezhimakh fiksatsii – slovar', mental'nyy leksikon i real'noe upotreblenie (leksikograficheskiy i lingvometodicheskiy aspekty) [Russian Word Fixed in Three Ways: a Dictionary, Mental Lexicon and Real Use (Lexicographical and Linguistic Methods)]. *Russkiy yazyk zarubezhom* [Russian Language Abroad], 2011, issue 6, pp. 6–14. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V. Doveryaem, no proveryaem... grammatiki i ustoyavshiesya yazykovye stereotipy [We Trust, but Verify... Grammars and Established Language Stereotypes]. *Chelovek i yazyk. K yubileyu Tamary Ivanovny Erofeevoy* [Man and Language. In honor of Tamara Ivanovna Erofeeva's Anniversary]. Perm, Prikamye Social Institute Press, 2012, pp. 28-35. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V., Asinovskiy A. S., Blinova O. V., Markasova E. V., Ryko A. I., Sherstinova T. Yu. Zvukovoy korpus russkogo yazyka: novaya metodologiya analiza ustnoy rechi [Speech Corpus of the Russian Language: a New Methodology for Analyzing Oral Speech]. *Yazyk i metod: russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 21 veka. Vypusk 2*. [Language and Method: The Russian Language in the Linguistic Studies of the 21st Century. Issue 2]. Ed. by D. Szumska, K. Oz-

gha. Cracow, The Jagiellonian University Press, 2015, pp. 357–372. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V., Liu Dayang *Idiomatika v povsednevnoy ustnoy rechi (k razrabotke metodiki opisania)* [Idiomatics in Everyday Speech (Search for Methods of Description)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 16–27. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V., Sherstinova T. Yu., Blinova O. V., Martynenko G. Ya. Korpus «Odn rechevoy den'» v issledovaniyakh sotsiolingvisticheskoy variativnosti russkoy razgovornoy rechi [Corpus “One Speaker's Day” in Studies of Sociolinguistic Variability of Russian Colloquial Speech]. *Analiz razgovornoy rechi (AR³–2017): trudy sed'mogo mezhdistsiplinarnogo seminarara* [Analysis of Spoken Russian Language (AR³–2017): Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar]. Ed. by D. A. Kocharov, P. A. Skrelin. St. Petersburg, Politehnika-Print Publ., 2017, pp. 14–20. (In Russ.)

Bolycheva E. M. Foneticheskaya variativnost' v aspekte kodifitsirovannoy normy [Phonetic Variability in the Aspect of the Codified Norm]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [The Moscow University Herald], 1996, issue 1, pp. 69–81. (In Russ.)

Bondarko L. V., Verbitskaya L. A., Gordina M. V. *Osnovy obshchey fonetiki* [Fundamentals of General Phonetics]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Press, 1991. 152 p. (In Russ.)

Borger Ya. V. *Kompleksnyy analiz rechevykh aktov negatinoy reaktsii (na materiale sovremennykh dramaticheskikh proizvedeniy)*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Complex Analysis of Speech Acts of Negative Reaction (Based on Modern Dramatic Works). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Tyumen, 2004. 21 p. (In Russ.)

BTS 1998 – *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1536 p. (In Russ.)

Verbitskaya L. A. Variantnost' normy i tipy proizneseniya [Variability of the Norm and Types of Utterance]. *Eksperimental'no-foneticheskiy analiz rechi: problemy i metody: Mezhevuzovskiy sbornik* [Experimental-Phonetic Analysis of Speech: Problems and Methods: Interuniversity Collection]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Press, 1997, issue 3, pp. 105-114. (In Russ.)

Germanova N. N. O dvoystvennoy prirode ponyatiya yazykovoy normy [On the Dual Nature of the Concept of the Language Norm]. *Tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Yazyk i kul'tura»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Language and Culture”]. Moscow,

Moscow State Linguistic University Press, 2001, pp. 38-39. (In Russ.)

Gridina T. A. *Assotsiativnyy potentsial slova i ego realizatsii v rechi. Yavlenie yazykovoy igry*. Diss. dokt. filol. nauk [Word's Associative Potential and its Realization in the Speech. The Language Game Phenomenon. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1996. 566 p. (manuscript). (In Russ.)

Ershova N. B. *Osobennosti funktsionirovaniya rechevykh aktov negativnoy reaktsii* [Peculiarities of Functioning of Speech Acts of Negative Reaction]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social and Economic Phenomena and Processes], 2011, issue 5–6, pp. 296–299. (In Russ.)

Zakharov V. P., Khokhlova M. V. *Analiz effektivnosti statisticheskikh metodov vyyavleniya kollokatsiy v tekstakh na russkom yazyke* [Analysis of the Effectiveness of Statistical Methods for Identifying Collocations in Texts in Russian]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog»* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: On the Materials of the Annual International Conference "Dialogue"], 2010, issue 9 (16), pp. 136–143. (In Russ.)

Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' I. Chtenie. Pereskaz. Opisaniye [Speech Corpus as a Basis for Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description]. Ed. by N. V. Bogdanova-Beglaryan. St. Petersburg, Philological Faculty of Saint Petersburg State University Press, 2013. 532 p. (In Russ.)

Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollekt. monografiya. Ch. 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza. T. 2. Zvukovoy korpus kak material dlya novykh leksikograficheskikh proektov [Speech Corpus as a Basis for Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 2. Theory and Practice of Speech Analysis. Vol. 2. Speech Corpus as a Basis for New Lexicographical Projects]. Ed. by N. V. Bogdanova-Beglaryan. St. Petersburg, Philological Faculty of Saint Petersburg State University Press, 2015. 364 p. (In Russ.)

Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. I. *Yazykovaya igra* [Language game]. *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian Spoken Language. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 172–214. (In Russ.)

Iordanskaya L. N., Mel'chuk I. A. *Smysl i sochetnost' v slovare* [Meaning and Compatibility in a Dictionary]. Moscow, LRC Publishing House, 2007. 672 p. (In Russ.)

MAS 1982 – *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. Ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow, Russian Language Publ., 1982. 736 p. (In Russ.)

Russkaya Grammatika. Tom 2. Sintaksis [Russian Grammar. Vol. II. Syntax]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980. 712 p. (In Russ.)

Russkiy yazyk povsednevnogo obshchenia: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh: kollektivnaya monografiya [Everyday Russian Language: Particularities of Functioning in Different Social Groups. *Collective Monograph*]. Ed. by Bogdanova-Beglaryan. St. Petersburg, LAIKA Publ., 2016. 244 p. (In Russ.)

Khlebtsova N. K. *Negativnyye reaktsii v raznykh sferakh obshchenia*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Negative Reactions in Different Spheres of Communication. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Saratov, 2008. 23 p. (In Russ.)

Chernyak V. D. *Normativnye slovari v sovremennom sotsiokul'turnom kontekste* [Normative Dictionaries in the Modern Sociocultural Context]. *Slovo. Slovar'. Slovesnost': Tekst slovarya i kontekst leksikografii: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Sankt-Peterburg, RGPU im. A. I. Gertsena* [Word. Dictionary. Literature: Text of a Dictionary and the Context of Lexicography: Proceedings of All-Russian Conference. St. Petersburg, the Herzen State Pedagogical University, 11–13 November 2009]. SAGA Publ., 2010, pp. 22–27. (In Russ.)

Sherstinova T. Yu., Ryko A. I., Stepanova S. B. *Sistema annotirovaniya v zvukovom korpusse russkogo yazyka «Odin rechevoy den'»* [The System of Annotation in the Speech Corpus of the Russian Language "One Speaker's Day"]. *Formal'nye metody analiza rechi. Materialy XXXVIII Mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii* [Formal Methods for Speech Analysis. Proceedings of the XXXVIII International Philological Conference]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University Press, 2009, pp. 66–75. (In Russ.)

Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London, New York, Longman, 1983. 250 p. (In Eng.)

Firth J. R. *Papers in Linguistics, 1934–1951*. Oxford University Press, 1957. 233 p. (In Eng.)

THE NON-PARTICULAR WORD *NET* IN EVERYDAY ORAL SPEECH: FUNCTIONAL-SEMANTIC DESCRIPTION

Lili Cui

Postgraduate Student in the Department of Russian Language

Saint Petersburg State University

11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation. lilicui@mail.ru

SPIN-code: 2726-3326

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5859-1021>

ResearcherID: U-9849-2017

Submitted 22.01.2018

The article contains a functional-semantic description of the word *net* in Russian oral everyday speech. It is focused on the non-particular (acting as a non-particle) word *net* (taking into account its colloquial version *netu*), which is an inevitable and very frequent element of any everyday oral speech. The source of the material is the Speech Corpus of the Russian Language “One Speaker’s Day” (ORD-corpus). A specific material for the study is a user sub-corpus created by the author and including 347 contexts from the records of the first six informants of the ORD (more than 75,000 word usages, more than 6.5 hours of speaking). The material is analyzed by means of descriptive and comparative methods, which are traditional for linguistic researches. The analysis has shown that in our everyday oral communication we use not all types of non-particular word *net* recorded in academic grammars and dictionaries of the Russian language. Only three of its five varieties have been found in the material analyzed: 1) as a predicate (*Net deneg*); 2) as a word-sentence, which can be interpreted as an incomplete sentence, in particular in a negative answer to the question (*Id’osh’? – Net*); 3) as an equivalent, a substitute for a word, a phrase or a sentence when denying (in opposition) (*Budesh’ ili net?*). Two more codified («dictionary») types of non-particular *net* have not been found in the material under study: 4) as a concessive conjunction (*Zhivi v dovol’stve, bezobidno! – Da net: ja vzdumal revnovat’*); 5) as a noun, mainly in various colloquial collocations (*svesti na net, na net i suda net, pirot s netom i pod*). Following M. Tomasello, who proposed the usage-based approach to grammar, the author of the article describes all typical features of the use of the non-particular word *net* in Russian oral everyday speech and gives its generalized functional-semantic description.

Key words: Russian oral everyday speech; speech corpus; functional-semantic description; predicate; word equivalent.

УДК 81.27
doi 10.17072/2037-6681-2018-1-27-36

ПОРТРЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЖИТЕЛЯ УРАЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИИ ИВАНА МАЛЬЦЕВА (на материале частных писем дореволюционного периода)¹

Наталья Васильевна Логунова

к. филол. н., доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин
Соликамский государственный педагогический институт (филиал)

Пермского государственного национального исследовательского университета

618547, Россия, г. Соликамск, ул. Северная, 44. logunovaN@yandex.ru

SPIN-код: 9340-4540

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5772-6385>

ResearcherID: C-3711-2016

Лариса Львовна Мазитова

к. филол. н., доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин
Соликамский государственный педагогический институт (филиал)

Пермского государственного национального исследовательского университета

618547, Россия, г. Соликамск, ул. Северная, 44. mazitova-larisa@rambler.ru

SPIN-код: 2119-2981

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6775-8233>

ResearcherID: C-3710-2016

Статья поступила в редакцию 15.12.2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Портрет исторической языковой личности жителя уральской провинции Ивана Мальцева (на материале частных писем дореволюционного периода) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 27–36. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-27-36

Please cite this article in English as:

Logunova N. V., Mazitova L. L. Portret istoricheskoy yazykovoy lichnosti zhitelya ural'skoy provintsii Ivana Mal'tseva (na materiale chastnykh pisem dorevolutsionnogo perioda) [Portrait of the Historical Linguistic Personality of the Inhabitant of the Ural Province Ivan Maltsev (Based on Private Letters of the Pre-revolutionary Period)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 1, pp. 27–36. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-27-36 (In Russ.)

В статье реконструируется историческая языковая личность уроженца города Соликамска Ивана Васильевича Мальцева на основе 16 его писем 1904–1914 гг. к родителям. Описание реализует лингвоперсоналогический подход к объекту анализа – носителю не элитарного, а низового типа речевой культуры. Предметом изучения являются тематические предпочтения, особенности стиля и манеры изложения, отраженные в текстах речевые компетенции адресанта (орфографо-пунктуационные, лексико-стилистические, грамматические и текстопорождающие), а также внешние параметры писем. Это позволяет выявить конституирующие черты данной исторической языковой личности: преимущественно прагматическую направленность интересов и устремлений, стереотипность мышления и нравственно-этических установок, неразвитость кругозора, отсутствие интеллектуально-культурных потребностей. Как языковая личность И. В. Мальцев сформировался в диалектно-просторечной речевой среде и не обнаруживает стремления повысить уровень своих речевых компетенций. Предпринятый анализ показал, что адресант является носителем обыденного языкового сознания и того типа традиционной культуры, которая в значительной мере определяла социальный облик уральского региона. Данное исследование продолжает серию предпринятых нами описаний

исторических языковых личностей, задуманную как галерея речевых портретов представителей провинциального духовенства, купечества, мещанства. Результаты исследования способствуют углублению представлений о состоянии языковой ситуации и речевой культуры уральской провинции пред- революционной России.

Ключевые слова: лингвистическая персонология; историческая языковая личность; эпистолярный текст; речевые компетенции; речевая культура.

Стремясь к устранению пробелов в изучении культуры «непролетарских» слоев провинциального общества дореволюционной России (на что указано в работах Н. Н. Алеврас [Алеврас 2009: 29]), мы обращаемся в данной статье к реконструкции исторической языковой личности представителя мещанского сословия Ивана Васильевича Мальцева, выходца из Соликамска, почтового работника в Пожве и Перми в начале XX в. Это описание задумано как продолжение серии речевых портретов исторических языковых личностей жителей уральской провинции – представителей духовенства, купечества и мещанства [Логунова, Мазитова 2014а, 2014б, 2016, 2017а, 2017б; Логунова, Мазитова, Пантелеева 2017]. Одно из таких описаний было посвящено родной сестре Ивана Мальцева – Александре [Логунова, Мазитова 2017а].

В исследованиях последних лет мы исходим из целей и задач, поставленных молодой отраслью науки – лингвоперсонологией [Нерознак 1996], и реализуем основные подходы, используемые в работах сторонников этого направления (см., например: [Мельник 2011]).

Опыт предшествующих описаний исторических языковых личностей на базе их речевой продукции позволил нам выработать ряд принципов анализа текстов с целью реконструкции речевого портрета индивида. В их числе:

- отбор источников, релевантных для решения поставленных задач, – это должны быть тексты так называемой естественной письменной речи [Лебедева 2008; Логунова, Мазитова 2010], притом что, по нашим наблюдениям, наиболее информативными в этом отношении являются эпистолярные тексты частного характера, особенно рельефно высвечивающие черты отдельной языковой личности;
- следование при воссоздании речевого портрета определенному алгоритму, включающему анализ реализации речевых компетенций адресанта, круга затрагиваемых в посланиях тем², его стиля и манеры общения с адресатом, разнообразных внешних параметров писем (предпочтений в оформлении, наличия или отсутствия признаков саморедактирования, особенностей почерка);
- учет разнородной затекстовой информации об исторической языковой личности.

Материалом для анализа в данной статье послужили 16 (13 сохранились полностью, у трех утрачен конец) писем Ивана Васильевича Мальцева родителям в Соликамск из Пожвы, Перми и села Рождественского, находящегося под Пермью. (Первое письмо датировано 11 июня 1904 г., последнее – 5 октября 1914 г.) Эпистолярный архив Мальцевых опубликован нами ранее в книге «Речевая культура жителей Северного Прикамья в начале XX века: материалы и исследования» [Логунова, Мазитова 2015: 8–27]³. Переписка носит сугубо приватный характер и, что важно для нас в данном случае, репрезентирует низовой тип речевой культуры и массовое языковое сознание, на необходимость изучения которых указывают ряд исследователей [Иванцова 2002, 2010; Караулов 2010; Плесовских 2014].

Из других материалов эпистолярного архива Мальцевых нам известно, что автор исследуемых писем – старший сын в многодетной семье, в которой было еще пять дочерей и младший сын. Прямых сведений об образовании адресанта у нас нет, но, опираясь на разнообразную текстовую информацию, в том числе о характере его профессиональной деятельности, а также на общее впечатление от его речевой продукции, мы можем предположить, что автор писем, Иван Мальцев, по всей вероятности, окончил одно из четырех имевшихся в то время в Соликамске училищ, возможно, Соликамское городское четырехклассное училище (для мальчиков) с ремесленными классами.

Из писем Ивана Мальцева мы узнаем о его жизни и службе в качестве чиновника почтового отделения вначале в Пожве, а затем в Перми. На протяжении десяти лет переписки круг тем, поднимаемых адресантом, практически не изменялся.

В письмах Ивана Мальцева:

- затрагиваются внутрисемейные отношения и события (состояние здоровья членов семьи и сообщение о своём здоровье; забота об образовании младших членов семьи; сообщения об отправке родным денег, писем, открыток, телеграмм и под.);
- сообщается информация о служебных делах (особенности работы почты; служебные обязанности и их исполнение; мнения о сослуживцах; финансовые условия его служебной деятельности и под.);

- описываются бытовые условия жизни адресанта в Пожве и в Перми;
- упоминаются отдельные факты его частной жизни, которые позволяют судить об интересах, увлечениях и образе жизни Ивана Мальцева.

Отчетливо выраженное приземленно-бытовое восприятие действительности адресантом проявляется не только в тематике, но и в способах развертывания нарратива, отражающего стереотипы провинциального мещанского сознания. В повествовании преобладает фактологический ряд из событий, значимых для обыденной картины мира его семьи:

Мы провели праздники ничего, не куда не ходили <...>; Сшил я форменное пальто на подкладѣ обошлось мнѣ оно около 30 руб. а болѣе обновъ никакихъ не заводилъ; Я хожу кататься на конькахъ на катокъ [Логунова, Мазитова 2015: 10–11];

Жалованіе получаю 19 р. 60 коп. а на счетъ квартирныхъ еще не было отвѣта изъ округа Стою на прежней квартирѣ хозяйка старушка харошая отдалъ за стирку 75 к; купилъ полдюжины свѣтлыхъ пуговицъ и петлицы и отдалъ пришитъ къ стеженной тужуркѣ [Логунова, Мазитова 2015: 13];

Знакомства не съ кѣмъ не имѣю да и имѣть не скѣмъ все народъ заводскій гулять не гдѣ, гуляю только взадъ и впередъ по своей улицѣ въ свободное время [Логунова, Мазитова 2015: 13];

Приѣхать никакъ нельзя, во первыхъ отчетность а во вторыхъ у насъ безъ отпуску изъ округа нельзя ни куда отлучаться нынче очень строго стало [Логунова, Мазитова 2015: 11];

Была ревизія пріѣзжалъ Комисаровъ сошло пока Слава Богу хорошо. Угостилъ его покупалъ коньякъ, пиво и закуску въ общемъ онъ остался доволенъ [Логунова, Мазитова 2015: 18];

Мой начальникъ: Варфоломей Михайловичъ Омышевъ. изъ Пашійскаго почтоваго отдѣленія. образованіе домашнѣе. Вино не пьетъ [Логунова, Мазитова 2015: 14];

Говорилъ ему на счетъ свояченицы онъ сказалъ я ничего не имѣю но только она сирота денегъ нѣтъ, но во обще какое приданное полагается будетъ. Я говорить со своей стороны ничего не имѣю и очень радъ былъ бы если состоялось это дѣло и помочь по службѣ что могу сдѣлать [Логунова, Мазитова 2015: 18].

Письма Мальцева обнаруживают невысокий уровень его культурного развития и общего кругозора. Они не содержат никаких сведений о культурных и общественных событиях губернского города. В письмах нет ни упоминаний о каких-либо интересах и увлечениях адресанта,

ни признаков, которые бы свидетельствовали о его стремлении к духовному саморазвитию. При этом, хотя Иван и осознает недостаточность своего культурно-образовательного уровня, устойчивой установки на самообразование у него не сформировано:

Книги самоучители по французскому, нѣмецкому и англійскому пришли но не принимался еще учить все некогда [Логунова, Мазитова 2015: 9];

Пожвѣ есть библіотека но я не бывалъ еще и безъ нее дѣловъ есть много [Логунова, Мазитова 2015: 13];

2 Января тогда былъ семейный вечеръ въ управленіи. Мы ходили, я плясалъ хотя и не совсѣмъ умѣю танцевать но все же участвовалъ въ танцахъ, танцевалъ все болѣе съ супругой начальника [Логунова, Мазитова 2015: 10];

Я праздники провелъ обыкновенно ни куда не ходилъ въ Гости и ко мнѣ ни кто небылъ, куда пойдешь всюду расходъ, кромѣ театру въ которомъ былъ частенько [Логунова, Мазитова 2015: 17].

В полном соответствии с уровнем культурного развития находится и состояние сформированности элементарных речевых компетенций – орфографических, пунктуационных, грамматических.

Освоение орфографических норм. Наблюдается неустойчивость навыков в применении самых разных правил правописания слов и форм:

- безударных гласных в разных морфемах: *выѣгралъ, протенуль, сомоваръ, чиркнувъ, параходамъ – парходъ, на Боровой – Баровой, въ контору – въ канторѣ; захвараль – захвораль, сертуки – сюртукъ; послѣ (= после), коженные;*
- вариативных гласных в приставках: *предпринимать – принимаешь, распоролась – разошлось;*
- удвоенных согласных на стыке приставки и корня (верных написаний не встретилось): *ислѣдуется, растараясь, пораспросить;*
- частицы НЕ с разными частями речи: *не забылъ, не писалъ, не можете, не знаю, не дастъ – непримуть, незаводилъ, незнаю, небылъ; никуда – ни куда; ничего, некому – ни кто, ни какихъ;*
- служебных слов со знаменательными: *съ нимъ, у нас, на его, за нами, но никакой, сънами, не скѣмъ, досей поры, такъ-же;*
- наречий (в основном адресант нарушает правило их слитного написания) *въ_обще, по_тихонько, въ_дрызгъ, на_долго, помогаю не_много, во_время не поздравил, во_все (= вовсе);*
- выбора прописной или строчной буквы: неоправданное с точки зрения орфографических правил того времени употребление адресан-

том прописных букв в апеллятивах (Здравствуйте Дорогіє Родители; Когда Начальник являлся Начальнику округа; Поздравляю, въ Округъ; везите въ Номера; съ Ямицкомъ; Дорогіє Родители Папаша и Мамаша, Поздравляемъ Васъ съ праздникомъ; Я Слава Богу живъ) и в то же время использование строчных букв в именах собственных – антропонимах (маша, фира, таля, саша, анна и под.) и топонимах (на баровой, изъ пожвы, въ перми, по оханскому провулку, до нижняго (= Нижнего Новгорода), в челябу);

- глагольных окончаний: не обижае^шся, Пожва ему не нравит^ься, какъ поживаите;
- заимствованных слов: митенги, мухта, экзаментъ, французскому, шеблеты, гальсоны, квартера – квартира;
- буквы Е вместо ъ: в корневых морфемах неверные употребления составляют 10 % (дела, отъехала, белые, верно, ответа, не съ кемъ и под.), а в аффиксах – 30 % (въ конце, въ квартире, на себе, въ Соликамске и под.);
- одного или двух Н в суффиксах прилагательных: ремеслен^ную, формен^ные, ответ^{ст}-в^ѣнное – какое придан^ное полагается, кожен^ные.

Для письменной речи Ивана Мальцева характерны написания, отражающие влияние устной речи (например, изво^шику, пришол, всѣхъ блакъ, праздни^ки), причем иногда ее диалектные или просторечно-диалектные варианты (робята, страмина, ндравятся, споминаль (= вспоминал), по губерской почтѣ, попрежднему, по провулку, заголустномъ (= захолустном), не сумлевайтесь, со своеченицей).

Отражение пунктуационных навыков. В письмах Ивана Мальцева не встречаются такие знаки препинания, как кавычки, многоточие, скобки, тире. Восклицательный знак употребляется только в начале письма – в обращении, причем знаки препинания для выделения обращения отсутствуют:

Здравствуйте Дорогіє Родители!; Здравствуйте Дорогіє Родители братъ и Сестры!; Дорогіє Родители Папаша и Мамаша!; Здравствуйте дорогіє родители Папа и Мама [Логунова, Мазитова 2015: 9, 11, 13–15, 19, 20] и под.

Наряду с верным употреблением вопросительного знака (Иль что Вы на меня осердилась?; Ну какъ нынче у Мамы капуста?; Получиль-ли мое письмо, не обижаеиш-ли?; Какъ Ваше здоровіе, все ли здоровы какъ встрѣтите Праздникъ, весело ли?; Какъ Вы поживаете здоровы ли? и все ли у Васъ благополучно? [Логунова, Мазитова 2015: 9, 13, 20]) встречается ошибочная его постановка (Очень удивленъ Вашимъ

неотвѣтомъ на мои письма?; посылалъ денежное на 25 р. съ карточками по земской почтѣ 3 Марта и до сихъ поръ ничего нѣтъ, не отвѣта ни привѣта? [Логунова, Мазитова 2015: 9]) или замена его точкой в предложениях с вопросительными местоимениями и наречиями (Какъ здоровіе Маши.; Какъ Ваше здоровіе все ли благополучно.; Какъ Вы поживаете всѣ ли живы и все ли благополучно.; Поступилъ ли Коля. Что у Васъ новаго въ Соликамскѣ. [Логунова, Мазитова 2015: 17, 18, 19, 21]).

Нерегулярна постановка знаков препинания в простом осложненном предложении и в сложных предложениях разных типов:

Если успѣете то пошлите съ нимъ письмо хотя не много чиркнувъ про домашнее [Логунова, Мазитова 2015: 9]; Поздравляю съ Рождествомъ Христовымъ, Новымъ годомъ и днемъ вашего ангела [Логунова, Мазитова 2015: 10]; вы пожалуйста отправте съ нимъ сомоваръ чайникъ двѣ стакана двѣ вилки ножикъ гитары и папа Ваши сертуки [Логунова, Мазитова 2015: 18]; Меня хотѣли съ телеграфа перевести на простой отдѣлъ, но помощникъ конторы меня назначилъ разѣднымъ чиновникомъ, такъ какъ бывшій чиновникъ захваралъ и ему дали отпускъ, а меня временно назначили на мѣсто его [Логунова, Мазитова 2015:15]; Книги самоучтели по французскому, нѣмецкому и англійскому пришли но я не принимался еще учить, все некогда [Логунова, Мазитова 2015: 9]; Жалко что Колю не приняли но что пособишь пуцай учить въ приходскомъ а на будущей годъ пуцай опять держитъ экзаментъ [Логунова, Мазитова 2015: 13]; я посылалъ письмо съ карточкой <...> по земской почтѣ съ Капелькинымъ и какъ видно изъ Вашего письма Вы его не получили я справляся и оказалось что оно вѣрно утерялось, въ немъ я писалъ все подробно [Логунова, Мазитова 2015: 13] и под.

Реализация грамматических (морфологических) компетенций. В письмах Мальцева на фоне преобладания нормативных грамматических форм встречаются отдельные случаи просторечных и диалектно-просторечных образований: дѣловъ много, стаю здоровымъ полнымъ, пополнѣ стаю, извлекетъ, послалъ другова, въ свободнее время, на будущей годъ, пуцай учить, пуцай опять держитъ экзаментъ, писните (=напишите).

Отражение синтаксических компетенций. В речевой продукции Ивана Мальцева обнаруживаются разнообразные конструкции, носящие просторечный или диалектный характер. Среди них:

- отдельные случаи беспредложного управления на месте предложного (Пожвѣ есть библіотека; все семейство поздравляемъ имя-

нинницей), которые, по мнению И. И. Баклановой, свойственны диалектной русской речи в коми-пермяцком окружении [Бакланова 2014: 124];

- факты повтора одного и того же предлога в атрибутивных словосочетаниях: *Съ кварталы со старой я переѣхалъ; спросите меня въ Почтовой въ канторѣ*;
- нетипичные для общего узуса случаи падежного и предложно-падежного управления: *приѣдетъ по первымъ пароходамъ* (вместо *первыми пароходами* или *на первых пароходах*); *Надо на себѣ завести кое-что, а то вѣдь ничего не было* (вместо *себе завести* или *для себя завести*); *Колю не приняли но что пособишь* (вместо *чем пособишь*);
- единичный случай неправильного построения предложения с деепричастным оборотом: *если спросятъ же что то скажите посылать письма въ уѣздъ и спустишь письмо въ земскій ящикъ дойдетъ*;
- употребление активных в пермских говорах конструкций типа *Осматриваешь коженные вещи баулы, чемоданы, сумки хорошиѣ нѣтъ они; Я посылалъ Вамъ деньги съ земскимъ почтаремъ получили нѣтъ; назначатъ нѣтъ еще не знаю*, которые характеризуются особой интонацией и достаточно часто встречаются у носителей диалекта для выражения как вопроса, так и сомнения в каком-либо факте.

В контексте *На пароходѣ снами ѣхалъ Васька. Какой онъ страмина, лихо на его смотрѣть. Ему спохмелья, его рветъ, онъ только поздоровался съ нами и мы ушли отъ него* [Логунова, Мазитова 2015: 12] привлекает внимание фраза

Ему спохмелья. Возникновение подобного выражения допускает разные трактовки. Наиболее вероятной нам представляется здесь контаминация двух выражений, в одном из которых *с похмелья* обозначает состояние (*Он с похмелья*), а в другом – причину определенного состояния (*Ему плохо с похмелья*). В результате в выражении, употребленном Мальцевым, наречие *с похмелья* вытесняет слово категории состояния, обозначая одновременно и само состояние, и его причину. Возможно, это выражение не является индивидуальной речевой особенностью адресанта, а взято им из просторечного узуса.

Таким образом, анализ первичных речевых компетенций адресанта показал, что они сформированы в разной степени. Так, по сравнению с другими, лучше освоены морфологические и синтаксические нормы. Неустойчивостью и бессистемностью отличается реализация орфографических навыков, а уровень пунктуационных компетенций крайне низок.

Текстопорождающие компетенции языковой личности заключаются в умении строить связный развернутый нарратив в соответствии со всеми параметрами коммуникативной ситуации и с опорой на основные – логические и языковые – законы построения текста. Очевидно, что при реализации текстопорождения важнейшую роль играют лексико-стилистические компетенции языковой личности. Их анализ включает в себя учет, во-первых, лексического запаса носителя языка, реализуемого в его речевой продукции; во-вторых, умения использовать лексические и фразеологические единицы соответственно их семантике и функционально-стилистическим характеристикам исходя при этом из фактора адресата.

Обращение к лексическому составу писем И. В. Мальцева обнаруживает явное преобладание конкретных существительных – почти 73 % относительно общего количества слов данной части речи, представленных различными лексико-семантическими группами: наименованиями предметов или элементов одежды (*сертукъ, пальто, подкладъ, мухта, горжетъ* и под.); посуды и иных предметов быта (*самовар, стакан, вилки, ложки; баулы, чемоданы, сумки* и под.); наименованиями лиц по разным признакам (*сестра, сынъ, начальникъ, стражникъ, солдатъ, рекрутъ, чиновник, углан* и под.). Тогда как отвлеченные существительные составляют лишь 20 % (*здоровіе, неотвѣтъ, ожиданіе, нетерпѣніе, благополучіе, стараніе, счастіе, задѣлка, стирка, знакомство* и под.), причем многие из них входят в состав этикетных клишированных формул: *Дай Богъ Вамъ здоровія и всего наилучшаго; Молю Бога о вашемъ здоровіи благополучіи; Дай Богъ вамъ здоровія счастія и всего наилучшаго въ жизни* и под. Такое соотношение лексико-семантических групп коррелирует с тематическими предпочтениями адресанта и сориентировано на круг семейных интересов.

Анализ тематических полей слов, связанных с разными сферами жизни адресанта, обнаружил наибольшую наполненность тематического поля «Профессиональная деятельность» – в данном случае это работа почтового чиновника. Здесь выделяется ряд лексико-семантических групп, таких как: наименования разновидностей почтовой службы и телеграфа или их отделов (*земская почта; губернская почта, телеграф; Главное Управленіе почтъ и телеграфовъ Управленіе отдѣленіе отдел* и под.); почтовых и телеграфных отправок (*денежное (письмо), посылка, карточка, марки земскія, простые и заказные отправления, постъ-пакет, денежные пакеты, телеграмма* и под.); атрибутов почтовой службы

и специфических действий (*аппарат, почтовые вагоны, задѣлка почты, ревизія, строгий выговор* и под.); наименования должностей и статусов (*земскій начальникъ, начальник округа, почтарь, почталіонъ, помощникъ конторы, разѣздной чиновникъ, командированный, слѣдователь* и под.), различных денежных выплат (*жалованіе, квартирное довольствіе (квартирные), получать рельсовые, наградные* и под.). Разветвленность лексико-семантических групп данного тематического поля можно объяснить стремлением адресанта позиционировать себя перед родными как профессионала, успешного работника, хорошо ориентирующегося в проблемах работы российской почты.

Анализ эпистолярных текстов И. В. Мальцева с точки зрения наличия у лексем функционально-стилистических коннотаций обнаружил в письмах ожидаемое преобладание общеупотребительной нейтральной лексики (*квартира, посылка, марка, самовар, самоучитель, начальник, аппарат, округ, чиновник; получить, прибыть, явиться, собираться, ходить, говорить, увидеть, купить* и под.). Однако на этом фоне особенно выделяются лексемы и фразеологические сочетания сниженного характера – разговорные, диалектно-просторечные и профессионально-жаргонные.

Разговорная функционально-стилистическая окраска, в частности, следующих лексем подтверждается пометами в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова:

осердились – осердиться, осержусь, осердишься, сов., на кого-что (разг.). Рассердиться, разозлиться [Ушаков];

говѣть – поститься, воздерживаться от пищи (разг.) [Ушаков];

рветь – рвать, рвёт, рвало (рвало обл.), безл., несов. (к вырвать 2), кого-что (разг.). О рвоте, тошноте [Ушаков];

убирается – пов. накл. убирайся (убирайтесь), употр. также как приказание в знач. уходи(те), иди(те) вон! (разг. фам.) [Ушаков].

Аналогичные характеристики в словаре Ушакова имеют и лексемы *чиркнуть, сказываться, вѣсточка, захварать, отпираться, растараться* (= расстараться), *управиться, по тихонько* (= потихоньку).

К просторечно-диалектным единицам в письмах И. Мальцева относятся, в частности, следующие лексемы:

Писните – писнуть, писну, писнёшь, сов. (простореч. фам.). Написать немного [Ушаков];

пособишь – пособить, пособлю, пособишь, сов. (к пособлять), кому-чему (простореч.). Помочь [Ушаков];

лихо – мне лихо, сев. тошно, дурно, мутит [Даль, II: 257];

напередь – наперёд, нареч. (простореч.). Заранее, еще до этого [Ушаков];

взадъ – взад, нареч. (простореч.). Обрато [Ушаков];

въ дрызгъ – вдрызг, нареч. (простореч.). Окончательно, до потери сознания (с выражениями, означающими опьянение). Вдрызг пьян [Ушаков];

скомшилась – скомшить, прм. скомкать сильно, избить в комок [Даль, IV: 203];

углан – влгд; вят; прм; каз. парень, малый, подросток [Даль, IV: 465];

робить – арх; влгд; прм и др. работать, делать, трудиться [Даль, IV: 97].

Кроме того, просторечными можно считать все лексемы, у которых нарушен фонетический (*сумлевайтесь, ндравятся, страмина, заголустномъ; квартирку, экзаментъ, мухта* (муфта), *митенги* (митенки), *шеблеты* (штиблеты), *гальсоны* (кальсоны)) или словообразовательный (*споминаль*) облик слова.

В переписке Ивана Мальцева встречаются единичные случаи использования устойчивых оборотов диалектного характера (*пока помогаю не много голодомъ не живетъ*), а также незначительное количество единиц разговорной профессиональной речи почтовых работников, например: *работатъ на аппаратѣ; печататъ пакеты; почты были большіе; опять ѣзжу съ почтами; прихожу въ контору <...> къ задѣлкѣ почты*. Основанием для отнесения лексем к этой категории, наряду с их вхождением в соответствующую тематическую группу, являются также и некоторые грамматические особенности форм (в частности, образование формы множественного числа у существительного, которое в литературном языке подобной формы не имеет, – *почты*). Принадлежность к неофициальной речи почтовых работников такого выражения, как *задѣлка почты*, подтверждается данными словаря Д. Н. Ушакова: *заделка, мн. нет, ж. (разг., спец.). Действие по глаг. заделать. Заделка посылки* [Ушаков].

Использование адресантом разговорных элементов вполне соответствует жанрово-стилистическим особенностям частного письма, тогда как просторечно-диалектные единицы, с одной стороны, свидетельствуют о невысоком уровне речевой культуры Ивана Мальцева, а с другой – могут быть обусловлены частным характером общения с ориентацией на привычный для него и для его адресатов просторечно-диалектный провинциальный узус. На этом фоне инородными элементами выглядят подчеркнута этикетные формулы типа: *Отправляю въ пятницу 10 октября по земской 25 руб. о полученіи благоволи-те меня увѣдомить; Остаюсь въ ожиданіи съ*

нетерпѣніемъ Вашего письма [Логунова, Мазитова 2015: 10, 9].

Для текстопорождения Ивана Мальцева характерно отсутствие углубленного развития тем, в них реализуется мозаичная политематичность, что обусловлено особенностями данной исторической языковой личности, аксиология которой жестко детерминирована стереотипами провинциальной мещанской среды:

Я пока все еще ѣзжу съ почтой. Въ новый годъ посылалъ Вамъ телеграмму и доволенъ что получили, какъ видно изъ письма. Чувствительно благодарю за поздравленіе, обрадовался, вспоминалъ, какъ дома жили встрѣчали праздники мило въ кругу домашнихъ, а здѣсь ничего нѣтъ и не замѣчаешь праздники. Денегъ хотѣлъ послать но не сошлось. Перешивалъ шубу вся распоролась, покупалъ вата старая вся скомшилась не годна за шитье отдалъ 5 руб. покупалъ тройку за 30 руб, шеблеты 9 р. двѣ сорочки, простыню, гальсоны за стирку отдалъ 3 руб. за квартиру впередъ 6 руб такъ что все разошлось, никуда зря не истратилъ. Все разгулы давно бросилъ, будетъ надо и за умъ взяться. Надо на себѣ завести кое-что, а то вѣдь ничего не было. Теперь слава Богу завелъ кое-что такъ что на Пасхѣ заводить не придется, есть въ чемъ выйти прилично [Логунова, Мазитова 2015: 17].

В приведенном контексте представлены две основные черты эпистолярного нарратива Ивана Мальцева, типичные для устной разговорной речи, – паратаксичность построения «по принципу ассоциативного нанизывания частей высказывания без вербально выраженных показателей логических отношений» [Китайгородская 1988: 171] и факты имплицитности синтаксических позиций. Подобные случаи нередки в анализируемых письмах: *Послали со Шкариной старый сомоваръ и балалайку я купилъ робятамъ играть, по полученію сообщите все ли получите, и въ цѣлости ли* *При семь посылаю три рубля денегъ, Анна просила* [Логунова, Мазитова 2015: 14]; *Саша живетъ въ Разгуляѣ небольшая комнатка* [Логунова, Мазитова 2015: 16]; *Я былъ на именинахъ у Шварева тутъ былъ помощникъ Комисаровъ я ему говорилъ на счетъ 5 разъ* [Логунова, Мазитова 2015: 17]; *Почему Фира не стала учиться, хотя плохо понимаетъ, но все же бы бѣгала то что нибудь бы и поняла* [Логунова, Мазитова 2015: 11]; *Идетъ съ каждой почтой по 12 или 10 посылокъ и много простой и заказной почти не менѣе Соликамска* [Логунова, Мазитова 2015: 9].

Той же ориентацией на формы устной речи и тенденцией к имплицитности объясняются и способы передачи чужой речи (например, *начальникъ Канторы мнѣ сказалъ, что <...> Васъ*

назначу лѣтомъ на пароходъ ѣздить съ почтой на пароходѣ до Нижняго и далѣе и буду получать рельсовыя [Логунова, Мазитова 2015: 15]), и метонимические смещения в употреблении лексем (*Отпускъ мнѣ пока не пришел* [Логунова, Мазитова 2015: 20]; *На канторкѣ на Боровой ждать пароходъ пришлось недолго, пришелъ Григорій* (название парохода. – Н. Л., Л. М.), *<...> отчалилъ отъ берега въ 1 ч. 45 м.* [Логунова, Мазитова 2015: 12]), и отдельные факты аграмматизма в построении синтаксических структур (*Земская почта уже ушла, <...> а по губернской почтѣ, если по почтѣ нѣтъ смысла она долгие пройдетъ, а по телеграфу дорого* [Логунова, Мазитова 2015: 10]; *была ревизія, уѣзжали бывшаго начальника жена и сейчас по два дня судебный слѣдователь по Важнымъ дѣламъ ислѣдуетъ книги почтовые кассовыя* [Логунова, Мазитова 2015: 18]).

Ярким показателем спонтанности порождения текста (что не должно быть свойственно письменной речи) является фраза, смысл которой кардинально меняется в ходе ее построения: *Если можно ребятамъ не нужна гитара пошлите съ самоучителемъ въ обще пожалуй не нужно пусть ребята играютъ* [Логунова, Мазитова 2015: 18].

В целом для манеры общения Ивана Мальцева с родителями характерны: использование трафаретных формул эпистолярного текста для выражения вежливого и уважительного отношения к ним (что, в частности, проявляется в использовании прописных букв в словах *Родители, Папа, Папаша, Мама, Мамаша*), эксплицитность аксиологических установок адресанта, а также спонтанность речевого воплощения.

С последним обстоятельством связаны некоторые особенности внешнего оформления писем. При наличии в текстах многочисленных речевых погрешностей попытки их устранения (в виде исправлений, зачеркиваний, вписывания над строкой) достаточно редки. На наш взгляд, отсутствие саморедактирования свидетельствует о том, что данной языковой личности не свойственна рефлексия в процессе речевой деятельности. Но при этом характер почерка Ивана Мальцева указывает на то, что порождение письменной формы текста для него достаточно привычная процедура: пишет он вполне уверенно, разборчиво, с постоянным отчетливо выраженным наклоном вправо и отсутствием разрывов между буквами в словах, со средним нажимом. Строчки ровные, графемы не крупные, скорее округлые, с редкими верхними и нижними выносными элементами. Подобные внешние параметры писем, по мнению почерковедов, свидетельствуют о таких свойствах личности адресан-

та, как уравновешенность психики, устойчивость жизненной позиции, статичность мировоззрения, эмоциональная стабильность, умеренная амбициозность. Небольшие расстояния между словами, фактическое отсутствие полей по бокам листа создают общее впечатление плотности текста, заполненности пространства листа и характеризуют Ивана Мальцева как бережливого и расчетливого в обыденной жизни человека [Кравченко; Особенности почерка].

Таким образом, все рассмотренные выше содержательные и формальные особенности писем Ивана Васильевича Мальцева позволяют выявить такие его черты, как преимущественно прагматическая направленность интересов и устремлений, стереотипность мышления и нравственно-этических установок, неразвитость кругозора, отсутствие интеллектуально-культурных потребностей. Можно констатировать, что адресант проявляет себя в письмах к родителям как типичный представитель мещанского сословия из глубокой провинции дореволюционной России, т. е. как историческая языковая личность, сформировавшаяся в диалектно-просторечной речевой среде и не стремящаяся повысить уровень своих речевых компетенций.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Языковая личность в зеркале эпохи (по рукописным и печатным источникам первой половины XX века): материалы и исследования» № 16-14-59002а(р).

² При описании речевых компетенций и тематических предпочтений адресанта использованы материалы выпускных квалификационных работ студентов СГПИ филиала ПГНИУ А. П. Полежаевой (2015) и А. А. Башкова (2017).

³ В данной статье цитирование источников приводится по названному изданию, при этом во всех случаях сохраняется графика и орфография оригинала.

Список литературы

Алеврас Н. Н. Специфика провинциального социума дореволюционного Урала в ракурсе социокультурных процессов XVIII – начала XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16(154). История. Вып. 32. С. 26–37.

Бакланова И. И. Устойчивые коми-пермяцкие языковые особенности в русской речи Пермского края // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. № 2. С. 121–126. URL: <http://splr.psu.ru/wp-content/uploads/2014/11Бакланова2014.pdf> (дата обращения: 08.12.2016).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981–1982.

Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Томского университета, 2002. 312 с.

Иванцова Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4(12). Филология. С. 24–32.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Китайгородская М. В. Наблюдения над построением устного просторечного текста // Разновидности городской устной речи. М., 1988. С. 156–181.

Кравченко В. И. Графология: характер по почерку. URL: <https://www.litmir.me/> (дата обращения: 13.11.2017).

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Портрет исторической личности на основе рукописных источников XIX века // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы II Всерос. (с международным участием) науч. конф., Пермь, 15 апреля 2014 г. / отв. ред. Н. В. Соловьева, И. И. Русинова; ПГНИУ. Пермь, 2014а. С. 249–255.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Реконструкция исторической языковой личности (по данным эпистолярных текстов XIX века) // Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтничного региона: материалы I Международной науч. конф. (Ростов-на-Дону, 5–7 ноября 2014 г.) / под общ. ред. Е. А. Жуковой, И. В. Ковтуненко, Е. В. Маслаковой, О. М. Холомеенко. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014б. С. 309–314.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Речевая культура жителей Северного Прикамья в начале XX века: материалы и исследования. Соликамск: РТО СГПИ филиал ПГНИУ, 2015. 377 с.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Портрет исторической языковой личности купца И. С. Щеголихина (на материале эпистолярных текстов начала XX века) // Слово и текст в свете современных исследований филологических наук: сб. науч. тр. по материалам I Международной науч.-практ. конф. 30 апреля 2016 г. Н. Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. С. 94–102.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Речевой портрет провинциалки предреволюционной России // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017а. Т. 9, вып. 1. С. 38–45. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-38-45.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л., Пантелеева Л. М. Светское и духовное в пространстве регионального текста XVIII – XIX веков: материа-

лы и исследования. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing RU. 2017. 284 с.

Мельник Н. В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсоналогии русского языка. URL: http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/pdf/2011_1/2011_1_Mel%27nik.pdf (дата обращения: 13.10.2017).

Нерознак В. П. Лингвистическая персоналогия: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. М.: Мос. гос. лингв. ун-т, 1996. С. 112–116.

Особенности почерка // Почерковедение.ru. URL: <http://pocherkovedenie.ru/osobennosti/> (дата обращения: 13.11.2017).

Плесовских Т. С. Лингвоперсоналогия в контексте антропологического подхода // Science Time. 2014. Вып. 4(4). С. 173–179.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. URL: <http://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 03.11.17).

References

Alevras N. N. Spetsifika provintsial'nogo sotsi-uma dorevolutsionnogo Urala v rakurse sotsiokul'turnykh protsessov 18 – nachala 20 veka [The Specificity of the Provincial Society of the Pre-Revolutionary Urals from the Perspective of Socio-Cultural Processes of the 18th – early 20th Century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [CSU Bulletin], 2009, issue 16 (154). *Istoriya* [History], issue 32, pp. 26–37. (In Russ.)

Baklanova I. I. Ustoychivye komi-permyatskie yazykovye osobennosti v russkoy rechi Permskogo kraja [Stable Komi-Permyak Linguistic Peculiarities of Perm Krai Russian Speech]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya*. [Socio- and Psycholinguistic Studies], 2014, issue 2, pp. 121–126. Available at: <http://splr.psu.ru/wp-content/uploads/2014/11/Бакланова2014.pdf> (accessed 08.12.2016). (In Russ.)

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian language Publ., 1981–1982. (In Russ.)

Ivantsova E. V. *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The Phenomenon of the Dialect Linguistic Personality]. Tomsk, Tomsk University Press, 2002. 312 p. (In Russ.)

Ivantsova E. V. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы исследования [On the term of «language personality»: origin, problems, outlooks]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Fililogiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2010, issue 4(12), pp. 24–32. (In Russ.)

Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, LKI Publ., 2010. 264 p. (In Russ.)

Kitaygorodskaya M. V. Nablyudeniya nad postroeniem ustnogo prostorechnogo teksta [Observations on the Development of a Oral Vernacular Text]. *Raznovidnosti gorodskoy ustnoy rechi* [Varieties of Urban Oral Speech]. Moscow, 1988, pp. 156–181. (In Russ.)

Kravchenko V. I. *Grafologiya: kharakter po pocherku* [Graphology: the Personality by Handwriting]. Available at: <https://www.litmir.me/> (accessed 13.11.2017). (In Russ.)

Logunova N. V., Mazitova L. L. Portret istoricheskoy lichnosti na osnove rukopisnykh istochnikov 19 veka [The Portrait of a Historical Figure Based on 19th Century Handwritten Sources]. *Filologiya v 21 veke: metody, problemy, idei: materialy II Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf. Perm', 15 aprelya 2014 g.* [Philology in the 21st Century: Methods, Problems and Ideas: Proc. of the 2nd All-Russ. Sci. Conf. (with the Intern. Participation). Perm, 15 April 2014]. Ed. by N. V. Solov'eva, I. I. Rusinova. Perm, Perm State University Press, 2014, pp. 249–255. (In Russ.)

Logunova N.V., Mazitova L.L. Rekonstruktsiya istoricheskoy yazykovoy lichnosti (po dannym epistol'yarnykh tekstov 19 veka) [Reconstruction of a Historical Linguistic Personality (Based on Epistolary Texts of the 19th Century)]. *Lingvokul'turnye fenomeny v kommunikativnom prostranstve polyetnicheskogo regiona: Materialy I Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Rostov-on-Donu, 5–7 noyabrya 2014* [Linguocultural Phenomena in Communicative Space of a Polyethnic Region: Proceedings of the 1st International Scientific Conference. Rostov-on-Don, 5–7 November 2014]. Ed. by E. A. Zhukova, I. V. Kovtunencko, E. V. Maslakova, O. M. Kholomeenko. Rostov-on-Don, SFedU Press, 2014, pp. 309–314. (In Russ.)

Logunova N. V., Mazitova L. L. Portret istoricheskoy yazykovoy lichnosti kuptsa I. S. Shchegolikhina (na materiale epistol'yarnykh tekstov nachala 20 veka) [Portrait of Historical Language Person Merchant I. S. Shchegolikhin (Based on Epistolary Texts of the Early 19th Century)]. *Slovo i tekst v svete sovremennykh issledovaniy filologicheskikh nauk: sbornik nauchnykh trudov po materialam I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 30 apr. 2016 g.* [Word and Text in the Context of Modern Research in Philology: Proceedings of the 1st International Scientific-Practical Conference. 30 April 2016]. Nizhny Novgorod, NOO “Professional'naya nauka” Publ., 2016, pp. 94–102. (In Russ.)

Logunova N.V., Mazitova L.L. *Recheyaya kul'tura zhiteley Severnogo Prikamya v nachale 20 veka: materialy i issledovaniya: monografiya* [The Speech Culture of the North Prikamye Residents at the Beginning of the 20th Century: Materials and Studies: a monograph]. Solikamsk, Solikamsk State

Pedagogical Institute (branch of Perm State University) Press, 2015. 377 p. (In Russ.)

Logunova N. V., Mazitova L. L. Rechevoy portret provintsialki predrevolyutsionnoy Rossii [A Provincial Woman in Pre-Revolutionary Russia: Speech Portrait]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017a, vol. 9, issue 1, pp. 38–45. (In Russ.)

Logunova N. V., Mazitova L. L., Panteleeva L. M. *Svetskoye i dukhovnoye v prostranstve regional'nogo teksta 18–19 vekov: materialy i issledovaniya: monografiya* [The Secular and the Spiritual in Regional Text of the 18th – 19th Centuries: Materials and Studies: a monograph]. Saarbrücken, LAPLAMBERT Academic Publishing, 2017b, 284 p. (In Russ.)

Neroznak V. P. Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny [Linguistic per-

sonology: to determining the status of the discipline]. *Yazyk. Poetika. Perevod. Sbornik nauchnykh trudov* [Language. Poetics. Translation. Collection of scientific papers]. Moscow, Moscow State Linguistic University Press, 1996, pp. 112–116. (In Russ.)

Osobennosti pocherka [Features of Handwriting]. *Pocherkovedeniye.ru*. Available at: <http://pocherkovedenie.ru/osobennosti/> (accessed 13.11.2017). (In Russ.)

Plesovskikh T.S. Lingvopersonologiya v kontekste antropologicheskogo podkhoda [Linguistic Personology in the Context of Anthropological Approach]. *Science Time*, 2014, issue 4(4), pp. 173–179. (In Russ.)

Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' russrogo yazyka. V 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 vols.]. Available at: <http://ushakovdictionary.ru> (accessed 30.05.17). (In Russ.)

PORTRAIT OF THE HISTORICAL LINGUISTIC PERSONALITY OF THE INHABITANT OF THE URAL PROVINCE IVAN MALTSEV (Based on Private Letters of the Pre-revolutionary Period)

Natalia V. Logunova

Associate Professor in the Department of Social Disciplines and Humanities
Solikamsk State Pedagogical Institute (the branch of Perm State University)
44, Severnaya st., Solikamsk, 618547, Russian Federation. logunovaN@yandex.ru

SPIN-code: 9340-4540

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5772-6385>

ResearcherID: C-3711-2016

Larisa L. Mazitova

Associate Professor in the Department of Social Disciplines and Humanities
Solikamsk State Pedagogical Institute (the branch of Perm State University)
44, Severnaya st., Solikamsk, 618547, Russian Federation. mazitova-larisa@rambler.ru

SPIN-code: 2119-2981

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6775-8233>

ResearcherID: C-3710-2016

Submitted 15.12.2017

This article provides a reconstruction of the historical linguistic personality of the native of the town of Solikamsk Ivan Maltsev on the basis of 16 of his letters to his parents written in 1904–1914. The object under analysis is a representative of not elite but grassroots type of speech culture. The description implements the approach of linguistic personology, which is a young area of study in linguistics. The subject of the research is thematic preferences, especially the style and manner of presentation, the speech competences of the sender reflected in the texts (spelling, punctuation, lexicon, style, grammar, skills of text generation) and external parameters of the letters (such as handwriting, presence or absence of signs of self-revision, peculiarities of the layout of the text on the page). This allows us to identify the structural features of the historical linguistic personality: mainly pragmatic orientation of interests and aspirations, stereotyped thinking and moral-ethical life attitudes, a narrow range of interests, lack of intellectual and cultural needs. As a language personality, I. V. Maltsev was formed in dialectal and colloquial speech environment and finds no desire to raise the level of his spoken language competences. The study showed that the sender is a carrier of ordinary language consciousness and traditional culture, which largely determined the character of the Ural region in the pre-revolutionary period. This study continues a series of reconstructions of historical linguistic personalities conceived as a gallery of portraits of representatives of the provincial clergy, merchants, officials. The results of the study contribute to deeper understanding of the language situation and speech culture of the Ural province of pre-revolutionary Russia.

Key words: linguistic personology; historical language personality; epistolary text; speech competences; speech culture.

УДК 811.111.373

doi 10.17072/2037-6681-2018-1-37-43

АКСИОЛОГИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЕ МОДЕЛИ, ОТРАЖАЮЩИЕ КОНЦЕПТ «ЛЕВ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Алексей Игоревич Лызлов**к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков****Смоленский государственный университет**

214000, Россия, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4. aleksej-lyzlov@yandex.ru

SPIN-код: 1330-1076

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2626-0874>

ResearcherID: H-9017-2017

*Статья поступила в редакцию 24.05.2017***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:**

Лызлов А. И. Аксиологически маркированные модели, отражающие концепт «лев» во фразеологизмах английского языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 37–43. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-37-43

Please cite this article in English as:

Lyzlov A. I. Axiologicheski markirovannye modeli, otrazhayushchie kontsept «lev», vo frazeologizmakh angliyskogo yazyka [Axiologically Marked Models Reflecting the Concept “Lion” in English Idioms]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 1, pp. 37–43. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-37-43 (In Russ.)

Изучаются фразеологические единицы английского языка, которые также называются идиомами. Объектом исследования служит концепт «лев», который находит отражение в анализируемых языковых единицах. Зоонимический концепт «лев» является релевантным элементом английской лингвокультуры, что объясняет его присутствие в английских фразеологических единицах. Лингвокультурологический подход представляет одно из ведущих направлений современной науки о языке. Описываемые фразеологические единицы английского языка характеризуются наличием оценочного компонента значения, который именуется также аксиологическим. Оценка – это отношение говорящего к сообщаемому, выражаемое имплицитно или эксплицитно. В оценке проявляется антропоцентризм человеческого мышления. Языковая оценка может иметь положительный (мелиоративный) или отрицательный (пейоративный) характер. Целью данной статьи является изучение аксиологического потенциала зоонимического концепта «лев» как релевантного элемента значения исследуемого концепта. В качестве основного метода исследования применяется метод когнитивного моделирования. Английские фразеологические единицы воплощают ряд объективно существующих в языке ментальных моделей, отражающих ценностный характер исследуемого концепта. При этом рассмотренные ментальные модели служат основой объективации различного рода оценочных признаков, как положительных (мелиоративных), так и отрицательных (пейоративных). Оценочные признаки являются минимальными, «атомарными» элементами смысла, способствующими систематизации наших знаний о концептах, которые получают воплощение в языковых единицах, к числу которых принадлежат фразеологизмы английского языка.

Ключевые слова: английские фразеологизмы; оценка; концепт; модель; оценочный признак.

Объектом исследования предлагаемой работы является концепт «лев», который несет релевантную культурную нагрузку и при этом имеет универсальный характер. Понятие «культурный концепт» сближается с понятием «языковая уни-

версалия», которое получает освещение в том или ином ракурсе в работах англоязычных авторов [Chomsky 2000; Jackendoff 2002]. С. Пинкер утверждает, что значения слов существуют в сознании человека в виде совокупности базовых

понятий, представленных в языке мышления [Пинкер 2013: 118]. Понятие «языковая универсалия» активно разрабатывается не только иностранными, но и крупными отечественными исследователями [Мокиенко 2007: 178].

Оценочные значения фразеологических единиц, в которых присутствует концептуальный компонент «лев», описываются в данной работе при помощи метода когнитивного моделирования. Ментальные модели строятся исходя из представления о том, что метафорический перенос возможен в рамках не только отдельных слов, но и высказываний, к числу которых относятся фразеологизмы. Значение фразеологизма и слова, как известно, сближает нечленимость их значений, невыводимость значения всего фразеологизма из значений составляющих его элементов. В статье понятие «фразеологизм» понимается в широком смысле, когда к числу фразеологических единиц относятся пословицы и поговорки, поскольку многие из них характеризуются наличием метафорически переосмысленных значений.

Джон Лакофф в своей известной книге «Женщины, огонь и опасные вещи» говорит о том, что человеческое знание организовано посредством структур, которые он называет «идеализированными когнитивными моделями». Категориальные структуры и прототипические эффекты являются побочными продуктами этой организации [Лакофф 2011: 99]. Ментальные модели имеют социальный характер. Они существуют в сознании многих носителей языка и отражают социальные ситуации для той или иной культуры, релевантный опыт того или иного социума. Порождаемые обществом, существующие в коллективном сознании, модели имеют динамический, а не статический характер, они развиваются и меняются вместе с ним.

Ментальные модели имеют схематическую структуру, укорененную в культуре того или иного социума, многие из них имеют генерализированный, если не универсальный характер [van Dijk 2006: 169]. В их число входят и ситуации прагматического характера, связанные с оценкой. Оценки вместе со знаниями общего характера и идеологемами и составляют «социальную память общества» [ibid.: 25]. Модели с оценочной составляющей создаются следующим образом. Человек выражает свое отношение к определенной ситуации, с течением времени человек уже не помнит деталей ситуации, но помнит только положительную или отрицательную оценку ситуации [ван Дейк 2015: 76].

Эванс [Evans 2007] при рассмотрении когнитивных моделей (понятия «когнитивный» и «ментальный» применительно к термину «мо-

дель» нам представляются синонимичными) указывает на тот факт, что модель является одним из центральных понятий когнитивной науки. Ментальные модели многоаспектны и мульти-модальны. Как и все когнитивные конструкты, ментальные модели описывают знания, не только находящиеся в сфере языкового сознания, но и те из них, что лежат вне этой сферы. Они являются «интерфейсом» ментального информационного пространства и соединяют языковой и внеязыковой планы мыслительной деятельности. Они могут быть использованы для описания как статических, так и динамических ментальных систем. Ментальные модели характеризуются ясностью содержания, четкостью и логичностью структуры. В человеческом сознании ментальные модели не существуют изолированно. Как и концепты, они характеризуются способностью создавать особый когнитивный уровень – уровень ментальных систем. Для нашей работы ценность понятия «когнитивная модель» заключается в том, что она позволяет описывать не только «наглядные» концепты, ментальные единицы, формируемые в первую очередь при помощи работы органов чувств, но и абстрактные концепты, которые являются, прежде всего, продуктом сознания и, в конечном счете, плодом культуры [Evans 2007: 23–24].

Для достижения поставленных целей исследования больше подходит термин «ментальная модель», предложенный Т. ван Дейком. В своих последних трудах ученый указывает на то, что ментальные модели могут иметь социальный характер, т. е. появляться, храниться и развиваться не только в рамках одного сознания, но и в рамках целого общества, что в полной мере отвечает функциям фразеологизмов. Не менее значимой причиной, побуждающей использовать в исследовании термин «ментальная модель» как механизм изучения концептуальных образований, является тот факт, что ментальная модель по Дейку потенциально может отражать оценочные значения, что в полной мере отвечает поставленным задачам исследования.

Ментальные образования являются результатом мыслительных процессов, которые, по мнению Фодора, носят характер количественного и качественного описания рассматриваемых вещей (mental processes are characteristically computational) [Fodor 1995: 7]. Современные исследователи не рассматривают концепт как нечто нераздельное. Крофт и Круз предлагают рассматривать концепт в его способности отражать некое множество релевантных характеристик, признаков (attributes) [Croft, Cruise 2004: 82]. Явление вещественного мира тем полнее отражает концепт, чем больше оно способно проявлять кате-

гориальных признаков. Авторы рассматривают концепт не только как фактор номинации, но и как фактор категоризации. Явления окружающего мира можно ранжировать относительно их способности отражать категориальные признаки. Представляется возможным создавать концептуальные схемы, в которых предметы и явления располагаются по принципу «центр – периферия». Чем большее количество признаков отражает то или иное явление, тем ближе к центру его можно расположить. Исследователи концепта отмечают также, что и сами признаки, которые характеризуют концепт, неоднородны. Они могут качественно отличаться друг от друга. Таким образом, можно говорить об иерархии признаков и их носителей (*qualificational forms*) [Nuys 2004: 280].

Теория пропозиций, в основе которой лежат работы Э. Рош [Rosch 1975], А. Вежбицкой [Вежбицкая 2011] и Дж. Фодора [Fodor 1995], позволяет нам найти теоретическое обоснование использованию элементарных, минимальных единиц когниции. Они структурированы в сознании, являются объективациями концепта, имеют общекультурный характер и объективно способны выражать оценку. Мы будем называть их *оценочными признаками*. Изучая концептуальные образования, Э. Рош приходит к выводу о том, что в нашем сознании концепты являются вместилищем определенного набора характеристик. Э. Рош [Rosch 1975: 192] рассматривала минимальные смысловые элементы, в основе которых лежит прежде всего наглядный, образный компонент. Он, в свою очередь, обретает свое место в сознании в результате контактов с миром. Изучив предметы реального мира и их ментальные отражения, Э. Рош приходит к мысли о том, что концепты – это типизированные представления о вещах. Чем больше конкретный отдельно взятый предмет реального мира воплощает в себе типичных характеристик, тем ближе он к образцу. Образцы подобного рода она называет прототипами [Rosch 1975: 203]. Важно отметить, что Рош рассматривает признаки не по отдельности, а как некую совокупность, которая может быть систематизирована.

Мир, однако, не состоит из идеальных вещей. Существуют целые группы предметов, характеризующиеся минимальным набором релевантных для определенной категории признаков, позволяющих причислить их к числу данной категории. Это маргинальные члены категории [Ungerer, Schmid 2006: 32]. Минимальных элементов смысла множество, некоторые из них могут характеризовать несколько концептов, поэтому границы между некоторыми концептами нечетки (*fuzzy nature of category boundaries*). Тейлор от-

мечает, что прототипы могут храниться в сознании человека в виде образов [Taylor 2008: 39]. При этом Тейлор указывает на важную проблему, которая возникает в случае использования признаков ориентированного подхода к описанию действительности. Существуют некоторые признаки, очень трудно описываемые в отрыве от категории, которую они призваны характеризовать. При изучении прототипов на основании сопоставления признаков важно рассматривать не только наличествующие признаки, но и признаки отсутствующие (*default values*). Их называют также *лукнами*. Нужно учитывать тот факт, что многие слова, выражающие прототипы, полисемантчны. В каждом из своих значений они будут характеризоваться наличием разного набора признаков. Тем не менее теория прототипов сохраняет свою актуальность для достижения научных целей, поставленных в рамках лексической семантики [Geeraerts 2006: 145].

Ментальная модель является промежуточным звеном между концептом, являющимся максимальным когнитивным понятием нашего исследования, и оценочным признаком, минимальным понятием. Изучение оценочных признаков концепта (в нашей работе это концепт «лев») позволит более четко описать объем значения концепта в плане раскрытия его аксиологического потенциала, что является целью данной статьи.

Рассмотрим положительные оценочные признаки, реализуемые концептом «лев» в рамках английских фразеологических единиц.

Жизнь. Семантика предпочтений предстает в ряде английских фразеологизмов, воплощаясь в ментальной модели: «жизнь лучше смерти». Данная модель функционирует в качестве области цели фразеологической метафоризации. Областью источника является модель: «живой мелкий хищник лучше мертвого гиганта».

Антитеза таких базовых концептов, как «жизнь» и «смерть», в сочетании с концептом «лев» воспроизводится во фразеологической единице **a living dog is better than a dead lion** (ODP). Она представляет собой цитату из Священного Писания и принадлежит Экклезиасту. Рассматриваемая фразеологическая единица имеет вариант: **better be a living dog than a dead lion** (WDP), который упоминается в трудах Уиклифа.

Умеренность. Семантика предпочтений раскрывается в рамках фразеологических единиц с концептом «лев». Для этого применяется модель: «лучше быть важной частью маленького животного, чем незначительной частью большого животного». Она является областью источника метафорического переноса. Рассматриваемый фе-

номен раскрывается в рамках модели: «лучше быть первым среди последних, чем последним среди первых». Данная модель является областью цели метафорического переноса.

Во фразеологизме **better be the head of a dog than a tail of a lion** (WDP) реализуется модель сравнительной оценки. В ней образ львиного хвоста используется для описания вещей, не имеющих ценности. В рамках используемой модели это элемент: «незначительная часть большого животного». Рассматриваемая единица имеет синоним: **better be the head of a lizard than a tail of a lion** (WDP). В данном высказывании сохраняется структура, как и в случае с единицей, приведенной выше, однако в нем изменен один компонент, описывающий предпочитаемый элемент. Таким образом, зоонимический образ головы собаки, присутствующий в первой единице, заменен на образ головы ящерицы.

Помощь. Контрарные понятия «сила» и «слабость» встречаются в модели «слабые могут помочь сильным». Данная модель реализуется во фразеологизмах посредством привлечения зоонимических элементов и трансформируется в модель «слабые животные могут помочь сильным животным». Первая из моделей является областью цели метафорического переноса, вторая – областью источника.

Образ льва используется в средневековых фразеологических единицах для того, чтобы описать ситуацию оказания помощи, как это имеет место в высказывании **a mouse may help a lion** (ODP). Примечательно, что в данной единице присутствует антитеза образов, лев как символ могущества и силы получает помощь от мыши – животного слабого. Тем не менее любая помощь представляет ценность. Данная фраза восходит к басням Эзопа. В английском языке она была популяризирована Кэктоном. Рассматриваемая единица имеет вариант: **a lion may come to be beholden by a mouse** (ODP). Последняя единица задействует устаревшее слово **beholden**, которое описывает состояние обязанности, признательности. Первая из рассматриваемых единиц использует современный глагол **to help** – «помогать». Перифраза фразеологизма среднеанглийского периода: **a mouse may help a lion** (ODP), о которой говорилось выше, встречается в начале новоанглийского периода. Она имеет следующий вид: **a lion may be friends to a mouse** (WDP). В новоанглийском варианте речь идет не о помощи, а о дружбе. Очевидно, что одно не исключает другого. Фразеологическая единица **when spider webs unite they can tie up a lion** (ODP) является одним из наиболее поздних заимствований, в которой представлен исследуемый концепт «лев». Появившись в Эфиопии,

данная единица означает, что победу над серьезным противником можно одержать, лишь объединившись, пусть даже союзниками будут лица весьма незначительные. В образе слабых людей здесь выступает паутина. Лев в данном высказывании является олицетворением могущества и силы.

Рассмотрим отрицательные оценочные признаки, реализуемые концептом «лев» в рамках английских фразеологических единиц.

Опасность. Модель «лев опасен» как модель области источника метафорического переноса трансформируется в модель «нужно опасаться серьезных противников, не провоцировать их». Последняя модель является областью цели метафорического переноса, что отражается в ряде фразеологических единиц нового времени.

Лев является образом, олицетворяющим силу, он представляет потенциальную опасность для человека. Высказывание **wake not a sleeping lion** (WDP) является одним из наиболее ранних фразеологизмов, в котором присутствует концепт «лев». Его появление относится к концу XVI в. Рассматриваемое высказывание перекликается с другой единицей: **let a sleeping dog lie** (WDP), в которой вместо концепта «лев» присутствует концепт «собака». Концепт «собака» также является символом опасности и агрессии.

Фразеологическая единица **the lion is not so fierce as he is painted** (WDP) может быть рассмотрена как синоним другой, более известной единицы: **the devil is not so black as he is painted** (WDP). Данные фразеологизмы сближает ситуация, в которой негативно оцениваемый образ в реальности является не столь уж негативным. В них речь идет о том, что молва иной раз приписывает людям больше негатива, чем есть на самом деле. В первой единице используется знакомый нам образ свирепого льва. Во второй – образ черного дьявола. Черный цвет традиционно ассоциируется с разрушительными злыми силами.

Семантика английской фразеологической единицы **destroy the lion while he is yet but a whelp** (WDP) говорит о том, что нужно предотвращать разрастание опасной ситуации, бороться с ней. Победить можно тогда, когда опасность не является фатальной, пока она не разрослась до смертельно угрожающих пределов. Фразеологизм **even a lion must defend himself against flies** (WDP) появляется в английском языке достаточно поздно. Данная единица относится к заимствованиям из английских колоний. План содержания рассматриваемого высказывания характеризуется уникальной образностью. В нем в образе мух выводятся недоброжелатели. Это враги неопасные, но весьма досаждающие.

Мстительность. В английской культурной традиции существует ряд фразеологических единиц, в которых задействован образ мертвого льва. Инкорпорируясь в образную систему фразеологических единиц, концепт «лев» является элементом модели «мелкие животные терзают мертвого льва». Являясь областью источника метафорического переноса, данная модель воплощается в модели «поверженного противника может уязвить даже слабый человек». Последняя модель фигурирует в качестве области цели метафорического переноса.

Мертвый лев воплощает образ павшего величия, он символизирует человека, внушавшего некогда почтение и страх. После «падения» великого человека, лишения власти или силы в результате различных превратностей судьбы, все те, кто испытывал страх перед «львом», выказывал ему свое почтение, теперь могут отыграться, отомстить ему за явные или мнимые обиды. В образе мелких завистников могут выступать различные животные, терзающие мертвого льва. Это могут быть птицы: **little birds may pick a dead lion** (WDP), а также мухи: **flies will tickle lions being dead** (WDP). Существует и популяризированная Шекспиром фраза: **it is a base thing to tear a dead lion's beard off** (WDP). Данная единица конкретизирует объект воздействий, в ней речь идет о гриве льва, а не о его туше. Сходное значение имеет фразеологизм **hares may pull dead lions by the beard** (WDP). В нем в роли субъекта воздействия фигурирует образ трусливого зайца.

Трусость. В английском языке встречается ряд фразеологических единиц, объективирующих концепт «лев», в которых данный концепт употребляется в ироническом смысле, как символ трусости и слабости, в противовес устоявшейся оценке льва как воплощения свирепости и силы. Выступая в качестве области цели метафорического переноса, модель «трусливый человек стремится выглядеть храбрым в безопасной ситуации» реализуется в значении ряда фразеологических единиц, при этом областью источника является модель «охотник среди жертв и жертва среди охотников».

Чосеровское высказывание **to beat the dog before the lion** (WDP) порицает показную храбрость. Негативная оценка подобного поведения встречается и в ряде более поздних единиц. Прием повтора является грамматической основой фразеологического высказывания **a lion among sheep and a sheep among lions** (WDP). Оно используется для негативной оценки трусов, которые пытаются выглядеть смелыми на фоне слабых и безответных людей. Дом как символ безопасности встречается во фразеологической еди-

нице **every dog considers himself a lion at home** (WDP), нивелирующей образ льва. О храбром человеке говорят: **he is a lion in a good cause** (WDP). Данная метафора имеет существенную оговорку, согласно которой человек проявляет храбрость в случае безопасности.

Невозможность. Модальность невозможности отражает модель «не пытайся совместить несовместимое», которая реализуется в виде модели «не пытайся сделать шкуру из частей разных животных». Первая из указанных моделей является областью цели метафорического переноса, вторая – областью источника.

Идея невозможности раскрывает единица **to patch a fox's tail to a lion's skin** (WDP), которая отсылает нас к басне Лафонтена о вороне в павлиньих перьях. Эта фразеологическая единица порицает претенциозность, стремление совместить несовместимое, лучшее и худшее. Порицание тех, кто пытается представить себя в более выгодном свете, находим в единице **the bear wants a tail but cannot be a lion** (ODP).

В качестве вывода нельзя не отметить, что концепт «лев» весьма широко представлен во фразеологической системе английского языка. Являясь частью значения фразеологизмов, он реализует различные ментальные модели, основанные на механизме метафоры. Описанные в статье модели являются, в свою очередь, базой для объективации во фразеологических единицах ряда оценочных признаков. Заметим, что рассматриваемый концепт отражает как положительные, так и отрицательные оценочные признаки. Иными словами, с точки зрения теории оценки концепт «лев» имеет амбивалентный характер. К положительным признакам относятся такие признаки, как жизнь, умеренность, помощь. Отрицательными признаками являются опасность, мстительность, трусость, невозможность.

Список источников

ODP – *Speakers J.* The Oxford dictionary of proverbs. 5th edition. Oxford: Oxford University Press, 2008. 388 p.

WDP – *Apperson G. L.* [et al.] The Wordsworth dictionary of proverbs. Hertford-London: Wordsworth Editions Ltd., 2006. 656 p.

Список литературы

Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки слав. культур, 2011. 568 с.

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. и под ред. В. И. Герасимова; сост. В. В. Петрова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Гнозис, 2011. 512 с.

Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 646 с.

Пинкер С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 60 с.

Chomsky N. *New Horizons in the Study of Language and Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 252 p.

Croft W., Cruise D. A. *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.

Dijk T. A. van *Discourse, Context and Cognition // Discourse Studies*. London etc.: SAGE Publications. 2006. Vol. 8(1). P. 159–177.

Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd., 2006. 830 p.

Fodor J. A. *The Elm and the Expert: Mentalese and its Semantics*. Cambridge: The MIT Press, Cambridge Mass, 1995. 128 p.

Geeraerts D. *Prospects and Problems of Prototype Theory // Cognitive Linguistics: basic readings / ed. by Dirk Geeraerts (Cognitive linguistics research; 34)*. N. Y.: Mouton de Gruyter, 2006. P. 141–166.

Jackendoff R. *Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 477 p.

Nuyts J. *Remarks on Layering in a Cognitive-functional Language Production Models // A New Architecture for Functional Grammar / ed. by J. L. Mackenzie*, Berlin. 2004. P. 275–299.

Rosch E. *Cognitive Representations of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology*. 1975. Vol. 104, № 3. P. 192–233.

Taylor J. R. *Prototypes in Cognitive Linguistics // Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition / ed. by Peter Robinson and Nick C. Ellis*. N. Y.; L.: Routledge, Taylor and Francis group, 2008. P. 39–65.

Ungerer F., Schmid H.-J. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. 2nd ed. London etc.: Pearson-Longman, 2006. 384 p.

References

Vezhbitskaya A. *Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty* [Semantic universals and basic concepts]. Moscow, LRC Publishing House, 2011. 568 p. (In Russ.)

Dijk T. A. van *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication] Transl. from English, ed. by V. I. Gerasimova; compiled by V. V. Petrova; introduction by Yu. N. Karaulova,

V. V. Petrova; 2nd edition. Moscow, LENAND Publ., 2015. 320 p. (In Russ.)

Lakoff G. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire and dangerous things: what linguistic categories tell us about mind]. Transl. from English by I. B. Shatunovskiy. Moscow, Gnozis Publ., 2011. 512 p. (In Russ.)

Mokienko V. M. *Obrazy russkoy rechi: istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii* [Images of Russian speech: historic-etymological essays on phraseology]. 2nd edition, revised. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2007. 646 p. (In Russ.)

Pinker S. *Substantsiya myshleniya: Yazyk kak okno v chelovecheskuyu prirodu* [The stuff of thought: Language as a window into human nature]. Transl. from English. Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM» Publ., 2013. 560 p. (In Russ.)

Chomsky N. *New Horizons in the Study of Language and Mind*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 252 p. (In Eng.)

Croft W., Cruise D. A. *Cognitive linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 356 p. (In Eng.)

Dijk T. A. van *Discourse, Context and Cognition. Discourse Studies*. SAGE Publications, London, Thousand Oaks, CA and New Delhi, 2006, vol. 8(1), pp. 159–177. (In Eng.)

Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics*. Edinburgh, Edinburgh University Press Ltd., 2006. 830 p. (In Eng.)

Fodor J.A. *The Elm and the Expert: Mentalese and its Semantics*. Cambridge, The MIT Press, Cambridge Mass, 1995. 128 p. (In Eng.)

Geeraerts D. *Prospects and problems of prototype theory. Cognitive Linguistics: Basic Readings*. Ed. by Dirk Geeraerts. New York, Mouton de Gruyter, 2006, pp. 141–166. (In Eng.)

Jackendoff R. *Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution*. Oxford, Oxford University Press, 2002. 477 p. (In Eng.)

Nuyts J. *Remarks on layering in a cognitive-functional language production models. A New Architecture for Functional Grammar*. Ed. by J. L. Mackenzie. Berlin, 2004, pp. 275–299. (In Eng.)

Rosch E. *Cognitive Representations of Semantic Categories. Journal of Experimental Psychology*. 1975, vol. 104, issue 3, pp. 192–233. (In Eng.)

Taylor J. R. *Prototypes in Cognitive Linguistics. Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition*. Edited by Peter Robinson and Nick C. Ellis. NY – London, Routledge, Taylor and Francis group, 2008, pp. 39–65. (In Eng.)

Ungerer F., Schmid H.-J. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. 2nd edition. London etc., Pearson-Longman, 2006. 384 p. (In Eng.)

AXIOLOGICALLY MARKED MODELS REFLECTING THE CONCEPT "LION" IN ENGLISH IDIOMS

Alexey I. Lyzlov

Associate Professor in the Department of Foreign Languages

Smolensk State University

4, Przhhevalskogo st., Smolensk, 214000, Russian Federation. aleksej-lyzlov@yandex.ru

SPIN-code: 1330-1076

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2626-0874>

ResearcherID: H-9017-2017

Submitted 24.05.2017

The given article deals with English phraseological units, which are also called idiomatic expressions. The object under study is the concept "lion" as reflected in the analyzed linguistic units. The zoonymic concept "lion" is a relevant element of English linguistic culture, which explains its presence in English idiomatic expressions. Linguo-culturological approach is one of the leading trends of modern linguistics. The described phraseological units of the English language are characterized by the occurrence of the evaluative component of meaning, which is also called axiological. Evaluation is the attitude of the speaker towards reality expressed in the explicit or implicit way. In the evaluation, the anthropocentric character of human thinking manifests itself. Linguistic evaluation may have a positive (meliorative) or negative (pejorative) character. The purpose of this article is to study the axiological potential of the zoonymic concept "lion", which is a relevant element of the meaning of the concept under consideration. Cognitive modeling is used as the main method of the paper. English phraseological units embody a number of really existing in the language mental models reflecting the evaluative character of the studied concept. The studied mental models serve as the basis for objectification of different evaluative features, both positive (meliorative) and negative (pejorative). Evaluative features are considered to be minimal, "atomic" elements of sense contributing to the systematization of our knowledge about concepts embodied in linguistic units, among which are English phraseological units.

Key words: English idioms; evaluation; concept; model; evaluative feature.

УДК 811.13'37

doi 10.17072/2037-6681-2018-1-44-53

АССОЦИАТИВНО-ДЕРИВАЦИОННАЯ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ИТАЛ. *SANGUE* 'КРОВЬ'

Славяна Сергеевна Михалищева

аспирант кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. ssm01@yandex.ru

SPIN-код: 1267-7121

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3209-7719>

ResearcherID: D-3808-2018

Статья поступила в редакцию 25.01.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Михалищева С. С. Ассоциативно-derivационная и фразеологическая семантика итал. *sangue* 'кровь' // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 44–53. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-44-53

Please cite this article in English as:

Mikhailishcheva S. S. Assotsiativno-derivatsionnaya i frazeologicheskaya semantika ital. *sangue* 'krov'' [Associative, Derivational and Phraseological Semantics of the Italian *Sangue* 'Blood']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 1, pp. 44–53. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-44-53 (In Russ.)

Статья посвящена рассмотрению ассоциативно-derivационной семантики слова *sangue* 'кровь' в итальянском языке. Дериваты распределяются по тематическим группам (физический мир; психический мир; социальные конфликты; семья, родственные отношения; обрядность; быт; природа), проводится мотивационный анализ семантических дериватов, выявляются универсальные и специфические семантические переходы, высказываются предположения об этнокультурной мотивации некоторых языковых фактов, приводятся сведения об этимологии слов со значением «кровь» в итальянском языке (итал. *sangue*, итал. *cruore*). Впервые предпринимается попытка создания этнолингвистического портрета слова *sangue* в итальянском языке. Выясняется, что данное слово, с одной стороны, обладает семантикой, характерной для других «внутренних» соматизмов (например, может обозначать явления как физического, так и психического мира), а с другой стороны, эта лексема во многом отражает амбивалентное восприятие крови (кровь осмысливается одновременно и как показатель жизни, и как показатель смерти). Обнаруживается, что в итальянской языковой картине мира кровь имеет отношение к плотскому началу человека, но в то же время является и символом высокой искупительной жертвы (Христа или мучеников). Такая амбивалентность семантики связана, вероятно, с влиянием христианства на народную культуру. Материалом исследования стали данные крупнейших словарей итальянского языка – Словаря итальянского языка Н. Томмазо и Большого словаря итальянского языка С. Батталли.

Ключевые слова: соматическая лексика; семантическая деривация; мотивационная модель; семантический переход; этнолингвистический портрет.

Лингвокультурологи и этнолингвисты уже обращались к изучению обозначений крови в разных языках. Так, Н. Е. Мазалова рассматривает традиционные представления о функционировании крови, отраженные в русском языке [Мазалова 2001], С. Средкова исследует семантиче-

ское пространство слова *крв* 'кровь' в болгарском языке [Средкова 2008], А. Тырпа предлагает этнолингвистическое описание слов со значением «кровь» в польском языке [Тырпа 2006]. Лингвистический портрет крови в разных языках обладает универсальными и специфическими чер-

тами. На статус универсальных представлений (по крайней мере, по данным европейских языков) претендует понимание крови как жизненно важной жидкости, символа генетической связи людей и др. Специфические черты портрета в каждом языке свои, при этом причины специфичности связаны, в частности, с историко-культурным контекстом. С этой точки зрения важно обратиться к итальянскому языку: любопытно проследить, как в итальянской «лексике крови» отражается влияние богатейшей истории, культуры, религии, обнаруживаются ли в современном языке следы взаимодействия язычества и христианства etc. В данной работе постараемся проанализировать лингвистический портрет слова *sangue* в итальянском языке. В центре нашего внимания в первую очередь семантико-мотивационные связи этого слова.

В итальянском языке отмечены два слова со значением ‘кровь’: общеупотребительное *sangue* и устаревшее, книжное *cruore*. Слово *sangue* восходит в конечном счете к и.-е. **suk-*, **sak-* ‘течь’ [Вопомі: *sangue*], к этому же корню восходит, например, и рус. *сок*¹. Слово *cruore* является родственным (на индоевропейском уровне) рус. *кровь*, в качестве древнего соответствия называют ир.-авест. **xrī* со значением ‘кровоавое, сырое мясо’ [ЭССЯ 13: 68]. Традиционно считается, что слова *sangue* и *cruore* имеют различия в своих первоначальных значениях: *sangue* – это кровь, текущая по венам человека, «внутренняя кровь», а *cruore* – кровь, вытекающая из раны, или кровь, проливаемая в битвах [OLD: 462]. Однако в ЭССЯ такая трактовка подвергается сомнению: «Индоевропейской древности не было известно кровообращение в живом организме, и поэтому те названия крови, которые поддаются истолкованию, имели в виду прежде всего сочащуюся кровь и кровь видимую» [ЭССЯ 13: 70]. Интересно, что в современном итальянском языке такое противопоставление тоже не прослеживается: слово *sangue* употребляется даже в значениях ‘кровь, текущая из раны’, ‘кровь, проливаемая в битвах’. Отсутствие такой семантической антитезы наблюдается уже у Данте: *Li profondi fori (ferite) Onde uscì 'l sangue in sul quale io sedeai, Fatti mi fũro in grembo agli Antenori* («Я сам оттуда; но удар, который дал выход крови, где душа жила, я встретил там, где властны Антеноры») [Tommaso: *sangue*]. Таким образом, слово *sangue* становится универсальным способом выражения понятия ‘кровь’ и образует значительное количество семантических и семантико-словообразовательных дериватов (а также фразеологизмов, фиксирующих смысловые сдвиги в семантике опорного слова), которые распределяются по следующим тематическим группам:

- 1) «человек физический, здоровье, жизненная сила; жизнь и смерть»;
- 2) «психический мир человека, темперамент»;
- 3) «семья, родственные отношения»;
- 4) «социальные конфликты»;
- 5) «обрядность»;
- 6) «быт»;
- 7) «природа».

Проанализируем их подробнее.

Человек физический, здоровье, жизненная сила; жизнь и смерть

Отражение идеи витальности маркируется двояко: с одной стороны, кровь осмысливается как жидкость, «отвечающая» за физическое здоровье (ср. итал. *essere di buon sangue* (букв. «быть хорошей крови», т. е. «иметь хорошую кровь») ‘иметь здоровую конституцию’); с другой стороны, кровь часто является показателем смерти (ср. итал. *spargere il sangue* («проливать кровь») ‘убивать кого-то’).

Представления о крови как о витальной жидкости тела впервые встречаются в трактате «Природа человека» Полибия, зятя греческого врача Гиппократы: «В теле человека содержатся кровь, слизь, желтая желчь и черная желчь. Они и составляют природу тела, они и определяют болезнь и здоровье. При этом полное здоровье возможно тогда, когда жидкости, как в качественном, так и в количественном отношении, пребывают в верной пропорции между собой и смешиваются наилучшим образом» [Трюон, Ле Гофф 2016: 106–107]. Подобные представления о функционировании человеческого тела были свойственны всей европейской медицине, с ними связана и традиция кровопускания как универсального средства против многих болезней. Считалось, что если дать «плохой» крови уйти, то самочувствие человека улучшится. Плохим функционированием крови объяснялись некоторые болезни: итал. *sangue morto* («мертвая кровь») ‘застой крови в какой-либо телесной полости’, *male di sangue* («болезнь крови») ‘полнокровие’ [Battaglia 17: 498], *colpo di sangue* («удар крови») ‘апоплексия’ [там же: 504]. Потеря крови осмысливается как смертельно опасная, ср. *perdere sangue* («терять кровь») ‘истекать кровью’ [Tommaso: *sangue*], *esangue* («обескровленный») ‘безжизненный, мертвый’ [Treccani: *esangue*].

Представления о том, что кровь является quintessence человеческих сил, отражались в некоторых обрядах Древнего Рима: так, считалось, что кровь гладиаторов обладает чудодейственными свойствами, следовательно, если человек выпьет эту кровь, то может излечиться от эпилепсии, бесплодия. Плиний Старший описывает этот обычай так: «Эпилептики пьют кровь

гладиаторов, как будто это чаша жизни...Они верят, что лучше всего пить кровь теплой из самого человека, когда он находится при издыхании, прижимаясь губами к ране, черпая из нее квинтэссенцию самой жизни» [Напп 2013: 69].

По-видимому, кровь считалась не только средоточием сил человека, но и сексуальной энергии. Р. Напп рассказывает о приворотном ритуале, в котором использовалась кровь гладиаторов: «Приворотное зелье совершалось при помощи героев, гладиаторов, а также тех, кто погиб жестокой смертью. Оставь ломтик хлеба, который ты ешь, раздели его на семь маленьких кусочков. И направляйся туда, где были убиты герои, гладиаторы и те, кто погибает жестокой смертью. Прочти заклинание над кусочками хлеба и брось их. Затем набери немного оскверненной грязи с места, где совершаешь ритуал, и брось ее в дом женщины, которую желаешь, потом иди домой и ложись спать» [там же].

Представления о крови как о жизненно важной субстанции способствуют появлению у нее – как знака языка культуры – символического потенциала. Так, в песне Фабрицио де Андре *La guerra di Piero*, посвященной Второй мировой войне, есть такие строчки: Sparagli, Piero, sparagli oga, e dopo un colpo sparagli ancora, fino a che tu non lo vedrai *esangue* cadere in terra a *coprire il suo sangue* («Стреляй в него, Пьеро, стреляй сейчас, и после одного выстрела стреляй еще, до тех пор пока не увидишь, как он, *обескровленный*, падает на землю, чтобы *закрыть телом свою кровь*»). В данном контексте кровь выступает одновременно и как символ жизни, и как символ смерти.

Здоровым и красивым человеком представлялся тот, у которого кровь функционирует нормально: итал. *esseredi buon sangue* (букв. «быть хорошей крови», т. е. «иметь хорошую кровь») 'иметь здоровую конституцию', итал. *esserelattee sangue* («быть как кровь с молоком») 'иметь бело-розовый, цветущий цвет лица' [Battaglia 17: 504]. Особого комментария заслуживает последнее выражение. В. М. Мокиенко указывает, что оно имеет многочисленные параллели в европейских языках: «Выражение-интернационализм, которое активно употребляется во многих славянских и неславянских языках: укр. *кров з молоком*, белор. *кроу з малаком*, пол. *krew z mlekiem*, чеш. *krev a mle'ko*, словац. *krv a mlieko*, болг. само *мяко и кръв*, нем. [*wie*] *Milch und Blut*, норв. [*som*] *melkogblod* («как молоко и кровь»), итал. *latte e sangue* («молоко и кровь»). В несколько иной форме выражение представлено в тюркских языках: казах. «из обеих щек кровь закапала», тур. «с лица кровь капает». В русском литературном языке этот оборот в

формах *как кровь с молоком, кровь с молоком* активно употребляется с XVIII в. такими писателями, как Осипов, Ф. Г. Волков, Н. М. Карамзин, и фиксируется историками. В Вейсманновом «Лексиконе» (1731) он сопровождается немецкими и латинскими эквивалентами *wie Milchund Blut* и *rubor candore temperatus*. На латинскую параллель из «Науки любви» Овидия – *candidor lacte* («белее молока») указывает М. И. Михельсон. Эти факты подтверждают классифицирование выражения как европеизма» [Мокиенко 2005: 360].

В итальянском языке кровь осмысливается как средоточие физической, плотской сущности человека: итал. *sangue* 'физические потребности человека в противопоставлении духовным': («Почему в духовном плане осуждается то, что священо для крови?») [Battaglia 17: 499], итал. *carne e sangue* («мясо и кровь») 'физическая сущность человека, его чувства' («Как мало считать, что эта любовь происходит из плоти и крови») [там же]. Н. Томмазео отмечает: «Так как кровь является необходимой жидкостью для жизни, в древности считалось, что кровь являетсяместилищем животной, плотской жизни человека, в отличие от души (*anima, animus*) и духа (*spiritus*)» [Tommasео: *sangue*]. Так, он приводит следующие примеры: лат. *una eadem que via sanguisque animus que sequuntur* («По одной и той же дороге идут кровь и дух»); лат. *Undantique animam diffundit in arma cruore* («Душу кровавой волной на оружие свое изливая»); вульг.-лат. *Li profundi fori (ferite) onde uscì 'l sangue in sul quale io sedea, Fatti mi fũro in grembo agli Antenori* [ibid.]. Любопытно, что, согласно античным представлениям кровь является одной из составляющих сущности человека, а именно олицетворяет плотское начало человека, а с развитием христианства начинает осмысливаться и как физическое проявление высокой искупительной жертвы. *Кровь* сакрализуется, осмысливается аксиологически: итал. *sangue* 'кровь Христа, пролитая ради жизни человечества' [Battaglia 17: 498]. Итак, кровь, пролитая Христом, осмысливается как ценная, принесшая спасение людям. Аналогичным образом оценивается кровь мучеников: итал. *Battesimo di sangue* («крещение крови») 'смерть, встреченная мучениками' [там же: 500].

Дериваты слова *sangue*, обозначающие явления **физического мира**, мотивированы не биологическими свойствами крови (цвет, запах, вкус etc.), а **знаниями** о том, что кровь действительно участвует в жизненно важных процессах организма. Интересно, что именно на основе реальных медицинских фактов в народном языковом сознании крови приписываются и совершенно не свойственные ей функции.

Таким образом, дериваты слова *sangue*, обладающие общей семантикой физического мира, представлены в амбивалентных ипостасях: с их помощью маркируется как жизнь, так и смерть. Интересно также заметить некоторые семантические переходы от физического мира к духовному, когда речь идет о семантике жертвы в христианском контексте.

Психический мир

Кровь – один из тех органов, которые, по народным представлениям, занимают пограничное положение между физическим и психическим миром человека. Крови приписывается связь с эмоциями и психикой. Любопытно, что на роль типа крови в формировании характера, темперамента человека обратили внимание еще в античности, в связи с чем стоит вспомнить название одного из видов темперамента, ср. итал. *sanguinico, sanguigno* ‘сангвиник’, которое образовано от лат. *sanguis* ‘кровь’. В обозначениях темперамента человека важное значение имеет температурная характеристика, ср. итал. *di sangue freddo* («холодной крови») ‘о том, кто нелегко поддается страстям’, итал. *di sangue caldo* («горячей крови») ‘способный к живым страстям, стремительным порывам’ [Battaglia 17: 500]. Маркироваться может также и собственно наличие крови (показатель сильного темперамента) у человека, ср. итал. *avere sangue nelle vene* («иметь кровь в венах») ‘быть очень страстным человеком, который быстро и жестоко реагирует’ [там же: 503]. Иногда выделяются особые качества человека, например, мягкость характера, ср. итал. *di sangue dolce* («сладкой крови») ‘мягкий, уступчивый’ [там же: 500]².

При обозначении чувств интенсификатором значения может выступать и цветовой признак, ср. итал. *sangue nero* («черная кровь») ‘смертельная ненависть’ [Tommaso: *sangue*], итал. *avere il sangue verde* («иметь зеленую кровь») ‘беситься от гнева’ [Battaglia 17: 503]. Сочетаемость с такими обозначениями цвета, необычными для крови, с одной стороны, связана с представлениями о норме/не-норме (нормой является красный цвет), ср. итал. *avere il sangue rosso* («иметь красную кровь») ‘быть отходчивым, таким, с которым легко наладить отношения после обиды’ («Каждый имеет красную кровь, и каждая змея имеет свой яд») [Tommaso: *sangue*], а с другой стороны, в формировании значений первых двух выражений играет роль семантика собственно обозначений черного и зеленого цветов. В традиционной итальянской культуре черный (*nero*) обладает негативной символикой (и это практически универсалия – как минимум для индоевропейских лингвокультурных традиций), ср. *essere*

nero di rabbia («быть черным от злости») ‘сильно разозлиться’ [там же: *nero*]. Зеленый цвет (*verde*) осмысливается амбивалентно: с одной стороны, зеленый – показатель жизни, полноты сил, ср. итал. *vivo e verde* («живой и зеленый») ‘о здоровом человеке’, с другой стороны, зеленый цвет также осмысливается как цвет болезни, ср. итал. *essere verde, avere il viso verde* («быть зеленым, иметь зеленое лицо») ‘о болезни или о переживаемом гнев’ [там же: *verde*].

Кровь воспринимается как некая телесная действующая сила, которая руководит эмоциональной жизнью всего организма, ср. итал. *andare il sangue alla testa* («кровь идет в голову») ‘о гневе, негодовании’ [Battaglia 17: 503], итал. *salire, montare, venire il sangue alla testa* («кровь идет, поднимается в голову») ‘быть во власти гнева, мятежного порыва’, итал. *scaldarsi il sangue* («греть кровь») ‘гневаться’ [там же: 506]. Участие обозначения крови в номинациях интенсивных чувств обусловлено, скорее всего, особенностями физиологического восприятия этих чувств человеком: когда человек испытывает возбуждение, температура тела повышается, кровь начинает циркулировать быстрее, приливает к поверхности кожи, окрашивая ее в красный цвет. Кровь становится видимой, и следствие физиологического процесса принимается наивным языковым сознанием за причину. Среди негативных эмоций, представления о которых могут быть выражены в «кровоавой» фразеологии, выделяются:

- 1) страх, волнение, тревога: итал. *agghiacciarsi il sangue entro le vene* («леденить кровь в венах») ‘оставаться парализованным (из-за интенсивности чувства страха)’ [там же: 502], итал. *non rimanere sangue addosso* («не оставлять крови на себе») ‘о невероятном страхе’ [Tommaso: *sangue*], итал. *essere, stare col sangue rimescolato* («быть, находиться с перемешанной кровью») ‘тревожиться’ [там же: 504], итал. *ravvilupparsi i sanguini* («сворачиваться (о крови)») ‘сильно тревожиться’ [там же: 506];
- 2) ненависть, гнев, раздражение: итал. *avere fra se` sangue nero* («иметь друг между другом черную кровь») ‘смертельно ненавидеть друг друга’ [там же: 503], итал. *mettere sangue fra qualcuno* («класть кровь между кем-либо») ‘возбуждать ненависть’ [там же: 505], итал. *fare cattivo sangue* («делать плохую кровь») ‘злиться’, итал. *farsi il sangue cattivo, brutto sangue* («делать себе плохую, неприятную кровь») ‘беситься, злиться’ [там же: 504], итал. *mangiarsi il sangue* («есть свою кровь») ‘злиться, раздражаться’, итал. *far fare il sangue verde* («заставлять делать зеленую кровь»)

‘злить’, итал. *farsi rosso il sangue a qualcuno* («делать кровь кого-либо красной») ‘обращать в гнев или злость кого-либо’ [Tommaso: *sangue*], итал. *guastarsi il sangue* («портить себе кровь») ‘злиться из-за чего-либо; тревожиться, раздражаться’ [там же: 505]. Это самая сильная эмоция – и при ее вербализации эмоциональный накал может быть усилен всеми цветовыми эпитетами, имеющими в данном случае идентичную символику («красный» = «зеленый» = «черный»);

- 3) печаль: итал. *far tristo sangue* («делать печальную кровь») ‘о сожалении, скуке’ [там же], итал. *fare sangue* («делать кровь») ‘вызывать страдания и тоску (о виде искусства)’ [там же: 504].

Среди положительных эмоций выделяются:

- 1) эмпатия: итал. *leggere il sangue a qualcuno* («читать чью-либо кровь») ‘знать направления самых скрытых чувств и желаний кого-либо’ [там же: 505];
- 2) симпатия: итал. *andare a sangue* («идти к крови») ‘быть подходящим; представляться приятным, привлекательным; нравиться; удовлетворять’ [там же: 503], итал. *avere qualcuno nel sangue* «иметь кого-либо в крови» ‘считать кого-либо невероятно привлекательным’, итал. *avere un gran sangue a qualcuno* «иметь большую кровь к кому-либо» ‘испытывать живое влечение’ [там же]. Данные выражения появились в итальянском языке благодаря наличию у слова *sangue* семантики, связанной с физическим, плотским началом человека (см. выше).

Как можно заметить, большая часть дериватов слова *sangue* обладает негативной окраской: с их помощью обозначаются обычно сильные неприятные чувства. Нельзя не отметить, что эти чувства иррациональны, они связаны скорее с животным началом человека, нежели с интеллектуальным или духовным. Вообще, для ассоциативно-деривационной и фразеологической семантики соматизмов характерно, что отражаемые в ней эмоции могут быть разделены на «высокие» и «низкие»: к примеру, слова со значением ‘сердце’ участвуют в номинациях «высоких», «благородных эмоций», ср. итал. *avere peso sul cuore* («иметь груз на сердце») ‘тревожиться, переживать’, рус. *от всего сердца* ‘искренне’, а, к примеру, со значением ‘печенка’ – в номинациях «низких», «стыдных» эмоций (не всегда, но, по крайней мере, нередко), ср. рус. *В печенках сидит* ‘раздражает, надоедает’. Е. Л. Березович отмечает, что «одни органы могут быть “сниженными двойниками” других (допустим, *потроха* или *печенка – души и сердца*)» [Березович 2016: 91].

Дериваты слова *sangue* могут участвовать и в номинациях явлений интеллектуальной сферы, ср. итал. *convertire in succo e in sangue* («обратить в сок и кровь») ‘интеллектуально усвоить’, итал. *convertirsi in sangue* («обратиться в кровь») ‘быть полностью усвоенным интеллектуально’, итал. *scritto col sangue del cuore* («написано с кровью сердца») ‘выражая самые искренние чувства’ [Battaglia 17: 504]. Крови здесь приписывается связь с внутренним, духовным миром человека. Однако для крови не характерна связь с интеллектуальной сферой, кровь скорее выражает пограничные чувственно-физиологические, инстинктивные явления.

Семья, родственные отношения

Кровь осознается как символ генетической связи людей, ср. итал. *affare di sangue* («дело крови») ‘чувство, продиктованное родством’ [Battaglia 17: 502]. Согласно языковому портрету кровь имеет голос, ср. итал. *voce del sangue* («голос крови») ‘естественное влечение к родителям или родственникам’; она участвует в формировании оппозиции «свой – чужой», ср. итал. *sangue del proprio sangue* («кровь от собственной крови») ‘для указания на взаимную принадлежность родителей и детей’ [там же], итал. *sangue paterno, materno* («отцовская, материнская кровь») ‘о родственниках и предках’ [Tommaso: *sangue*], итал. *il proprio sangue* («собственная кровь») ‘родной ребенок’, итал. *sangue mio* («моя кровь») ‘родной ребенок, родные дети’ [там же: 501]. Такие представления о крови характерны для многих языков. Так, А. Тырпа пишет о важности образа крови в формировании семантики родства, используя польский материал: «Об “узах крови” говорят выражения типа *Krew – piqta woda po marchwi* («кровь – пятая вода после моркови») ‘об очень далеком родственнике’. «Вода после моркови» может означать бледно-красный цвет, слабый оттенок крови. Происхождение в семейном смысле расширяется до происхождения этнического, а также до связей с какой-либо группой людей» [Тырпа 2007: 119].

Кровь является и признаком знатного происхождения, ср. итал. *sangue blu* «голубая кровь» ‘благородство, знатность’, итал. *sangue* ‘благородство рождения, рода или родства’ [Battaglia 17: 502], итал. *gentilezzadi sangue* («благородство крови») ‘знатность’, итал. *nobile sangue* («знатная кровь») ‘принадлежащий к знати’ [там же: 501], итал. *essere di buon sangue* («быть хорошей кровью») ‘происходить из хорошей семьи’ [там же: 504]. Итал. *sangue blu* представляет собой, по видимому, кальку с испанского *le sangre azul*. В. М. Мокиенко указывает, что первоначально

так называли себя аристократические семьи испанской провинции Кастилья, гордившиеся тем, что их предки никогда не вступали в смешанные браки с маврами и другими народами со смуглой кожей. В выражении подразумевается, что у людей со светлым оттенком кожи вены имеют голубоватый цвет, чего не наблюдается у лиц со смуглой кожей [Мокиенко 2005: 359].

Дериваты слова *sangue* участвуют в номинациях юридических норм, ср. итал. *diritti del sangue* («права крови») ‘семейные права, основанные на биологическом отношении к происхождению’, итал. *per diritto di sangue* («по праву крови») ‘на основе отношения к происхождению (как способ завоевания юридических позиций, таких как гражданство)’ [Battaglia 17: 502]. Подобные номинации свидетельствуют о четкой маркированности крови как носителя генетической информации.

Социальные конфликты

Наличие дериватов слова *sangue* в данной тематической группе связано с тем, что кровь является показателем смерти, физических и душевных страданий разной степени. Так, компонент *sangue* может участвовать в выражениях, обозначающих враждебные отношения между людьми, ср. итал. *agghiacciare il sangue, i sanguini entro le vene* («леденить кровь в венах») ‘терроризировать, запугивать’ [Battaglia 17: 502], *far venire il sangue al naso* («заставить кровь пойти из носу») ‘терроризировать’ [там же: 504], *bere il sangue di qualcuno* («пить чью-либо кровь») ‘причинять страдания’ [там же: 503]. Особенно выделяются враждебные отношения, связанные с экономическим давлением, ср. итал. *bersi il sangue di qualcuno* («напиться чьей-либо крови») ‘разорить кого-либо ростовщицеством’ [там же: 503], *premere fino al sangue* («давить до крови») ‘разорять кого-либо посредством высоких налогов’, *perdere il cuore e il sangue* («терять кровь и сердце») ‘разориться’ [там же: 505], *trarre il sangue a qualcuno* («тянуть кровь из кого-либо») ‘разорить кого-либо посредством налогов’, *sudare sangue* («потеть кровью») ‘страдать экономически’ [там же: 506].

Дериваты слова *sangue* участвуют в номинациях всех элементов отражающегося в языке «сценария» убийства. Рассмотрим основные элементы:

1) замысел: итал. *pensieri di sangue* («мысли о крови, кровавые мысли») ‘о намерении убить кого-либо’ [Tommaso: *sangue*], итал. *volere il sangue di qualcuno* («желать чьей-либо крови») ‘желать убить кого-либо’, итал. *sitire sangue* («жаждать крови») ‘желать убить кого-либо’ [там же];

- 2) процесс – использование слова *sangue* в выражениях со значением ‘убивать’ отражает важные для языкового сознания признаки крови. Так, кровь осознается как жизненно важная жидкость, ср. итал. *andare al sangue* («идти до крови») ‘совершать убийства’ [там же: 502]; стихия, ср. *fare lago di sangue* («делать озеро крови») ‘совершать убийства’ [там же: 504]; жидкость, которая может испачкать, придать красный цвет кому-то или чему-то, ср. *insanguinarsi le mani nel sangue di qualcuno* («обогреть руки в крови кого-либо») ‘убивать кого-либо’, *macchiare, lordarsi le mani del sangue di qualcuno* («пачкать, грязнить руки в крови кого-либо») ‘убивать кого-либо’, *mettere mano al sangue di qualcuno* («приложить руку к крови кого-либо») ‘убить кого-либо’; жидкость, которая имеет специфический запах, ср. итал. *puzzare di sangue* («пахнуть кровью») ‘совершить много преступлений’ [там же: 505]; жидкость, которая льется, ср. *spargere il sangue di qualcuno* («проливать чью-либо кровь») ‘убивать кого-либо’, *spargere la terra di sangue umano* («проливать человеческую кровь на землю») ‘совершать убийства’, *spargere, spandere sangue* («проливать кровь») ‘совершать убийства, кровавые боины’ [там же: 506];
- 3) удовольствие от убийства: итал. *suggere il sangue di qualcuno come miele* («сосать кровь кого-либо как мед») ‘испытывать удовольствие от убийства’ [там же];
- 4) преступник: итал. *reo di sangue* («преступник крови») ‘обвиняемый или виновный в преступлении (убийстве или ранении)’ [там же: 501];
- 5) ответственность за убийство: итал. *bruttarsi le mani nel sangue di qualcuno* («пачкать руки в чьей-либо крови») ‘быть виновным в убийстве’ [там же: 503], итал. *imbrattarsi le mani nel sangue di qualcuno* («запачкать руки чьей-либо крови») ‘быть ответственным за убийство или его исполнителем’ [там же: 505];
- 6) место убийства: итал. *correre le vie sangue, rivi di sangue* («бегут улицы, ручьи крови») ‘о городе, где произошли массовые убийства’ [там же], *andare a sacco e a sangue* («дойти до мешка и до крови») ‘быть местом грабительских действий, жестокости и убийств’ [там же: 502];
- 7) месть за убийство: итал. *sentenza di sangue* («суждение крови») ‘месть, которая предполагает убийство обидчика (также в выражении *vendetta di sangue* («кровавая месть»))’, *diritto di sangue* («право крови») ‘право убить обидчика, принятое на ранних этапах развития общества, когда месть считалась формой народного правосудия’ [там же: 500], *lavare un'offesa*

col, nel sangue («смыть обиду кровью») ‘избавляться от чего-либо порочащего путем жестокого убийства’ [Garzanti Linguistica: *sangue*].

- 8) смертный приговор, наказание: итал. *balia, facolta` o potesta` di sangue o di far sangue* («власть, способность проливать кровь») ‘иметь возможность выносить приговор за убийства’, *fare sangue* («делать кровь»): ‘объявлять или приводить в исполнение смертельный приговор’, ‘экспр. убить ‘рукой правосудия’ во время волнений и восстаний’, *sentenza di sangue* («суждение крови») ‘смертный приговор’ [Battaglia 17: 500], *punire in sangue* («наказать кровью») ‘приговорить к смерти’ [там же: 505].

Участие дериватов слова *sangue* в лексике данной семантической сферы объясняется традиционными представлениями о войне, сражении или драке как о *кровопролитных*. Дериваты, относящиеся к семантической сфере конфликтов, мотивируются физическими свойствами крови: цветом, запахом, вкусом, текучестью, «скрытостью» за поверхностью кожи.

Обрядность

Кровь является необходимым элементом многих ритуалов и обрядов³. В христианской церковной практике она символизирует кровь Христа, что проявляется, например, в обряде причастия, при котором красное вино является субститутом крови.

Слово *sangue* может участвовать в номинациях церковных праздников, ср. итал. *Sangue preziosissimo di Nostro Signore Gesu` Cristo* («ценнейшая кровь нашего господина Иисуса Христа») ‘поклонение, начавшееся в Средние века в отношении святых останков страданий Христа, с середины XVI в. стало настоящей формой литургических празднований; праздник отмечается 1 июля начиная с 1914 года’ [Battaglia 17: 504].

Быт

Данная тематическая группа включает в себя лишь несколько наименований продуктов. Показательно (далее будет объяснено, почему), что эти наименования являются метафорическими. С участием слова *sangue* обозначается красное вино: итал. шутол. *sangue di botte* («кровь бочки») ‘вино’ [там же: 499], итал. *sangue di Giuda* («кровь Иуды») ‘красное вино с высокой плотностью, горьковатым послевкусием, типичное для Ольтрепо Павезе’ [там же: 502], сок красного цвета, ср. итал. *sangue* ‘сок, выжимаемый из красных или фиолетовых фруктов (в частности, из винограда)’: «Кровь ежевики и молоко лукашалот» [там же: 499].

Небольшая наполненность данной тематической группы, думается, связана с кулинарными традициями Италии, которые не предполагают использования крови в пищу.

Природа

К этой тематической группе относятся названия жидкостей, извлекаемых из живых организмов в промышленных целях, например, жидкость, сочащуюся из моллюска, ср. итал. *sangue di Turco* («кровь турка») ‘моллюск рода *Arca* (*Arca nucleus*)’: «*Arca nucleus* чаще всего обитает в глубинах наших лагун, но также живет и в море. Он не из тех наиболее распространенных ракушек, хотя и его легко обнаружить. Если он открывает эту двустворчатую раковину, его видно сквозь бордовую клейковину, которая пачкает своего обитателя и капает сквозь створки раковины, поэтому все внутренности окрашиваются в ярчайший запоминающийся цвет, более заметный для наших рыбаков, которые поэтому называют эту ракушку кровью турка» [Battaglia 17: 502]. Эта тематическая группа также включает в себя названия частей растений красного цвета, ср. итал. *sangue di drago o di dragone* («кровь дракона») ‘смола, извлекаемая из плодов вьющегося растения, принадлежащего к роду пальмовых; с легким запахом, кислого, вяжущего вкуса, растворимая в спирте и хлороформе; высушенная, «спрессованная» в мелкие шарики и галеты используется как краситель, в частности в производстве лаков. Активно применялась итальянцами в XVIII в.’ [там же: 507]; животных, ср. *sangue* ‘любая разновидность красного коралла’ [там же: 499]; природных ископаемых, ср. *sangue* ‘раскаленная магма’ [там же]; камней, ср. *sangue di Piccione* («кровь голубя») ‘разновидность рубина интенсивного и блестящего цвета’ [там же: 502]; удобрений, ср. *sangue secco, farina, polvere di sangue* («сухая кровь; кровавая пыль, мука») ‘органическое удобрение с большим содержанием азота, получаемое высушиванием крови, оставшейся от убоя скота; это пыль коричневатокрасного цвета, используемая также для питания животных’ [там же: 498].

В наивном языковом сознании носителей итальянского языка кровь осмысливается амбивалентно: она является и показателем жизни, и показателем смерти; она может обозначать явления физического мира и психического; она связана с чувственным, плотским началом человека, но может быть и символом духовного или физического жертвования; служит показателем и конфликтов, и родственной связи. Признаки крови, которые значимы при семантическом развитии

называющего ее слова, – это цвет, запах, вкус, текучесть, способность пачкать.

Кровь может быть «чьей-то»; «владельцами» крови, особенно маркируемыми итальянским языком, являются голубь (*piccione*), турок (*turco*), Иуда (*Giuda*). Такая модель номинации претендует на универсальность, во многих языках встречаются наименования, например, растений, по модели «чья-то кровь», ср. укр. *Христова кровца* ‘зверобой’, рус. диал. *семибратная кровь* ‘зверобой’ и т. п, но специфическим для каждого языка является набор «владельцев» крови. В данном случае итал. *sangue del turco* – пример ксеномотивации, типичной для многих языков, однако указания на конкретных инородцев, «актуальных» по каким-то причинам для народа-номинатора, специфичны. Появление данного выражения в итальянском обусловлено контактами итальянцев и турок, которые часто были противниками на войне.

Еще одним примером этноспецифичности в итальянском является название вина *sangue di Giuda*: данная номинация отражает влияние католицизма, а именно традиции причащения с использованием специального вина, символизирующего кровь Христа. *Кровь Иуды* в данном контексте отражает, с одной стороны, оппозицию норма/не-норма, а с другой – представления о крови отрицательного персонажа как темной, густой, *не такой, как у Христа*: вино под названием *sangue di Giuda* отличается исключительно темным цветом и густотой.

Примечания

¹ Среди дальних этимологических связей слова *сок* указывается, к примеру, и алб. *gjak* ‘кровь’ [Фасмер 3: 708].

² Здесь трудно дать точный перевод, так как итальянское слово *dolce* может обозначать разные качества чего-либо или кого-либо; в зависимости от контекста это слово может переводиться как сладкий, нежный, мягкий, теплый, радостный, пресный, ср. *un gelato dolce* («сладкое мороженое»), *una ragazza dolce* («нежная девушка»), *un clima dolce* («мягкий климат»), *acqua dolce* («пресная вода»).

³ Своеобразное «причастие» кровью проводится и при ритуале принятия нового члена в мафиозную «семью», который называется итал. *pinciuta*.

Список источников

Мокиенко 2005 – *Русская фразеология*. Историко-этимологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. В. М. Мокиенко. М., 2005.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964–1973.

ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева*. М., 1974. Т. 13.

Battaglia – *Battaglia S.* Grande dizionario della lingua italiana. Vol. 1–21. Torino, 1961–2002.

Bonomi – *Bonomi F.* Vocabolario etimologico della lingua italiana. URL: <http://www.etimo.it/> (дата обращения: 20.01.2018).

Garzanti Linguistica. URL: <https://www.garzanti-linguistica.it/> (дата обращения: 20.01.2018).

OLD – P. G. W. Glare. Oxford Latin Dictionary. Oxford University Press, 1996.

Tommaseo – *Tommaseo N.* Dizionario della lingua italiana. Torino, 1861. URL: <http://www.tommaseobellini.it/#/> (дата обращения: 20.01.2018).

Treccani – *Vocabolario della lingua italiana*. URL: <http://www.treccani.it/> (дата обращения: 20.01.2018).

Список литературы

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007. 600 с.

Березович Е. Л. Соматическая модель в номинации предчувствий и интуитивных чувствований // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 86–93.

Березович Е. Л., Седакова И. А. Славянские соматизмы «кожа» и «шкура» и их вторичные значения // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2012. Т. 71, № 6. С. 12–24.

Bierezowicz E. L. Душа и сердце как органы «шестого чувства» (на материале русского языка) // *Antropologicznojezykowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej*. Т. 1: Dusza w oczach świata / pod red. E. Masłowskiej, D. Pazio-Wlazłowskiej. Warszawa: IS PAN, 2016. S. 179–194.

Бјелетић М. От девет брата крв (фитоними и термини сродства) // Кодови словенских култура. Растения. Белград, 1996. 387 с.

Ле Гоф Ж., Трюон Н. История тела в средние века / пер. с франц. М., 2008. 192 с.

Мазалова Н. Е. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 192 с.

Макаријоска Л. Лексиката од областа на исторријата на медицината. Скопје, 2011. 426 с.

Митология на човешкото тяло: Антропологичен речник / съст. и ред. М. Георгиев. София, 2008. 665 с.

Hann P. Скрытая жизнь Древнего Рима. М.: Центрполиграф, 2013. 384 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2004. 990 с.

Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1(3). С. 112–127.

Толстая С. М. Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике // Славянское языкознание: XIV Междунар. съезд славистов. Докл. российской делегации. М., 2008. С. 549–563.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.

Тырпа А. Fraseologia somatyczna. Związki frazeologiczne o znaczeniach motywowanych cechami części ciała w gwarach polskich. Łask, Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2005. 373 с.

References

Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kultura* [Language and traditional culture]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 600 p. (In Russ.)

Berezovich E. L. *Somaticheskaya model' v nominatsiyakh predchuvstviy i intuitivnykh chuvstvovaniy* [Somatic model in the nomination of premonitions and intuitional feelings]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2016, issue 3, pp. 86–93. 239 p. (In Russ.)

Berezovich E.L., Sedakova I.A. Slavyanskije somatismy «kozha» i «shkura» i ikh vtorichnye znacheniya [Slavic somatismos “kozha” (“skin”) and “shkura” (“hide”) and their secondary meanings]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Rossiiskaya Akademiya Nauk. Izvestiya. Seriya Literatury i Yazyka], 2012, vol. 71, issue 6, pp. 12–24. 80 p. (In Russ.)

Berezovich E. L. Dusha i serdtse kak organy shestogo chuvstva (na materiale russkogo yazyka) [Soul and heart as the sixth sense organ (on the material of the Russian language)]. *Antropologiczno jezykowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej. T. 1: Dusza w oczach świata*. Ed. by E. Masłowskiej, D. Pazio-Wlazłowskiej. Warsaw, IS PAN Publ., 2016, pp. 179–194. 556 p. (In Russ.)

Beletich M. Ot devet brata krv (fitonimy i termini srodstva) [Blood from nine brothers (phytonyms and terms of relativity)]. *Kodovi slovenskikh kultura. Rasteniya* [Codes of Slavonic Cultures. Plants]. Belgrade, 1996. 387 p. (In Serb.)

Le Goff J., Truon N. *Istoriya tela v srednie veka* [History of the Body in the Middle Ages]. Transl. from French. Moscow, 2008. 192 p. (In Russ.)

Mazalova N. E. *Chelovek v traditsionnykh somaticheskikh predstavleniyakh russkikh*. [The man in traditional somatic views of the Russians] St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2001. 192 p. (In Russ.)

Mitologiya na choveshkoto tyalo: Antropologichen rechnik [Mythology of human body: anthropological dictionary]. Ed. by M. Georgiev. Sofia, 2008. 665 p. (In Bulg.)

Knapp R. *Skrytaya zhizn' Drevnego Rima. Raby i Gladiatory, Prestupniki i Prostitutki, Plebei i Legionery... Zhiteli Vechnogo Goroda, o Kotorykh Zabyla Istoria* [Invisible Romans: Prostitutes, Outlaws, Slaves, Gladiators, Ordinary Men and Women – The Romans that History Forgot]. Moscow, Tsentrpoligraph Publ., 2013. 384 p. (In Russ.)

Makarjioska L. *Leksikata od oblata na istorijata na meditsinata* [Vocabulary of history of medicine]. Skopje, 2011. 426 p. (In Macedon.)

Stepanov Yu. S. *Konstanty: slovar russkoy kul'tury*. [Constants: dictionary of the Russian culture]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2001. 990 p. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Motivatsionnye semanticheskie modeli i kartina mira* [Motivational semantic models and the picture of the world]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2002, issue 1(3), pp. 112–127. 319 p. (In Russ.)

Tolstaya S. M. Semanticheskaya rekonstruktsiya i problema sinonimii v praslavyanskoy leksike [Semantic reconstruction and synonymy problems in protoslavonic vocabulary]. *Slavyanskoe yazykoznanie. XIV Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov. Doklady rossiyskoy delegatsii* [Slavic linguistics. XIV International Conference for Slavists. Russian delegation papers]. Moscow, 2008, pp. 549–563. 576 p. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshch斯拉vianskoy perspektive* [Word space. Lexical semantics in common Slavic perspective]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 528 p. (In Russ.)

Тырпа А. *Fraseologia somatyczna. Związki frazeologiczne o znaczeniach motywowanych cechami części ciała w gwarach polskich*. [Somatic phraseology. Phraseological connections in the meanings motivated by parts of the body in Polish dialects] Łask, Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2005. 373 p. [Somatic phraseology] (In Pol.)

ASSOCIATIVE, DERIVATIONAL AND PHRASEOLOGICAL SEMANTICS
OF THE ITALIAN *SANGUE* 'BLOOD'

Slaviana S. Mikhailishcheva

Postgraduate Student in the Department of Russian Language,
General Linguistics and Verbal Communication

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

51, Lenina st., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation. ssm01@yandex.ru

SPIN-code: 1267-7121

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3209-7719>

ResearcherID: D-3808-2018

Submitted 25.01.2018

The article considers associative derivational semantics of the word *sangue* 'blood' in the Italian language. The derivatives of this word are classified into the following thematic groups: physical world, psychical world, social conflicts, family relationships, everyday life, rituals, nature. In the article, a motivation analysis of the semantic derivatives is carried out, universal and specific semantic transfers are identified, suppositions regarding the ethnocultural motivation of certain facts are described, data concerning the etymology of the words with the meaning «blood» (ital. *sangue*, ital. *cruore*) are provided. This paper is the first attempt to create an ethnolinguistic portrait of the word *sangue* in the Italian language. It is found out that this word has semantics traditional for other somatisms (e. g. derivatives of this word can name phenomena of both physical and psychical worlds), but at the same time it reflects the ambivalent perception of blood. It is also found that in the Italian language worldview blood is considered to be related to human animalistic nature, but it also symbolizes a redemptive sacrifice (of Jesus Christ or other martyrs). This ambivalent perception of the concept may be connected with the influence of the Christian religion on Italian traditional culture. Semantic and motivational connections of the word *sangue* are revealed, and owing to this we can speak about some universal (at least for European languages) concepts identified in the linguistic portrait of this word (e. g. blood is considered to be the quintessence of vital energy, it is also a symbol of genetic relationships). This article is based on the material taken from the biggest dictionaries of the Italian language – The Dictionary of the Italian Language by N. Tommaseo and The Major Dictionary of the Italian Language by S. Battaglia.

Key words: somatism; semantics; motivation; semantic transfer; ethnolinguistical portrait.

УДК 81'373.612.2

doi 10.17072/2037-6681-2018-1-54-68

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБЛАСТИ-ИСТОЧНИКА ВОКАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ¹

Леонид Валерьевич Пахомов

ассистент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. pahomov_l@mail.ru

SPIN-код: 6698-3915

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3587-9089>

ResearcherID: U-4552-2017

Елена Валентиновна Ерофеева

д. филол. н., зав. кафедрой теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. elevaer@gmail.com

SPIN-код: 4653-7454

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6659-6519>

ResearcherID: Q-3940-2017

*Статья поступила в редакцию 20.12.2017***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Пахомов Л. В., Ерофеева Е. В. Моделирование области-источника вокальной метафоры // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 54–68. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-54-68***Please cite this article in English as:**Pakhomov L. V., Erofeeva E. V. Modelirovanie oblasti-istochnika vokal'noy metafory [Modeling of a Vocal Metaphor Source-Domain]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 1, pp. 54–68. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-54-68 (In Russ.)

Исследование посвящено моделированию области-источника вокальной метафоры. Под вокальной метафорой в статье понимается особый тип метафоры, описывающий физиологические действия и ощущения певца при постановке голоса и реализующийся в вокально-педагогическом дискурсе. Материалом для исследования области-источника вокальной метафоры послужила речь четырех преподавателей вокала Пермского института культуры на уроках сольного пения (8 уроков средней продолжительностью 51 мин.). В речи преподавателей вокала были выделены все метафоры, имеющие отношение к процессу пения (голосообразования). Общее число метафор составило 517 единиц – отдельных слов и метафорических выражений. Структура выделенных вокальных метафор анализировалась методом фреймовой семантики. Анализ вокальных метафор показал, что они представляют собой развернутую структуру, покрывающую множество семантических областей. В структуре области-источника вокальной метафоры выделяются как минимум два фрейма – «ДЕЙСТВИЕ» и «ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ», которые позволяют представить постановку голоса как определенные вокальные действия, совершаемые с органами и местами вокализации. Каждый из фреймов подразделяется на слоты, ранжирование которых внутри фрейма осуществляется на основе частотности их встречаемости в вокальных метафорах. Наиболее частотным в структуре фрейма-1 «ДЕЙСТВИЕ» области-источника вокальной метафоры является слот «физическое воздействие». В структуре фрейма-2 «ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ» самыми значимыми являются слоты «части тела» и «состояние». Анализ взаимодействия слотов разных фреймов в рамках области-источника позволил сделать вывод, что самым важным взаимодействием является взаимодействие «физическое воздействие» – «части тела». Этот факт указывает на то, что на начальных этапах постановки голоса принципиальным является

воздействие на определенный орган для обеспечения взаимосвязанной работы всего певческого аппарата. Взаимодействие слотов внутри области-источника можно трактовать как блендинг, в результате которого реализуется новое знание о пении. Блендинг происходит между определенными слотами фрейма-1 и фрейма-2, в то время как определенные слоты в силу ограничений на сочетаемость семантики слотов не могут взаимодействовать.

Ключевые слова: метафора; вокальная метафора; область-источник; структура; моделирование; фреймовая семантика; фрейм; слот; блендинг.

1. Введение

Пение, или процесс вокализации, представляет собой использование голосового аппарата для произведения звуков. Голосовой аппарат включает все органы, участвующие в голосообразовании: ротовую и носовую полости с придаточными полостями, глотку, гортань с голосовыми связками, трахею, бронхи, легкие, грудную клетку с дыхательными мышцами и диафрагмой, мышцы брюшной полости [Аникеев 1976; Дальская 2014; Дмитриев 1969]. Сама «физиологическая» метафора *голосовой аппарат* является ключом к пониманию процесса звукообразования и звукоизвлечения, поскольку предполагает определенную систему органов, их отношения и связь. Иными словами, голосовой аппарат – это элементы (органы) в их автономной работе и во взаимосвязи в рамках общей системы.

Несмотря на то что в фонетике существуют различные аппаратные методы изучения работы произносительного аппарата, которые могут быть применимы и к голосовому аппарату, при постановке голоса в практике преподавания вокала педагоги и учащиеся сталкиваются с трудностями, связанными с тем, что работу голосового аппарата без применения специальной аппаратуры и терминологии описать непросто: органы, участвующие в пении, невозможно «потрогать», их можно лишь ощутить и представить. Поэтому как преподавателю вокала, так и вокалисту необходим механизм, который позволяет осмыслять такие абстрактные понятия, как «голосовой аппарат», « голосообразование », « звуковедение » и, наконец, « пение ». Таким механизмом является **метафора** – когнитивный процесс, в ходе которого выражаются и формируются « абстрактные понятия, непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства через сходство с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами » [Краткий словарь когнитивных терминов 1997: 55].

Метафора как когнитивный механизм, позволяющий осмыслять разные области знания, формируется в дискурсе, и тип дискурса определяет специфику функционирования метафор [Арутюнова 1990; Кобозева 2001; Телия 1988; Lakoff 1992].

Поэтому метафору необходимо исследовать в различных типах дискурса. Изучение метафоры в

различных типах дискурса – медицинском [Алексеева, Мишланова 2002; Мишланова 2008, 2009; Полякова 2011; Уткина 2006 и др.], политическом [Баранов 2004; Будаев 2006; Чудинов 2001, 2003 и др.], публицистическом [Бессарабова 1985; Игнатъева 2006 и др.], педагогическом [Заседателева 2011; Кабаченко 2007 и др.], компьютерном [Исаева 2013 и др.] и т. д. – показало, что специфика области знания напрямую влияет на тип метафоризации. Чтобы вскрыть когнитивный механизм, позволяющий человеку экономить мыслительные усилия при формулировании и передаче нового знания, необходимо расширять спектр изучаемых дискурсов. Данное исследование посвящено функционированию метафоры в особом типе дискурса – вокально-педагогическом.

Вокально-педагогический дискурс является разновидностью педагогического дискурса. Сохраняя общие свойства педагогического дискурса, такие как участники (учитель и ученик), хромотоп, цели, стратегии, вокально-педагогический дискурс обладает специфическими особенностями, главными из которых являются короткая дистанция между участниками дискурса, преобладание личностно ориентированного общения (по сравнению с преобладанием статусно ориентированного общения в педагогическом дискурсе), наличие эталона правильного пения, в зависимости от которого ставятся цели, задачи и оценивается деятельность учащегося.

Особый тип метафоры, реализующийся в вокально-педагогическом дискурсе, описывающий физиологические действия и ощущения певца при постановке голоса, мы назвали **вокальной метафорой**.

2. Моделирование метафоры

В рамках когнитивной теории метафоры моделирование метафоры рассматривается как «отображение пропозициональных или образно-схематических моделей одной области на соответствующие структуры другой области» [Лаккофф 2004: 158]. Область, из которой берутся определенные представления, называется областью-источником (source-domain), а область, на которую переносятся представления из области-источника, называется областью-мишенью (target-domain) [там же]. Эти области можно тракто-

вать как понятийные сферы, а саму метафору – как «существующие и / или складывающиеся в сознании носителей языка схемы связи между понятийными сферами» [Чудинов 2003: 70]. А. Ченки считает, что, по сравнению с областью-мишенью, область-источник обычно интуитивно понятнее, конкретнее, известна через непосредственный физический опыт или сенсорный опыт – зрение, слух, осязание и пр., известна более детально, легче передается одним человеком другому [Ченки 2002: 352].

Понимание метафоризации как структурирования одной сферы опыта в терминах другой перекликается с теорией фреймов М. Минского. Суть данной теории заключается в том, что человек, сталкиваясь с новой ситуацией, действует на основании фрейма – структуры знания, основанной на стереотипной ситуации. М. Минский рассматривает фрейм как сеть узлов и отношений («as a network of nodes and relations» [Minsky 1974]), верхние уровни которой отражают постоянные условия ситуации. На нижних уровнях ситуация представляется в виде слотов – конечных элементов, содержащих признаки конкретной ситуации. М. Минский пишет об аналогиях, основанных на метафорах, следующим образом: «Такие аналогии порою дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы “в свете” другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой области» [Минский 1988: 291–292]. Иными словами, метафора, по М. Минскому, «способствует образованию непредсказуемых межфреймовых связей, обладающих большой эвристической силой» [Арутюнова 1990: 14].

О фрейме можно говорить как об инструменте представления знания о мире, об определенных отрезках действительности. При этом, согласно трактовке фрейма Н. Н. Болдыревым, структура фрейма характеризует не любое знание: фрейм является «моделью культурно-обусловленного, канонизированного знания» [Болдырев 2001: 62].

Типы переноса сферы-источника на сферу-мишень изучались многими исследователями.

Дж. Лакофф и М. Джонсон были первыми, кто попытался определить, каковы метафоры, «пронизывающие» наше сознание, и каким способом осуществляется соизмерение, ассоциирование разных по своей онтологической сущности категорий [Lakoff, M. Johnson 1980; Лакофф, Джонсон 1990]. Они выделяли несколько основных типов метафор, участвующих в структурировании человеческого мышления.

1. Структурные метафоры – такие метафоры, в которых одно понятие структурно-метафорически упорядочивается в терминах другого.

Концептуализируются отдельные области путем переноса на них структурной организации других областей (*любовь / жизнь – это путешествие*).

2. Ориентационные метафоры – организация целой системы понятий по образцу некоторой другой системы, связанной с пространственной ориентацией, базовыми пространственными оппозициями (*радость, здоровье, успех – верх; грусть, болезнь, неудача – низ*).

3. Онтологические метафоры – способы трактовки событий, действий, эмоций, идей и т. п., осмысленных в терминах объектов, веществ и субстанций, что позволяет вычленять некоторые части опыта и трактовать их как дискретные сущности или вещества некоторого единого типа (*инфляция – это сущность, психика – это хрупкий предмет, психика – это машина*) [Лакофф, Джонсон 1990: 392–415].

А. Н. Баранов предлагает дескрипторную теорию метафоры, применяемую для словарного описания политических метафор [Баранов, Караулов 1991, 1994]. В данной теории структура области-источника и области-мишени метафоры представлена в виде множества «кортежей» сигнификативных и денотативных дескрипторов (которые могут рассматриваться как фреймы в рамках фреймовой семантики). Сигнификативные дескрипторы относятся к области-источнику; это слова (или словосочетания), выражающие понятия из самых разных семантических полей. Каждой области-источнику метафоры приписывается, как правило, несколько сигнификативных дескрипторов, упорядоченных по степени абстрактности – от более конкретного к более абстрактному. Денотативные дескрипторы относятся к области-мишени; это слова, отражающие политические и социальные феномены.

Важным аспектом теории когнитивной метафоры является понятие *блендинга*. Дж. Фоконье и М. Тернер считают, что анализ метафорических высказываний не всегда поддается объяснению в терминах отображения сферы-источника на сферу-мишень: двух пространств (одного исходного и одного конечного) иногда оказывается недостаточно. Дж. Фоконье и М. Тернер рассматривают метафору как интеграцию, совмещение или слияние (*blending*) ментальных пространств (*mental spaces*). Авторы называют новую модель «многопространственной моделью», основанной на четырех или более («многих») ментальных пространствах [Fauconnier 1997, 2006; Fauconnier, Turner 1994, 1998]. Схема концептуальной интеграции (*блендинга*) Дж. Фоконье и М. Тернера дополняет пару традиционных пространств еще двумя: родовым пространством, которое содержит фоновые знания, общие для входных пространств, и выходным смешан-

ным пространством, которое содержит интегральный продукт блендинга.

В работах российских лингвистов, опирающихся на концепцию концептуальной метафоры, анализируется в основном структура области-источника метафоры в определенного типа дискурсах. Так, А. П. Чудинов, исследуя область-источник политических метафор, выделяет четыре метафорические модели русского политического дискурса: антропоморфную метафору, природоморфную метафору, социоморфную метафору и артефактную метафору [Чудинов 2003].

Похожей схемы анализа придерживаются и исследователи метафоры в медицинском дискурсе [см. напр.: Уткина 2006; Мишланова 2008, 2009; Полякова 2011]. Модель метафоры рассматривается в данном случае как понятийная область, включающая связанные семантически отношениями элементы, или как «таксономическое представление **сигнификативного дескриптора** (выделено нами. – Л. П., Е. Е.)» [Мишланова 2008: 105]. По их мнению, целесообразно описывать модель метафоры в медицинском дискурсе посредством всего двух доменов – ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА, включающих четыре базовых компонента, трактуемых как «метафорические модели» (соответствующие фреймам в терминологии фреймовой семантики): 1) человек как социальный субъект; 2) человек как биологическое существо; 3) живая природа; 4) неживая природа. Каждой из «метафорических моделей» (термин вышеуказанных авторов) дается качественная и количественная оценка, с помощью которой определяется доля каждой модели в концептуальной метафоре² [Полякова 2011].

Однако, как указывает А. П. Чудинов, для описания метафорической модели необходимо охарактеризовать не только область-источник, но и другие признаки:

- исходную понятийную область (первичную семантическую сферу, ментальную сферу-источник), к которой относятся охватываемые моделью слова в первичном значении;
- новую понятийную область (вторичную семантическую сферу, ментальную сферу-мишень), к которой относятся охватываемые моделью слова во вторичном значении;
- семантический компонент, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью слов, т. е. выяснить, что дает основания для метафорического использования соответствующих слов;
- относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют соответствующую понятийную область (семантическую сферу);

- охарактеризовать составляющие каждый фрейм типовые слоты, т. е. элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации, а также назвать типовые концепты, образующие слот;

- оценить продуктивность модели (т. е. способность к развертыванию) и ее частотность, а также ее «тяготение» к определенным функциональным стилям и подстилям, речевым жанрам, дискурсам и т. п.;

- оценить прагматический потенциал модели, т. е. типовое воздействие соответствующих метафор на адресата [Чудинов 2001: 44–46].

Рассмотрение фреймов области-источника и области-мишени приводит К. Салливан к необходимости установления связей между ними. Само моделирование метафоры в данном случае рассматривается как установление набора типичных, регулярных связей между фреймами области-источника и области-мишени [Sullivan 2013]. Например, в метафоре *mental exercise* ‘умственные упражнения’ К. Салливан выделяет область-источник BODY ‘тело’ и область-мишень MIND ‘психика’. В область-источник BODY включается фрейм EXERCISE ‘упражнения’, который содержит следующие компоненты: тот, кто упражняется; тело или части тела; напряженное движение; задачу (увеличение силы). В область-мишень MIND входят компоненты: тот, кто думает; психика или аспект психики; напряженное раздумывание; задача (улучшение). Так, компоненты фрейма области-источника проецируются на область-мишень, реализуя наиболее типичные варианты переноса: того, кто упражняется, на того, кто думает; тело или части тела на психику или аспекты психики; напряженное движение на напряженное раздумывание; увеличение силы на улучшение сознания.

Таким образом, при подходе к моделированию метафоры как переносу признаков области-источника на область-мишень акцент делается на анализе связей, моделированию же самих ментальных областей уделяется недостаточное внимание. С другой стороны, при моделировании области-источника и области-мишени обычно пренебрегают установлением связей между ними. Кроме того, при моделировании метафор недостаточно внимания уделяется концептуальному смешению, происходящему при взаимосвязях фреймов внутри области-источника и внутри области-мишени.

На наш взгляд, моделирование метафоры должно включать все эти этапы: моделирование области-мишени и области-источника на основе фреймовой семантики; установление межфреймовых связей как в области-источнике, так и в

области-мишени; анализ связей между фреймами области-источника и области-мишени, который можно трактовать как своеобразный блендинг слотов внутри фрейма. При этом, поскольку вид и особенности дискурса влияют на тип метафоризации, необходимо моделировать метафору исходя из существенных свойств самих метафор, а не применять уже готовую, более абстрактную модель к анализу метафоры в новом дискурсе.

В данном случае ставится только часть указанной глобальной цели – моделирования метафоры. **Предметом** исследования является моделирование области-источника вокальной метафоры, включая межфреймовые связи внутри области-источника.

3. Материал и методы исследования

Исследование вокальных метафор в вокально-педагогическом дискурсе проводилось в период 2013–2015 гг. В качестве информантов были привлечены четыре преподавателя вокала кафедры сольного пения Пермского института культуры (все информанты – женщины, возраст варьируется от 55 до 75 лет).

Для сбора материала исследования применялся **метод открытого наблюдения**, т. е. запись языкового материала в его функционировании, при котором происходит прямое наблюдение за интересующими исследователя аспектами деятельности информанта с обозначением цели наблюдения и с применением технических средств [Комарова 2012: 292].

В занятии по сольному пению участвуют три человека: преподаватель, студент и концертмейстер. Занятие длится 45 мин., обычно состоит из распевания учащегося (подготовки голосового аппарата к работе) и пения вокальных произведений. Поскольку обучение пению – процесс индивидуальный, время занятия может различаться в зависимости от качества деятельности студента, уровня его подготовки, его физического и эмоционального состояния и пр. Стоит заметить, что занятия по сольному пению, записанные в рамках исследования, велись со студентами первого и второго курсов. Начальный уровень подготовленности студентов способствовал высокой концентрации вокальных метафор в речи преподавателей, поскольку перед преподавателем стояла задача наиболее полно и в доступной форме объяснить студенту механизм правильного пения и добиться от него правильной вокализации. Речь преподавателей отличалась высокой насыщенностью метафорами. Приведем пример речи преподавателя вокала на уроке (метафорические выражения выделены в тексте жирным шрифтом):

Вот не теряй эту волну // Во лбу хрустальная звёздочка // Дыши в неё // Я что показы-

ваю? // Куда звук должен уходить? // А у тебя нарушается вот эта линия // Спела хорошо потом опять бах / и в рот выбросила // Потому что высота купола у тебя мигрирует // Нельзя этого делать // Давай // Закрой рот // Губки закрой // О-о держи на зубках // Не открывай рот // Ну это уж совсем упал купол // Вот у тебя где // Вот весь звук у тебя идёт сюда // Вот он образуется / да? // И вот эта вот у тебя струечка сколько хочешь там до космоса / можешь там вокруг Земли обернуться / но важно чтоб у тебя линия вся да / натяжение шло вверх // Поняла? //

(Нетрудно заметить, что непосвященному человеку, не знакомому с данной метафорической системой, данный текст почти непонятен.)

В результате исследования было получено и проанализировано 8 аудиозаписей занятий по сольному пению (два урока каждого информанта) средней продолжительностью 51 мин. (при анализе производилась расшифровка только речи преподавателей).

В речи преподавателей вокала с помощью **семантического анализа текста**, а также **контекстного анализа** были выделены все метафоры, имеющие отношение к процессу пения (голосообразования). Общее число метафор, употребленных преподавателями вокала в записанных уроках, составило 517 единиц – отдельных слов и метафорических выражений. При этом в вокально-педагогическом дискурсе гораздо чаще используется целых неразделимых метафорических выражений, чем отдельных слов (из 517 единиц только 5 представляли собой отдельные слова).

4. Моделирование области-источника вокальной метафоры

Структура вокальной метафоры анализировалась методом фреймовой семантики, который позволяет моделировать «принципы структурирования и отражения определенной части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц, способы активации общих знаний, обеспечивающих понимание в процессе языковой коммуникации» [Болдырев 2004: 29].

В настоящем исследовании мы остановимся только на моделировании области-источника и области-мишени вокальной метафоры, не затрагивая вопроса о связи между ними.

Модель строится на основании выделения фреймов каждой области и выделения слотов каждого фрейма. Таким образом, мы получаем иерархически организованную структуру области-источника и области-мишени. Особенностью анализа фреймов и слотов в данном случае является то, что их набор определяется «от материа-

ла» и деятельностного контекста (т. е. в зависимости от самих метафорических выражений, использованных в дискурсе, и анализа действий, производимых певцом), а не устанавливается исследователем априорно. Такая модель, на наш взгляд, лучше отражает реальные когнитивные процессы, происходящие в сознании говорящего. При определении набора слотов вокальных метафор мы опирались на данные идеографических словарей [Большой толковый словарь русских глаголов 2007; Большой толковый словарь русских существительных 2005; Словарь-тезаурус русских прилагательных 2011].

Применение статистического анализа фреймов и слотов областей-источника и областей-мишени метафорических выражений, использованных в вокально-педагогическом дискурсе, позволяет, к тому же установить ранги фреймов и слотов в структуре областей. Кроме того, в рамках области-источника или области-мишени зачастую в одном метафорическом выражении задействуются одновременно несколько (как минимум два) разных фреймов, представленных несколькими слотами. Поэтому моделирование метафорических областей должно включать и анализ взаимодействия фреймов в рамках одной области (включая взаимодействие слотов разных фреймов). Именно типичные сочетания слотов можно, вероятно, рассматривать как блендинг как в границах области-источника, так и в границах области-мишени.

Таким образом, модель области-источника включает следующие компоненты:

- 1) фреймы области-источника, каждый из которых понимается как фрагмент, структурирующий соответствующую понятийную сферу;
- 2) ранжирование фреймов внутри области-источника в зависимости от их типичности для вида дискурса;
- 3) слоты как подчиненные элементы фреймов области-источника;
- 4) ранжирование слотов внутри фреймов в зависимости от их типичности для вида дискурса;
- 5) взаимодействие слотов разных фреймов в рамках области-источника.

В результате анализа области-источника вокальной метафоры были выявлены два фрейма – фрейм-1 «ДЕЙСТВИЕ» и фрейм-2 «ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ».

Фрейм-1 «ДЕЙСТВИЕ» представлен большим количеством глаголов различных семантических сфер. Данный фрейм позволяет понять, действие какого рода необходимо совершить певцу для правильной вокализации. Фрейм-2 «ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ» представлен названиями органов и мест вокализации, физиологических составляющих пения и даже человека, которые определя-

ются как объекты, отделенные от субъекта, находящиеся вне его. Так, например, *отпускать губы, задействовать голову, погружать дыхание, освобождаться от шеи, приближать точку, выстраивать вертикалочку, петь от лба* и др. – действия, способствующие правильному пению. Такие действия, как *зажимать глоточку, распяливать штучечку, держать, купол мигрирует* и др., затрудняют работу певческого аппарата, мешают пению.

Область-источник вокальной метафоры отражает в первую очередь отдельное действие (знаковое певцу, наглядно представляемое) над определенным объектом (связанным с пением), что подчиняет фрейм-2 «ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ» фрейму-1 «ДЕЙСТВИЕ».

4.1. Анализ слотов фрейма-1 «ДЕЙСТВИЕ» области-источника

Фрейм-1 «ДЕЙСТВИЕ» области-источника включает следующие слоты: «физическое воздействие», «функциональное состояние», «движение», «физиологическое действие», «помещение», «перемещение», «звучание», «созидательная деятельность», «социальная деятельность», «владение», «интеллектуальная деятельность».

Слот «физическое воздействие», направленное на объект, представлен следующими глаголами: *выпускать, отпускать, закрывать, открывать, задействовать, погружать, садить, зажимать, распяливать, оседать, зажиматься, держать* и пр. Данный слот дает возможность осмыслить пение как процесс, включающий элементы, на которые можно воздействовать физически. Например, *погружай дыхание* – метафора, описывающая необходимость нижнебрюшного типа дыхания, который обеспечивается пониженным положением диафрагмы при пении.

Слот «функциональное состояние» – достижение состояния внутри субъекта – позволяет осмыслить пение как постоянную смену состояний процесса и элементов его системы (напряжения и освобождения определенных областей вокального аппарата и органов). Этот слот выражен следующими глаголами: *напрягать, освобождать*. Пение может быть представлено как функциональное – душевное и физическое – состояние человека, определяемое постоянной перестройкой под текущие задачи ситуации. Например, *освободи затылок* – метафора, описывающая растяжение небных областей при расслаблении мышц глотки, что способствует объемному звучанию голоса.

Слот «движение» выражен такими действиями, как *идти (идёт, шло, ушла, пошла, уходит), падать, шагать, мигрировать, обернуться*. Слот «движение» позволяет осмыслять пение как не-

прерывный процесс развития, в котором нет места статичности. Например, *высота купола мигрирует* – вокальная метафора, описывающая недостаточное натяжение мягкого нёба, т. е. постоянное изменение объема нёбных областей.

Слот «физиологическое действие» соотносит пение с физиологическими процессами, присущими каждому человеку, и включает действия *слышать, дышать*. Например, *дыши в лоб* – метафора, описывающая необходимость активизации лобных и носовых резонаторов.

Слот «помещение» представляет пение как действие с помещением элементов в определенное место. Включает глаголы *собирать, зачерпывать, нанизывать, держать*. *Собери ноточку* – метафора, описывающая необходимость фокусировки воздушного потока при помощи уменьшения ротового отверстия и округлением губ.

Слот «перемещение» представлен действиями: *бросать, приближать, заваливаться, выбрасывать*. Данный слот позволяет осмыслить пение как процесс с составляющими его элементами, которые можно отдалять или приближать в зависимости от определенного места вокализации. *Звук заваливается* – метафора, описывающая недостаточное использование головных резонаторов и чрезмерную активизацию мышц глотки.

Слот «социальная деятельность»³ представляет пение как социальную деятельность, объединяющую в себе цели деятеля (вокалиста), образующие направляющий источник активности, и ориентацию на других (в данном случае – элементы вокальной системы). Например, *стремиться за нотой* – метафора, описывающая поднятие диафрагмы при восходящем движении ме-

лодии, когда требуется обратное действие. Характерно, что элементы системы также могут каким-либо образом относиться к вокалисту: *дыхание позволит, воздух попросится*.

Слот «созидательная деятельность» позволяет осмыслить пение как выстраивание системы. Этот слот представлен действиями *строить, выстраивать*. *Выстраивать звук* – метафора, описывающая оптимальную работу элементов певческого аппарата для обеспечения высокого качества звучания.

Слот «звучание» связан с основным действием вокалиста – пением и выражен основным действием – *петь*. Например, метафора *не пой губами* означает недостаточное натяжение мягкого нёба и зажим уголков губ.

Слот «владение» представляет необходимые певческие ощущения, которые могут быть потеряны. Например, *наконечник потеряли* – недостаточная фокусировка звучания.

Слот «интеллектуальная деятельность» дает возможность осмыслить пение как процесс, в рамках которого происходит умственная деятельность, связанная с использованием человеком способностей рационального познания. Однако поскольку пение основывается на чувственном познании, слот «интеллектуальная деятельность» не является характерным. Выражен одним действием – *следить*. Метафора *следи за потоком* обозначает дозированную подачу воздуха, обеспечиваемую косыми мышцами живота и работой диафрагмы.

Когнитивная значимость каждого слота различна и зависит от частоты его реализации в структуре вокальной метафоры (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Частота слотов в структуре фрейма-1 «ДЕЙСТВИЕ» области-источника вокальной метафоры, %
Frequency of slots in the structure of frame-1 “OPERATION” of the vocal metaphor source-domain, %

Слоты фрейма «ДЕЙСТВИЕ»	Частота слота
Физическое воздействие	35,8
Функциональное состояние	13,4
Движение	10,4
Физиологическое действие	9,7
Помещение	9,0
Перемещение	8,2
Социальная деятельность	5,2
Созидательная деятельность	3,0
Звучание	2,2
Интеллектуальная деятельность	1,5
Владение	1,5

Как видно из табл. 1, ядро фрейма-1 «ДЕЙСТВИЕ» составляет слот «физическое воздействие» (35,8 %). К средней зоне относятся слоты «функциональное состояние» (13,4 %), «движение» (10,4 %), «физиологическое действие» (9,7 %), «помещение» (9 %), «перемещение» (8,2 %).

Слоты «социальная деятельность» (5,2 %), «созидательная деятельность» (3 %), «звучание» (2,2 %), «интеллектуальная деятельность» (1,5 %), «владение» (1,5 %) представляют периферию фрейма-1 «ДЕЙСТВИЕ» области-источника вокальной метафоры.

Высокая частотность слота «физическое воздействие» показывает, что на первых этапах постановки голоса педагогу требуется «воздействовать» на определенные органы, координировать их работу. Слот «функциональное состояние», включающий обозначения смены состояния, отражает пение как процесс, при котором необходимы смена состояний, взаимообусловленная работа элементов вокального аппарата. Слот «движение» указывает на направленность пения, отсутствие статики. Таким образом, наиболее значимые в структуре фрейма-1 «ДЕЙСТВИЕ» слоты «физическое воздействие» (35,8 %), «функциональное состояние» (13,4 %), «движение» (10,4 %) характеризуют пение как конкретное действие органом вокализации и взаимосвязь элементов вокального аппарата с направленностью певческих действий.

4.2. Анализ слотов фрейма-2 «ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ» области-источника

Фрейм-2 «ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ» области-источника включает следующие слоты: части тела, состояние, место, звук, форма, фокус, направление, человек.

Слот «части тела» позволяет выделить орган или часть тела из системы всего организма и определить его как самостоятельный объект. Слот «части тела» выделяет части тела и органы вокализации как самостоятельные элементы: *зубы, рот, лоб, гортань, шея, зубы, мясо*. Например, метафора *гортань начинает мышцы подтягивать* выделяет гортань как независимый объект и обозначает недостаточное растяжение небных областей, которое влечет к образованию неприятных ощущений в области гортани.

Слот «состояние» выражает особый способ осмысления пения как состояния, включающего дыхание и натяжение небных областей. Данный слот включает значение процессуальности и содержит такие лексемы, как *равновесие, выравнивание, натяжение, растяжение*. Например, метафоры *натяжение идет вверх; обрезается натяжение; не опускай натяжение; идет рас-*

тяжение выражают необходимое условие пения – постоянное натяжение небных областей.

Слот «место» позволяет говорить об определенном «месте» пения, наделенном пространственными характеристиками. Вокализация связана не только с определенным органом, но и с местом, где локализируются ощущения. *Упал купол* – метафора, описывающая растяжение мягкого нёба и расширение глотки.

Особенность слота «звук» состоит в том, что представляет собой целостный, нераздельный образ, своего рода гештальт. В этом смысле звук воспринимается как то, что не терпит вмешательства со стороны певца (например, *не давать на звук*). *Выбросить в рот звук* – это звукоизвлечение с использованием мышц глотки вместо мягкого нёба, при котором голос звучит «заглушенно», «сзади». С одной стороны, глагол выбросить предполагает «выведение» звука изо рта, с другой стороны, в данной метафоре этот глагол означает чрезмерное удержание звука внутри себя.

Слот «форма» позволяет представлять составляющие элементы пения как то, что обладает формой. Обратимся к метафорам, базирующимся на слоте «форма»: *купол* – форма натяжения мягкого нёба, то же, что и *перевернутая чашечка; вертикалечка, линия* или *стрелочка* – это метафоры, описывающие соединение дыхательной активности, порождаемой мышцами брюшной области, с мягким нёбом, соединение *опоры дыхания* и *купола; штучечка, точечка, наконечник* – форма фокусировки звука.

Слот «фокус» – это форма, представляющая собой точку, но обладающая направленностью и целью. Фокусирование при пении – сужение выхода воздуха посредством задействования головных резонаторов и лабиализации рта. Слот «фокус» позволяет осмыслить пение как целенаправленный процесс доведения воздуха до определенной точки, описывающий направление и место подачи воздуха, связанные с резонированием голоса певца в носовой и придаточных полостях. Приведем метафоры со слотом «фокус»: *фонарик включили; во лбу звезда горит; хрустальная звёздочка*.

Слот «человек» предполагает взгляд на человека не изнутри, а снаружи, т. е. представление человека как такового. Метафоры *мужчина в соку; один проект* – это характеристика физических данных вокалиста, т. е. то, что преподаватель поменять не в силах.

Когнитивная значимость каждого слота фрейма-2 «ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ» зависит от частоты реализации его в структуре вокальной метафоры (см. табл. 2).

**Частота слотов в структуре фрейма-2 «ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ»
области-источника вокальной метафоры, %**
**Frequency of slots in the structure of frame-2 “OBJECT OF OPERATION”
of the vocal metaphor source-domain, %**

Слоты фрейма «ДЕЙСТВИЕ»	Частота слота
Части тела	24,8
Состояние	22,5
Фокус	13,9
Место	12,4
Звук	11,6
Форма	10,9
Человек	3,9

Ранжирование слотов внутри фрейма-2 «ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ» области-источника привело к следующим результатам. Наиболее важные элементы структурирования знания – слоты «части тела» (24,8 %) и «состояние» (22,5 %). Средняя зона – слоты «фокус» (13,9 %), «место» (12,4 %), «звук» (11,6 %), «форма» (10,9 %). Периферию фрейма представляет слот «человек» (3,9 %).

Слот «части тела» наиболее значим в структуре фрейма, поскольку на начальных этапах постановки голоса необходимо обеспечить верную работу определенного элемента певческого аппарата. Слот «состояние» отражает важную особенность пения – наличие певческого состояния,

включающего дозированный выход воздуха, увеличение объема органов вокализации, резонаторные ощущения.

4.3. Соотношение слотов области-источника вокальной метафоры

Для характеристики области-источника необходимо определить соотношение слотов фрейма-1 «ДЕЙСТВИЕ» со слотами фрейма-2 области-источника «ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ». Из теоретически возможных 77 сочетаний слотов фрейма-1 и фрейма-2 в метафорах вокально-педагогического дискурса было реализовано 42 (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

**Сочетания слотов фрейма-1 «ДЕЙСТВИЕ» и фрейма-2
«ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ», %**
**Combinations of slots in frame-1 “OPERATION” and slots in frame-2
“OBJECT OF OPERATION”, %**

Слоты фрейма-1	Слоты фрейма-2						
	Части тела	Состояние	Фокус	Место	Звук	Форма	Человек
Физическое воздействие	11,3	9,8	3,8	4,5	3,0	3,8	–
Функциональное состояние	6,0	–	0,8	5,3	1,5	–	2,3
Движение	1,5	4,5	1,5	0,8	1,5	–	–
Физиологическое действие	3,0	0,8	2,3	0,8	2,3	–	0,8
Помещение	2,3	0,8	2,3	0,8	1,5	1,5	–
Перемещение	1,5	1,5	0,8	–	2,3	–	–
Социальная деятельность	0,8	2,3	1,5	–	0,8	–	–
Сознательная деятельность	3,0	–	–	–	–	–	–
Звучание	1,5	0,8	–	–	–	–	–
Интеллектуальная деятельность	–	0,8	0,8	–	–	–	–
Владение	–	–	1,5	–	–	–	–

Как видно из табл. 3, самые частотные сочетания слотов области-источника вокальной метафоры следующие:

- «Физическое воздействие» – «части тела» (11,3 %) – сочетание этих слотов позволяет рассматривать пение как совокупность само-

стоятельных элементов системы, на которые можно воздействовать физически. Например, *не тормози зубами* – метафора, описывающая такие действия вокалиста, когда чрезмерная артикуляция согласных нарушает циркуляцию воздуха. Данное соотношение наиболее

частотно, поскольку для вокалиста на первых этапах постановки голоса необходимо «настроить» певческий аппарат, т. е. обеспечить оптимальную работу каждого элемента.

- **«Физическое воздействие» – «состояние»** (9,8 %) – сочетание данных слотов показывает, что пение представляется как определенное состояние певческих органов, на которое можно воздействовать физически. Например, *сядь на дыхание* – метафора, описывающая действие певца по активизации нижних мышц живота для сохранения низкого положения диафрагмы. Данное соотношение слотов весьма значимо, поскольку в процессе постановки голоса необходимо, чтобы не только правильно работал каждый элемент системы, но и общее состояние растяжения нёбных областей и активизация дыхания были оптимальными.
- **«Функциональное состояние» – «части тела»** (6 %) представляет пение как совокупность объектов вокализации, от которых требуется изменение состояния. Например, *шея вращать должна* – метафора, характеризующая пение с растяжением нёбных областей, чему препятствуют несвободные мышцы шеи. Поэтому необходимо представить себе «отсутствие шеи», что способствует расслаблению ее мышц.
- **«Функциональное состояние» – «место»** (5,3 %) представляет пение как «место» вокализации с постоянной сменой состояний. Например, *насыщай голову* – метафора, характеризующая достаточное наполнение воздухом нёбных областей.
- **«Движение» – «состояние»** (4,5 %) – пение как особое певческое состояние органов и всей системы, при котором действие не должно прекращаться или прерываться. *Идет зажим* – метафора, описывающая состояние напряжения мышцы или органа.
- **«Физическое воздействие» – «место»** (4,5 %) – пение как «место» вокализации, на которое можно воздействовать физически. *Глотку раскрой и открываться изнутри* – метафоры, описывающие отведение нёбных областей назад для увеличения пространства ротовой полости.

Представляется логичным, что отсутствуют такие соотношения, как **«функциональное состояние» – «состояние»**, **«звучание» – «звук»**, **«перемещение» – «место»**: это можно объяснить тем, что часть значения слотов фрейма-2 («состояние», «звук», «место») уже заложена в значении слотов фрейма-1 («функциональное состояние», «звучание», «перемещение»). Слот «пе-

ремещение» не соотносится также и со слотом **«форма»**, т. к. «форма» вокализации не может менять своего положения: «форма» определяется физиологическим строением организма – это область мягкого нёба, носовые и придаточные полости (резонаторы), положение рта и губ (лабиализация, округление).

Таким образом, мы видим, что в сферистичности происходит своеобразный блендинг слотов, однако имеются ограничения на сочетаемость слотов при блендинге, поскольку определенные концептуальные области не могут сочетаться. Подобные ограничения мы наблюдаем в сфере семантики, например, когда накладываются ограничения на сочетания слов в словосочетании.

5. Выводы

Вокально-педагогический дискурс отличает широкое использование метафор, являющихся эффективным средством описания физиологических действий, ощущений вокалиста в процессе постановки голоса. Вокальная метафора представляет собой метафорическую фразу, развернутую структуру, покрывающую множество семантических областей. Поэтому в структуре области-источника вокальной метафоры выделяются как минимум два фрейма: фрейм-1 «ДЕЙСТВИЕ» и фрейм-2 «ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ». Фрейм-1 «ДЕЙСТВИЕ» позволяет понять, действие какого рода необходимо совершить певцу для правильной вокализации. Фрейм-2 «ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ» представлен названиями органов и мест вокализации, физиологических составляющих пения. Каждый из фреймов подразделяется на слоты как конечные элементы, далее осуществляется ранжирование слотов внутри фреймов в зависимости от их типичности для вида дискурса.

Самым типичным в структуре фрейма-1 «ДЕЙСТВИЕ» является «физическое воздействие», которое позволяет осмыслить пение как процесс, включающий элементы, на которые можно воздействовать физически. В структуре фрейма-2 «ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ» самыми значимыми являются слот «части тела», который позволяет выделить орган или часть тела из системы всего организма и определить его как самостоятельный объект, и слот «состояние», который дает представление о пении как состоянии, включающем дыхание и натяжение нёбных областей.

Анализ взаимодействия слотов разных фреймов в рамках области-источника привел к выводу о том, что самое важное взаимодействие «фи-

зическое воздействие» – «части тела» показывает, что на начальных этапах постановки голоса принципиальным является воздействие на определенный орган, чтобы в дальнейшем обеспечить взаимосвязанную работу всего певческого аппарата. Взаимодействие слотов внутри области-источника можно трактовать как блендинг, в результате которого реализуется новое знание о пении. Блендинг происходит между определенными слотами фрейма-1 и фрейма-2, в то время как определенные слоты ввиду ограничений на сочетаемость семантики слотов не могут взаимодействовать.

Перспективой данного исследования является моделирование области-мишени вокальной метафоры, выявление в ее структуре фреймов и слотов. Кроме того, представляется необходимым построение моделей метафоры, основанное на многоярусном иерархическом анализе, учитывающее соотношения слотов как внутри области-источника и внутри области-мишени, так и между фреймами области-источника и области-мишени. Такая модель будет отражать многомерную структуру метафоры и сам механизм метафоризации в определенном типе дискурса (в данном случае – вокально-педагогическом), что позволит моделировать не отдельные метафоры, а собственно метафорическое пространство.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 15-04-00320.

² Употребление термина «метафорическая модель» представляется в данном случае не совсем корректным, поскольку моделируется не метафора как таковая в ее целостности, а только отдельная часть метафоры – область-источник. При этом количественный анализ участия определенных составляющих в области-источнике концептуальной метафоры трактуется как «доля модели» в самой метафоре. Такой подход к моделированию существенно усложняет понимание самого механизма метафоры, поскольку модель становится частью реального механизма, а не иной модели. С нашей точки зрения, корректнее было бы употреблять термины «модель области-источника» и «модель области-мишени» по отношению к структуре отдельных составных частей метафоры, а термин «модель метафоры» (но не термин *sic!* «метафорическая модель», который сам по себе неоднозначен в русском языке) по отношению к структуре метафоры, включая модели области-источника и области-мишени, а также отношения между ними.

³ Глаголы типа *просить, позволять* обычно относятся в социолингвистике к социально маркированным, в значении которых в качестве компонента присутствует указание на равенство или неравенство социальных ролей и статусов коммуникантов [Крысин 2004]. В Большом толковом словаре русских глаголов вместе с глаголами со значением стремления они относятся к группе «социальные действия».

Список литературы

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2002. 200 с.

Аникеев Ф. И., Аникеева З. И. Методические указания по технике вокала / Перм. муз. училище. Пермь, 1976. 121 с.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.

Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия Академии наук. Сер. Литература и язык. 2004. Т. 63, № 1. С. 33–43.

Бессарабова Н. Д. Изобразительные и выразительные возможности метафор в газетно-публицистической речи: дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 225 с.

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 25–36.

Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 576 с.

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.

Будаев Э. В. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Уральский педагогический университет, 2006. 208 с.

Дальская В. А. Вокальный аппарат певца как функциональная система // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9. С. 50–53.

Дмитриев Л. Б. Основы вокальной методики. М.: Музыка, 1969. 144 с.

Заседателева М. Г. Репрезентация концепта 'компетенция' в методическом дискурсе: онтологический и тезаурусный аспекты: на материале немецкого и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 22 с.

Игнатьева А. С. Метафорика научно-публицистического медиатекста online формата: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 220 с.

Исаева Е. В. Модели метафоры в дискурсе компьютерной безопасности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013. 20 с.

Кабаченко Е. Г. Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 240 с.

Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. № 6. С. 134–135.

Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки слав. культуры, 2004. 888 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки слав. культуры, 2004. 792 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.

Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 291–294.

Мишланова С. Л., Уткина Т. И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты) / Пермский гос. университет. Пермь, 2008. 428 с.

Мишланова С. Л. Метафорическое моделирование в научно-популярном медицинском дискурсе // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: междунар. сб. науч. тр. М.; Пятигорск: Пятигорский гос. университет, 2009. Вып. 9. С. 469–474.

Полякова С. В. Метафорическое моделирование в русском и американском медицинском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 179 с.

Словарь-тезаурус русских прилагательных: Идеографическое описание / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: Проспект, 2011. 226 с.

Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173–204.

Уткина Т. И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 26 с.

Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секерин. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 340–369.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Fauconnier G. Generalized integration networks // *New Directions in Cognitive Linguistics* / V. Evans, S. Pourcel (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. P. 147–160.

Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 219 p.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // *Cognitive Science*. 1998. Vol. 22, № 2. P. 133–187.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Projection and Middle Spaces: Cognitive Science Technical Report. University of California, San Diego, 1994. 39 p.

Lakoff G. The Conceptual Self in Context Text // Lakoff G. A Conference of the Mellon Colloquium on the Self at the Emory Cognition Project Emory University. Atlanta, Georgia May, 1992. P. 1–2.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago Press, 1980. 231 p.

Minsky M. A Framework for Representing Knowledge // MIT-AI Laboratory Memo. 306. June, 1974. P. 111–142.

Sullivan K. Frames and Constructions in Metaphoric Language. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins B. V., 2013. 184 p.

References

Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. *Meditinskiy diskurs: teoreticheskie osnovy i printsipy analiza* [Medical Discourse: Theoretical Foundations and

Principles of Analysis]. Perm, Perm State University Press, 2002. 200 p. (In Russ.)

Anikeev F. I., Anikeeva Z. I. *Metodicheskie ukazaniya po tekhnike vokala* [Methodical Instructions on Vocal Technique]. Perm, Perm Music College Press, 1976. 121 p. (In Russ.)

Arutyunova N. D. *Metafora i diskurs* [Metaphor and Discourse]. *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 5–32. (In Russ.)

Baranov A. N. *Metaforicheskie modeli kak diskursivnye praktiki* [Metaphorical Models as Discursive Practices]. *Izv. Akademii nauk. Ser. lit. i yaz.* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series: Literature and Language], 2004, vol. 63, issue 1, pp. 33–43. (In Russ.)

Bessarabova N. D. *Izobrazitel'nye i vyrazitel'nye vozmozhnosti metafor v gazetno-publitsisticheskoy rechi*. Diss. kand. filol. nauk [Figurative and Expressive Possibilities of Metaphors in Newspaper Public Speech. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1985. 225 p. (In Russ.)

Boldyrev N. N. *Kontseptual'noe prostranstvo kognitivnoy lingvistiki* [The Conceptual Space of Cognitive Linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2004, issue 1, pp. 18–36. (In Russ.)

Boldyrev N. N. *Kontsept i znachenie slova* [Concept and Meaning of the Word]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological Problems of Cognitive Linguistics]. Ed. by I. A. Sternin. Voronezh, 2001, pp. 25–36. (In Russ.)

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy. Angliyskie ekvivalenty [Big Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms. English Equivalents]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2007. 576 p. (In Russ.)

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy [Big Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2005. 864 p. (In Russ.)

Budaev E. V. *Metafora v politicheskom interdiskurse* [Metaphor in Political Interdiscourse]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 2006. 208 p. (In Russ.)

Dal'skaya V. A. *Vokal'nyy apparat pevtsa kak funktsional'naya sistema* [Vocal Apparatus of Singer as Functional System]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Cul-

turology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2014, issue 9, pp. 50–53. (In Russ.)

Dmitriev L. B. *Osnovy vokal'noy metodiki* [Basics of Vocal Technique]. Moscow, Muzyka Publ., 1969. 144 p. (In Russ.)

Zasedateleva M. G. *Reprezentatsiya kontsepta 'kompetentsiya' v metodicheskom diskurse: ontologicheskii i tezaurusnyy aspekty: na materiale nemetskogo i russkogo yazykov*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Representation of the concept “competence” in methodological discourse: ontological and thesaurus aspects: on the material of the German and Russian languages. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2011. 22 p. (In Russ.)

Ignat'eva A. S. *Metaforika nauchno-publitsisticheskogo mediateksta online formata*. Diss. kand. filol. nauk [Methaphorics of Scientific Journalistic Media Text in the Online Format. Cand. philol. sci. diss.]. Irkutsk, 2006. 220 p. (In Russ.)

Isaeva E. V. *Modeli metafory v diskurse komp'yuternoy bezopasnosti*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Models of Metaphor in Computer Security Discourse. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2013. 20 p. (In Russ.)

Kabachenko E. G. *Metaforicheskoe modelirovanie bazisnykh kontseptov pedagogicheskogo diskursa*. Diss. kand. filol. nauk [Metaphor Modeling of Pedagogical Discourse Basic Concepts. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2007. 240 p. (In Russ.)

Kobozeva I. M. *Semanticheskie problemy analiza politicheskoy metafory* [Semantic Problems of Political Metaphor Analysis]. *Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya*. [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2001, issue 6, pp. 134–135. (In Russ.)

Komarova Z. I. *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike*. Uchebnoe posobie [Methodology, Method, Methods and Technology of Scientific Research in Linguistics. A textbook]. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 2012. 818 p. (In Russ.)

Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov [Concise dictionary of cognitive terms]. Ed. by E. S. Kubryakova. Moscow, Faculty of Philology of the Moscow State University Press, 1997. 245 p. (In Russ.)

Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [Russian Word, Ours and Theirs: Studies on the Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow, LRC Publishing House, 2004. 888 p. (In Russ.)

Lakoff G. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: chto kategorii yazyka go-voryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind]. Transl. from English by

I. B. Shatunovskiy. Moscow, LRC Publishing House, 2004. 792 p. (In Russ.)

Lakoff G., Dzhonson M. Metaforiy, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live By]. *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 387–415. (In Russ.)

Minskiy M. Ostroumie i logika kollektivnogo besoznatel'nogo [The wisdom and logic of the cognitive unconscious]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka* [The New in Foreign Linguistics. Issue 23. Cognitive aspects of language]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 291–294. (In Russ.)

Mishlanova S. L. *Metafora v nauchno-populyarnom meditsinskom diskurse (semioticheskiy, kognitivno-kommunikativnyy, pragmaticheskiy aspekt)* [Metaphor in Scientific Popular Medical Discourse: Semiotic, Cognitive-Communicate, Pragmatic Aspects]. Ed. by S. L. Mishlanova, T. I. Utkina. Perm, Perm State University Press, 2008. 428 p. (In Russ.)

Mishlanova S. L. *Metaforicheskoe modelirovanie v nauchno-populyarnom meditsinskom diskurse* [Metaphoric Modeling in Scientific-Popular Medical Discourse]. *Aktual'nye problemy kommunikatsii i kul'tury – 9. Mezhdunar. sb. nauch. tr.* [Current problems of communication and culture – 9. International collection of scientific papers]. Moscow, Pyatigorsk, Pyatigorsk State University Press, 2009, pp. 469–475. (In Russ.)

Polyakova S. V. *Metaforicheskoe modelirovanie v russkom i amerikanskom meditsinskom diskurse*. Diss. kand. filol. nauk [Metaphoric Modeling in Russian and American Medical Discourse. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2011. 179 p. (In Russ.)

Slovar'-tezaurus russkikh prilagatel'nykh: Ideograficheskoe opisaniye [Dictionary-Thesaurus of Russian Adjectives: Ideographic Description]. Ed. by L. G. Babenko. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 226 p. (In Russ.)

Teliya V. N. *Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira* [Metaforization and its role in creation of the linguistic worldview]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [Role of the human factor in language: Language and the world picture]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 173–204. (In Russ.)

Utkina T. I. *Metafora v nauchno-populyarnom meditsinskom diskurse (semioticheskiy, kognitivno-*

kommunikativnyy, pragmaticheskiy aspekt). Avtoreferat diss. kand. filol. nauk. [Metaphor in scientific popular medicine discourse. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2006. 26 p. (In Russ.)

Chenki A. *Semantika v kognitivnoy lingvistike* [Semantics in Cognitive Linguistics]. *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: Fundamental'nye napravleniya* [Modern American Linguistics: Fundamental Fields of Study]. Ed. by A. A. Kibrik, I. M. Kobozeva, I. A. Sekerina. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, pp. 340–369. (In Russ.)

Chudinov A. P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 2003. 248 p. (In Russ.)

Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in the Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 2001. 238 p. (In Russ.)

Fauconnier G. Generalized Integration Networks. *New Directions in Cognitive Linguistics*. Ed. by V. Evans, S. Pourcel. Amsterdam, John Benjamins, 2009, pp. 147–160. (In Eng.)

Fauconnier G. *Mappings in Thought and Language*. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. 219 p. (In Eng.)

Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks. *Cognitive science*. 1998, vol. 22, issue 2, pp. 133–187. (In Eng.)

Fauconnier G., Turner M. *Conceptual Projection and Middle Spaces: cognitive science technical report*. San Diego, University of California, 1994. 39 p. (In Eng.)

Lakoff G. The Conceptual Self in Context Text / Lakoff G. *A Conference of the Mellon Colloquium on the Self at the Emory Cognition Project Emory University*. Atlanta, Georgia May, 1992, pp. 1–2. (In Eng.)

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago Press, 1980. 231 p. (In Eng.)

Minsky M. *A Framework for Representing Knowledge*. MIT-AI Laboratory Memo 306. June, 1974, pp. 111–142. (In Eng.)

Sullivan K. *Frames and Constructions in Metaphoric Language*. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins B. V., 2013. 184 p. (In Eng.)

MODELING OF A VOCAL METAPHOR SOURCE-DOMAIN

Leonid V. Pakhomov

Assistant in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. pahomov_l@mail.ru

SPIN-code: 6698-3915

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3587-9089>

ResearcherID: U-4552-2017

Elena V. Erofeeva

Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. elenerofee@gmail.com

SPIN-code: 4653-7454

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6659-6519>

ResearcherID: Q-3940-2017

Submitted 20.12.2017

The paper describes modeling the source domain of a vocal metaphor. A vocal metaphor is a special type of metaphor that describes physiological actions and sensations of a singer during voice training, and is realized in vocal pedagogical discourse. The research material included the speech of four vocal teachers of Perm Institute of Culture at solo singing lessons (8 lessons of an average duration of 51 minutes). All the metaphors related to the process of singing (voice formation) in the speech of the vocal teachers were revealed. The total quantity of 517 units – metaphorical words and expressions – was assembled. The structure of the selected vocal metaphors was analyzed using the frame semantics method. The analysis has shown that vocal metaphors represent a structure covering a lot of semantic areas. The structure of a vocal metaphor source domain includes at least two frames – “OPERATION” and “OBJECT OF OPERATION”. These frames allow us to represent singing as certain vocal operations performed with organs and places of vocalization. Each frame is divided into slots whose ranking within the frame is based on their occurrence frequency in vocal metaphors. The most frequent within the structure of frame-1 “OPERATION” is the slot “physical impact”. Within the structure of frame-2 “OBJECT OF OPERATION”, slots “body parts” and “condition” are the most significant ones. The analysis of the interaction of slots belonging to different frames within the source domain leads to the conclusion that the most important interaction is the one of the “physical impact” – “body parts” type. This proves that at the initial stages of vocal training the influence on a certain organ is the most significant one for ensuring the interrelated operation of the entire singing apparatus. The interaction of slots within the source domain can be interpreted as blending which results in forming new knowledge about singing. Blending occurs between certain slots of frame-1 and frame-2, while other slots cannot interact due to some restrictions of their semantic compatibility.

Key words: metaphor; vocal metaphor; source-domain; structure; modeling; frame; slot; blending.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.111
doi 10.17072/2037-6681-2018-1-69-78

О НАРРАТИВЕ ТОТАЛИТАРИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖУЛИАНА БАРНСА

Ольга Юрьевна Анцыферова

д. филол. н., профессор кафедры англоязычной культуры и литературы
Гуманитарный факультет

Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце
08-110, Польша, г. Седльце, ул. Житня, 39

Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny, Wydział Humanistyczny

Instytut Neofilologii i Badan Interdyscyplinarnych (INiBI)

Ul. Żytnia, 39, 08-110 Siedlce (Polska)

SPIN-код: 8539-4130

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1219-0134>

ResearcherID: U-2528-2017

Статья поступила в редакцию 06.12.2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Анцыферова О. Ю. О нарративе тоталитаризма в творчестве Джулиана Барнса // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 69–78. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-69-78

Please cite this article in English as:

Antsyferova O. Yu. O narrative totalitarianism in the works of Julian Barnes [Totalitarian Narrative in Works of Julian Barnes]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 1, pp. 69–78. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-69-78 (In Russ.)

Изучаются идеологические и эстетические способы деконструкции Джулианом Барнсом нарратива тоталитаризма на материале двух романов. В «Дикобразе» (1992), посвященном падению тоталитарного режима в одной из восточноевропейских стран, проблема тоталитаризма ставится в политическом аспекте, приобретая форму идеологической дуэли с неявным исходом. Романная полифония здесь не отменяет эпической целостности, связанной с четкостью и выверенностью идеологической перспективы, которая выявляется в соположении с идеями Ханны Арендт. Если в «Дикобразе» тема искусства возникает лишь как результат саморефлексивности постмодернистской прозы, то в «Шуме времени» (2016) искусство тематизируется. Используя биографию Шостаковича, автор размышляет о природе искусства и о его судьбах в тоталитарном обществе, о сложности взаимоотношений художника и власти, о границах компромисса с властью и с самим собой. Жанр *biofiction* отмечен нарочитой фрагментарностью, истоки которой обнаруживаются в особенностях самосознания композитора. Внутренняя противоречивость, сложность и разновекторность становятся определяющей причиной повествовательной фрагментированности: нарратив миметически воспроизводит внутреннюю противоречивость самоощущения героя. Тенденции к нарративному и онтологическому плюрализму в «Шуме времени» противостоит тенденция к художественному синтезу. Для симфонического звучания романа важна система лейтмотивов, создающих романную гармонию. Устойчивая структурная симметрия романа в сочетании с пульсирующим, ассоциативным нарративом придает «Шуму времени» музыкальность. В обоих рассмотренных романах монологическая сущность тоталитаризма расшатывается посредством как нарративной полифонии, так и структурной фрагментарности.

Ключевые слова: тоталитаризм; нарратив; Джулиан Барнс; «Дикобраз»; «Шум времени»; фрагментация; художественная целостность.

Последняя из написанных Джулианом Барнсом книг «Шум времени» (*The Noise of Time*, 2016) уже заслужила широкий читательский успех и собрала урожай многочисленных рецензий. В этой книге писатель обращается к жизни великого советского композитора Дмитрия Шостаковича; однако она оказывается не просто очередным биографическим романом (biofiction) – образцом жанра, приобретшего невероятную популярность в последние десятилетия и далеко не нового для творчества Барнса (достаточно вспомнить романы «Попугай Флобера» (*Flaubert's Parrot*, 1984) и «Артур и Джордж» (*Arthur & George*, 2005)). Рецензенты порой упрекают «Шум времени» в том, что книга не содержит ничего ранее неизвестного о жизни Шостаковича, а ее автора – в том, что тот решил воспользоваться интересом, вспыхнувшим на Западе к жизни советского композитора и инспирированным, в известной степени, публикацией книги Соломона Волкова «Свидетельство» (1979) (англ. перевод – *Testimony*), бестселлера, вышедшего с подзаголовком *The Memoirs of Dmitri Shostakovich as Related to and Edited by Solomon Volkov*, и последующей полемикой о степени ее достоверности, породившей так называемые “Shostakovich’s Wars” [Saval 2016; Taruskin 2016]. Думается, однако, что роман о советском композиторе следует рассматривать не только в биографическом контексте, но и в связи с идейно-художественными поисками самого Барнса. На наш взгляд, «Шум времени» становится для автора поводом поразмышлять о природе искусства и о его судьбах в тоталитарном обществе, о сложности взаимоотношений художника и власти, о границах компромисса с властью и с самим собой. В данной статье рассматривается своеобразие нарративного строя «Шума времени» в соположении с еще одним, более ранним, романом Барнса, также посвященным восточноевропейскому тоталитарному режиму, – «Дикобразом» (*Porcupine*, 1991).

Вариативность уже давно стала фирменным знаком прозы Барнса – и в тематическом, и в эстетическом планах. Называя писателя «хамелеоном английской прозы», имеют в виду, прежде всего, неожиданность и непредсказуемость его произведений, каждое из которых становится сюрпризом для читателей. Хорошо сказал об этом американский писатель и друг Барнса Джей Макиннерни: «Многие романисты заняты тем, что производят подобие франшизы и пишут одну за другой похожие книги. Поэтому можно говорить о “романе Джин Рис” или о “романе Ивлина Во”. В работе Джулиана мне нравится то, что он, подобно антрепренеру, каждый раз начинает с создания новой труппы. Он не стремится к испол-

зованию узнаваемого стиля, чтобы каждое его предложение могло служить творческим автором. Джулиан растворяется в своих работах. Вместе с тем он всегда словно прячется где-то рядом. Он заново изобретает колесо, и я с неизменным интересом жду: какой формы оно окажется на это раз» [цит. по: Stout 1992]. Вариативность является не только неотъемлемым свойством литературной манеры Барнса, но и его идеологической авторской установкой, что было отмечено у нас в стране уже во время одного из первых круглых столов, ему посвященных: «У Барнса не бывает однозначных выводов и оценок, только предположения» [Табак 2002].

Тем не менее при всем разнообразии творческой палитры писателя можно говорить об идейно-тематических доминантах его прозы, одна из которых видится в интересе к проблемам идеологии тоталитарных обществ. Поэтологической же константой может считаться пристрастие Барнса к воспроизведению и соположению различных повествовательных и идеологических голосов.

Родившийся в 1946 г., писатель неоднократно называл себя «дитя холодной войны», что позволяет обнаружить в разделении послевоенной Европы на два лагеря и их идеологическом противостоянии один из определяющих факторов формирования Барнса-художника (наряду с его столь же открыто признаваемой любовью к французской литературе и культуре). Он не понаслышке знаком с реалиями социализма: совершив еще в 1965 г. поездку по Восточной Европе, включая Советский Союз, Барнс продолжал посещать страны Варшавского блока в последующие десятилетия. Ему довелось оказаться в Болгарии накануне падения режима Тодора Живкова, что и снабдило его материалом для романа «Дикобраз».

В одном из интервью Джулиан Барнс рассказывал о том, как создавался этот роман: «Как, в общем-то, любой восприимчивый человек, я с большим интересом следил за развитием политической истории Восточной Европы. В 1989 году я впервые побывал в Болгарии, к тому времени посетив, по крайней мере, по разу, все восточноевропейские страны. Тогда в Болгарии как раз сместили Живкова, и я стал свидетелем наступивших в стране беспорядков и экономического хаоса. Вернувшись домой, я написал пару очерков о поездке. А спустя еще полгода проснулся посреди ночи и вдруг задал себе классический вопрос: “А что, если?..” А что, если коммунистический лидер предстанет перед судом, что, если вместо того, чтобы спастись бегством или притворяться умирающим от рака, он решит защи-

щаться перед обвинителями? Так родился замысел этой книги» [цит. по: Романова 2002].

Задумывавшийся, как мы можем заключить, в жанре «альтернативной истории», роман построен как диалог, как идеологическая дуэль с неочевидным итогом между бывшим диктатором, ныне подсудимым Стойко Петкановым, и его общественным обвинителем прокурором Петром Солинским. Критики давно уже обратили внимание на своеобразную комплементарность антагонистов, подобных двум сторонам одной монеты, что выражается, в частности, в реверсивности их инициалов. Рецензенты также обнаруживают идейно-художественные истоки этого романа Барнса в «Слепящей тьме» (1940) Артура Кестлера [Scammell 1993] и в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского [Duplain 1992].

Основной интерес в этом романе представляет мощно написанный образ свергнутого диктатора, его непоколебимая уверенность в себе и непробиваемая демагогия: «Меня предали суду. Меня обвиняют в том, что я принес своей стране мир, процветание и международный авторитет. Меня обвиняют в том, что я уничтожил фашизм, ликвидировал безработицу, строил школы, больницы и гидростанции. Меня обвиняют в том, что я был социалистом и коммунистом. Виноват, товарищи, виновен по всем пунктам» [Барнс 2013: 165], – разглагольствует в зале суда Стойко Петканов, профессионально оперируя тем, в чем Ханна Арендт видела одну из атрибутивных особенностей тоталитарного общественного сознания, – «насильственно-принудительной логичностью» [Арендт 1996: 613], способствующей конструированию идеологической основы всякого тоталитаризма – «лживого мира непротиворечивости» [там же: 420]. Вращенный на тирании логичности, тоталитарный лидер умело жонглирует силлогизмами с ложным основанием.

Столь же изощренно убедительно звучит одна из заключительных тирад Петканова, обращенная лично к Солинскому: «Вы от меня не отделаетесь. Этот мелодраматический процесс не значит ровно ничего. А если вы меня убьете, это тоже ничего не значит. И ничего не значит ваша ложь о том, что народ не любил меня, а лишь ненавидел и боялся. Вы от меня не отделаетесь» [Барнс 2013: 185]. И подтверждением неистребимой народной любви к диктатору служит зарисовка, завершающая роман: пожилая, плохо одетая женщина под проливным дождем стоит перед опустевшим Мавзолеем Первого Вождя с маленьким портретом Ленина в руках, невзирая на насмешливые вопросы и оскорбительные реплики случайных прохожих.

Относительное бессилие Солинского развенчать бывшего диктатора связывается в романе с кардинальными переменами в психологии политических лидеров XX в., требующих нового аналитического инструментария: «Характер. Наверное, это и было его [Солинского] ошибкой, его, вот именно, буржуазно-либеральным заблуждением. Наивная надежда “прояснить” Петканова. Упрямое дурацкое заблуждение, что люди пользуются данной им властью по-разному, в зависимости от своих характеров, и поэтому изучение характера очень важное и полезное дело. Когда-то это действительно было верно... Но с тех пор многое изменилось. <...> Мы вступили в эру, в которой, отталкиваясь от понятия “характер”, можно легко запутаться. Характер заменило “ego”, и осуществление власти сменилось психопатической жадностью власти, стремлением удерживать ее любыми способами» [там же: 145–146].

В связи с этими размышлениями хотелось бы подчеркнуть два момента – социологический и эстетический, каждый из которых равно важен для интерпретации нарратива тоталитаризма у Джулиана Барнса. В плане социологии обратимся к одному из тезисов Ханны Арендт, писавшей о том, что за политикой тоталитарных правительств в XX в. всегда стояло «новое и беспрецедентное представление о реальности», основанное на своеобразном «идеализме», т. е. «непоколебимой вере в идеологический вымышленный мир» [Арендт 1996: 543]. Это «новое представление о реальности», это тотальное идеологическое конструирование реальности закономерным образом приводит героя Барнса (а его нарративная перспектива в данном случае скорее всего совпадает с идеологической позицией автора) к размышлениям о новой структуре личности вождей и, в равной степени, о поисках новых способов репрезентации человеческого характера в литературе.

В духе столь характерной для Барнса (и постмодернизма в целом) литературной саморефлексии размышления прокурора Солинского очевидным образом перекликаются с трансформациями романного жанра во второй трети двадцатого века и с декларируемым отказом от категории «характер» как устаревшей и присущей лишь «буржуазным» романам, созданным в эпоху «критического реализма». Однако исчезновение характера, пожалуй, оказывается иллюзией (будь то в литературе или в рассуждениях психологизирующего обвинителя): «Он [Солинский] снова принимался выискивать “характер”, тот старомодный, понятный характер. Словно сам закон от него требовал установить причины и следствия, разумные мотивы, повлекшие за собой поступки; судебный зал буквально отказы-

вался принимать какую-нибудь неисправность в железной последовательности событий» [Барнс 2013: 146–147].

Можно ли видеть в подобных «либерально-буржуазных» колебаниях прокурора причину его морального бессилия перед подсудимым? Вопрос остается открытым. Несомненно здесь другое: четкий вектор повествования, направленный на то, чтобы «установить причины и следствия», найти реальные, легитимные основания для осуждения диктатора, обуславливает эпическую целостность романа, в пространстве которого различные идеологические точки зрения складываются в бахтинскую романную полифонию. Закономерным образом в ней, наряду с не находящей разрешения в поле уголовного права жесткой идеологической полемикой, находится место и для подобию античного хора – обмена репликами группы юношей и девушек, наблюдающих за процессом по ТВ и обсуждающих его итоги за пивом:

«Но ведь это и было неправильно, этот судебный процесс! То, что он [Петканов] сделал со страной, не определяется категориями уголовного права. Надо было говорить обо всем, что он испоганил все, к чему прикасался. И все, к чему прикасались мы. Землю, траву, камни. Как он все время лгал, он лгал автоматически, сделал вранье своей политикой, он не мог не врать, да еще и всех приучил к этому. И люди теперь вообще разучились чему-либо верить. Он все испоганил, даже слова, которыми мы говорим» [Барнс 2013: 181].

Романная полифония не отменяет, таким образом, четкости моральных оценок, что также способствует художественной целостности романа «Дикобраз».

На первый взгляд этой эпической целостности лишен роман «Шум времени», нарочито фрагментарный по форме. Рецензенты насчитали в нем около 230 фрагментов – «моментальных снимков», виньеток, экскурсов в прошлое, побочных эпизодов и аллюзивных афоризмов, ложных финалов, тонких различий, каламбуров, внезапных откровений и т. д. [Robson 2016].

Истоки этой фрагментированности объясняют по-разному. Кто-то прочитывает «Шум времени» как кубистскую биографию в духе «Попугая Флобера», в которой «избранные виньетки раз за разом проходят в памяти персонажа наряду с переживаниями настоящего момента – в целях воссоздания жизни Шостаковича в технике монтажа» [Lasdun 2016].

Другие рецензенты, напротив, противопоставляют мастерство биографа в двух названных романах. Так, Мичико Какутани пишет: «В кни-

ге, которая принесла Барнсу известность – «Попугае Флобера» (1985), – он также обратился к жанру биографии выдающегося художника. Но если там он использовал технику коллажа, чтобы показать нам своего героя под различными углами зрения, то [в «Шуме времени»] автор предпочитает погрузить нас во внутренний мир Шостаковича, который оказывается пространством с достаточно гнетущей атмосферой» [Kakutani 2016]. Парадоксально, но «кубистское» изображение Флобера с разных точек зрения представляется критику «Нью-Йорк Таймс» менее фрагментированным, чем повествование о Шостаковиче, основанное, в целом, на одной повествовательной перспективе – изнутри сознания композитора. Дело, видимо, в особенностях психического строя и самоощущения композитора. Противопоставляя формальную коллажность «Попугая Флобера» формальному же единству перспективы в «Шуме времени», Какутани точно обозначает истоки повествовательной дробности последнего романа: «Мистер Барнс в своей книге драматизирует внутренние противоречия в сознании композитора, превращая их в разговоры, словно бы звучащие в голове Шостаковича. С одной стороны, тот оправдывает себя необходимостью самосохранения и защиты собственной семьи, с другой – проклинает себя как трусливого червя, предавшего все свои принципы до такой степени, что пришлось отречься от своего кумира Стравинского, провозгласив его презренным модернистом. В один момент он говорит себе, что умно использовал иронию, дабы изнутри подорвать требования режима сочинив оптимистическую, банальную музыку; в другой, он преисполняется отвращения к самому себе за то, что позволил использовать себя в качестве образцового адепта советской идеологии на культурном мероприятии в США, или за то, что не смог противостоять давлению и вступил в КПСС» [Kakutani 2016]. Несомненно, очевидная противоречивость сознания Шостаковича – героя «Шума времени», сложность и разновекторность его самоощущения становятся определяющей причиной повествовательной фрагментированности: нарратив миметически воспроизводит внутреннюю нестабильность самоощущения героя, раздирающие его противоречия.

Как повелось еще с времен романтиков, инструментом, который, по видимости, может преодолеть внутренние противоречия и противостоять жесткому давлению действительности, внешнего «лживого мира непротиворечивости» [Арендт 1996: 420], для барнсовского Шостаковича становится ирония: «Всю жизнь он полагался на иронию. Считал, что возникает она, по

обыкновенно, там, где образовался разрыв между представлениями, предположениями или надеждами относительно нашей жизни и действительным ее ходом. Таким образом, ирония превращается для человека в средство защиты своего существа и своей души; изо дня в день она дает тебе возможность дышать» [Барнс 2017: 198]. По словам одного из интервьюеров, сам Барнс признается: «Никогда не смогу отказаться от своей иронии. Ни за что в жизни» [цит. по: Zohn 2016], тем самым обнаруживая внутреннее сходство со своим протагонистом. Рассуждения Шостаковича / Барнса об иронии как средстве выживания заканчивается пессимистическим сравнением: «Но этот мир неидеален, а потому ирония разрастается здесь неожиданным и странным образом. За одну ночь, как гриб; беспощадно, как раковая опухоль» [Барнс 2017: 103]. В конечном итоге иронии с ее двусмысленностью отказано в статусе универсального средства самосохранения. Она очевидным образом приводит к саморазрушению. Ей противопоставлены «подлинность и честность», чего бы они ни стоили и как бы далеко от них ни отстояли повседневные чиновничьи дела композитора, его речи, прочитанные по бумажке, написанной другими, письма, которые он подписывал, в надежде, что кто-то разглядит иронию в его осуждении Сахарова и Солженицына. «Ирония имеет свои пределы: невозможно подписывать такое письмо, скрестив пальцы или держа фигу в кармане, и рассчитывать, что другие поймут твою уловку. А посему он предал еще и Чехова, который писал все, кроме доносов. Предал и себя. Зажился он на этом свете» [там же: 191]. Характерным образом мысль об иронии приводит к мысли о смерти.

В одном из интервью Барнс размышляет о Шостаковиче: «Это был композитор, который всю свою жизнь подвергался непрерывному давлению власти... Нет ни одной фигуры в истории западной музыки, которую бы так прессовали изо дня в день, вымогая у него нужные решения – и политические и художественные... Думаю, что фактически это история человека, потерявшего свою душу. Это трагическая история» [цит. по: Adams 2016]. В самом романе находит выражение мысль о трагической иронии его жизни: «Instead of killing him, they had allowed him to live, and by allowing to live, they had killed him. This was the final, unanswerable irony to his life» [Barnes 2016: 148]. В русском переводе это потеряно: «В этом-то, очевидно, и заключается их окончательная победа над ним. Могли его убить, но оставили в живых; оставили в живых – и тем самым убили» [Барнс 2017: 202].

Еще одним источником повествовательной фрагментированности служит программная множественность мотивов, онтологическая неопределенность, в которую всякий раз погружается персонаж, когда хочет припомнить, с чего же началась та жизненно-творческая катастрофа, в эпицентре которой он себя ощущает: «Нет, ...ничто не начинается таким манером, в конкретный день, в конкретном месте. Начиналось все в разных местах, в разное время, причем зачастую еще до твоего появления на свет, в чужих землях и в чужих умах» [там же: 19].

Этой тенденции к нарративному и онтологическому плюрализму в «Шуме времени» противостоит (или органически сочетается с ней?) явная тенденция к художественному синтезу. Так, для общего симфонического звучания романа оказывается очень важной система лейтмотивов, проходящих через весь текст и объединяющих его, создающих романную гармонию. Магистральной, конечно же, становится тема искусства, формулируемая вопреки идеологическим тенетам и в противопоставлении известной ленинской максиме «Искусство принадлежит народу»: «Искусство принадлежит всем и никому в отдельности. Искусство принадлежит всем временам – и никакой отдельной эпохе. Искусство принадлежит тем, кто его создает, и тем, кто им наслаждается. Сегодня искусство не принадлежит партии и народу, равно как в прошлом оно не принадлежало аристократии вкупе с меценатами. Искусство – это шепот истории, различимый поверх шума времени» [там же: 109]. И далее: «Когда все шло наперекосяк, когда думалось, что “чепуха совершенная делается на свете”, он утешался вот чем: хорошая музыка всегда остается хорошей музыкой, а великая музыка незыблема. Любую прелюдию и фугу Баха можно играть в любом темпе. С любыми динамическими оттенками или без таковых – все равно это будет великая музыка, и никакая каналья, которая молотит по клавиатуре обеими пятернями, не сможет ее испортить. А кроме всего прочего, играть такую музыку с цинизмом просто невозможно» [там же: 145].

Можно ли говорить, что в мире, где живет Шостакович, где одни плохие времена сменяются еще более скверными (к этому отсылают интродукции всех трех частей романа), где властвует страх и конформизм, сохранились какие-то абсолюты, неподвластные ни времени, ни страху, ни конформизму, ни иронии? Безусловно. Вспомним еще одно программное высказывание: «Что можно противопоставить шуму времени? Только ту музыку, которая у нас внутри, музыку нашего бытия, которая у некоторых преобразу-

ется в настоящую музыку. Которая, при условии, что она сильна, подлинна и чиста, десятилетия спустя преобразуется в шепот истории. За это он и держался» [Барнс 2017: 146].

Осмелюсь утверждать, что автор здесь вкладывает в уста протагониста свое собственное художественное кредо, делает своего героя носителем собственной философии творчества. В этой связи хотелось бы вспомнить, как в 2007 г. в интервью газете «Известия» по случаю публикации в России романа «Артур и Джордж» интервьюер, кажется, с некоторым недоверием переспрашивает Джулиана Барнса: «В “Артуре и Джордже” литература побеждает в случае, когда закон бессилен. Вы верите в правдивость вымысла?» Ответ Барнса непререкаем и лишен всякого постмодернистского кокетства: «Абсолютно» [цит. по: Кочеткова 2007]. Эта точка зрения находит поддержку и в ряде рецензий. Так, в частности, Матильда Батхерст утверждает: «Как и получивший Букеровскую премию роман “Предчувствие конца”, “Шум времени”, по существу, представляет собой размышления о процессе письма. Шостакович становится выразителем авторских представлений об искусстве, об истине, о том, как претворить в словах свое понимание жизни» [Bathurst 2016]. Несомненную близость автора и героя отмечает и рецензент «Гардиан» Роберт Лэсдан: «По сути, чем более запятнанным постыдными поступками предстает Шостакович, тем больше Барнс симпатизирует ему. Это один из эффектов повествовательной точки зрения, когда осуждения Шостаковича всегда преподносятся от его собственного имени, что придает обвинениям против него характер безжалостного самоанализа. С другой стороны, это следствие идеи (возможно, для кого-то сомнительной), что великое искусство, избавляя нас от “шума времени”, побеждает все и тем самым оправдывает жалкие поступки. И отчасти – и это, возможно, наведет нас на ... некое интуитивное прозрение, на которое только вскользь намекается, что определенный род трусости может на деле обернуться самой героической формой мужества» [Lasdun 2016].

Музыка становится для Шостаковича (и Барнса) последним прибежищем истины и подлинности. Стоит отметить, однако, что в этом есть некий эссенциализм, вызывающий понятные сомнения у ряда читателей, в особенности музыковедов. Один из них, Ричард Тарускин, воспринявший «Шум времени» как очередную спекуляцию на “Shostakovich Wars”, пишет в этой связи о «поп-романтизме» барнсовского биографического романа [Taruskin 2016]. Более убедительно высказывается американский пианист

Джереми Денк: «Афоризм “Музыка не может лгать” на самом деле принадлежит не Шостаковичу, а Валентину Берлинскому, виолончелисту из квартета Бородина, – это маленькая ложь, вплетенная в повествовательную ткань, когда высказывание передоверяется одному из покинувших этот мир людей. И, конечно же, музыка может лгать. Послушайте моцартовскую “Cosi Fan Tutte”, к примеру, или “Фальстафа” Верди, или любую другую комическую оперу, где все построено на притворстве. Музыка фантастически умеет лгать и виртуозно использовать иронию. В случае Шостаковича проблема особенно сложна; его музыка является намеренной ложью, но при этом она должна исполняться с искренним чувством. Фраза “композиторские интенции” весьма опасна: интенции композитора порой меняются не только день ото дня, но и час от часу» [Denk 2016].

Сам Барнс, надо сказать, и не претендует на музыковедческую достоверность. По его словам, он не очень доверяет автобиографиям, анекдотам про творческий процесс. «Есть определенное нахальство в попытке создать вымышленного персонажа на основе реальной фигуры. Но я считал, что с моей стороны было бы уж слишком большим нахальством пытаться комментировать (воссоздавать) те или иные его художественно-музыкальные решения» [цит. по: Adams 2016]. «Шум времени», по словам Барнса, в конце концов не о том, как развивалось его композиторское мастерство от симфонии к симфонии. Книга не о его композиторской сущности, но о его внутреннем духовном «я» и о том, как художник, подавляемый властью, изо дня в день рефлектирует над этим и пытается найти внутренний компромисс с собственной жизненной ситуацией и беспощадным самоанализом спасти собственную душу [там же].

Итак, Барнс открещивается от намерений глубоко погрузиться в музыковедческую суть творчества композитора. При этом ему, несомненно, удастся другое, быть может, более важное, исходя из его творческого замысла, – оставить читателя после чтения трагической, иронической, полной болезненного самобичевания истории жизни с ощущением возможности гармонии в этом мире.

Этому способствует композиция произведения. Три части, действие которых происходит соответственно на лестничной площадке, в самолете и в автомобиле и каждая из которых отделена двенадцатилетием: 1936 г. – время публикации в «Правде» статьи «Сумбур вместо музыки», разоблачающей антинародную сущность оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского

уезда»; затем 1949 г., когда Шостакович был послан Сталиным представлять советскую музыку в США на Конгрессе мира в Нью-Йорке; и, наконец, 1960 г., когда Шостаковича вынудили вступить в партию, чтобы он мог стать формальным главой Союза советских композиторов. Структурная и хронологическая трилогия обрамляется военным эпизодом, главными тремя действующими лицами которого оказываются нищий инвалид, потерявший ноги на войне и теперь исполняющий «разухабистые вагонные песни», чтобы добыть себе на пропитание, и два пассажира мягкого вагона, обоим за тридцать – безмянный нервный очкарик, обвешанный чесночными дольками на нитках, и его спутник, о котором не сказано ничего, кроме того, что он из тех, кто «на ус мотают». Трое распили бутылку водки на перроне, при этом «нервный худеряга» что-то прошептал, второй пассажир хохотнул, а нищий отправился к следующей группе пассажиров. Этот эпизод пару раз смутно припоминается Шостаковичем, но подлинный смысл его остается скрыт от читателя до самого финала романа, когда автор возвращается к этому военному эпизоду «посреди России, посреди войны, посреди многострадального лихолетья». Теперь уже читатель в курсе, кто этот «очкарик на нервах»:

«Разливал Дмитрий Дмитриевич <...> Глазмер немного подкачал: водки в стаканах оказалось слегка не поровну <...> При этом Дмитрий Дмитриевич слушал – и, как всегда, услышал. Когда три стакана, налитые до разных отметок, сдвинулись и звякнули, он улыбнулся <...> и шепнул:

– Тоническое трезвучие.

<...> Война, страх, нищета, тиф, грязь – и сквозь громаду всего, ниже, выше и посреди, Дмитрий Дмитриевич услышал идеальное трезвучие. Война <...> завершится <...> Страх останется, равно как и незваная смерть, и нищета, и грязь <...> Но тоническое трезвучие, рождаемое даже там, где сдвинулись три грязноватых, поразному наполненных стакана, заглушит собой шум времени, обещая пережить все и вся. Наверное, в конечном итоге, это и есть самое главное» [Барнс 2017: 206–207].

Трехчастная структура романа, да еще обрамленная итерацией одного и того же эпизода, в котором в финале читателю даруется радость узнавания, служит задаче гармонического разрешения всех ранее введенных тем и лейтмотивов. Многие из них остались не упомянуты в этой краткой статье, однако, хотя бы напоследок, нельзя не упомянуть алкоголь, который также сопровождает композитора по жизни. Одновременно анальгетик и допинг – жизненно необхо-

димое для наших людей средство притупления болезненных внутренних конфликтов и, одновременно, стимуляции творческих способностей, обеспечивающее хотя бы иллюзорную, хотя бы временную гармонию с собой, с окружающими, с творческим даром. Что и говорить: очень выразительный и уместный финал для романа о русском композиторе, о «загадочной славянской душе». Одна из индийских литературных обозревателей довольно лихо завершает свою рецензию, озаглавленную «Искусство водки: музыка и пропаганда»: «Надежда, которую Барнс оставляет нам, состоит в том, что несмотря на все убожество, нищету и страдания, для создания совершенной музыкальной гармонии нужны только три грязных стакана и водка. Так выпьем за это» [Pal 2016]. Собственно, это могло бы стать частью отдельного исследования о роли алкоголя в русской культуре.

Однако закончить хотелось бы другим. Устойчивая структурная симметрия романа, умелое использование лейтмотивов и их варьирование в сочетании с пульсирующим, ассоциативным нарративом, включающим спорадические повествовательные виньетки, анекдоты и афористику, народную и книжную, но всякий раз индивидуально переосмысленную, интонационное разнообразие, контрастирующие темы – все это придает «Шуму времени» музыкальность, достойную протагониста этой книги. На уровне формы сумбур превращается в музыку. Трагедия судьбы художника находит катартическое разрешение в пространстве текста, приводящего читателя в финале к ощущению возможности гармонии и ненапрасности творческого дара в сочетании с щемящим чувством иллюзорности, случайности и недолговечности этой гармонии.

Написанные с интервалом в четверть века, оба рассмотренных романа свидетельствуют о неизменном интересе Барнса к проблемам тоталитаризма. Идеологически заряженные тексты в то же время прекрасно иллюстрируют характерное для всей художественной прозы Барнса пристрастие к воспроизведению и соположению различных повествовательных и идеологических голосов. Данные эстетические стратегии и становятся основным способом деконструкции нарратива тоталитаризма. В «Дикобразе» (1992), написанном в жанре «альтернативной истории» и посвященном падению тоталитарного режима в одной из восточноевропейских стран, проблема тоталитаризма ставится в политическом аспекте. Роман приобретает форму идеологической дуэли с неявным исходом, открывая таким образом пространство для размышлений о попытках «железной рукой загнать человечество к счастью». Ро-

манная полифония не отменяет эпической целостности, связанной с четкостью и выверенностью идеологической перспективы. Написанный в жанре biofiction, «Шум времени» отмечен нарочитой фрагментарностью, истоки которой восходят к особенностям самосознания композитора: нарратив миметически воспроизводит внутреннюю противоречивость и трагическую разрозненность самоощущения художника в условиях диктатуры. Тенденции к нарративному и онтологическому плюрализму в «Шуме времени» противостоит тенденция к художественному синтезу. Автор вкладывает в уста протагониста свое собственное художественное кредо, делает своего героя носителем собственной философии творчества. В обоих рассмотренных романах монологическая сущность тоталитаризма расшатывается посредством как нарративной полифонии, так и структурной фрагментарности, что в конечном итоге не приводит к нигилистической энтропии, но служит выявлению трагической иронии тоталитарных устремлений к «всеобщему счастью» и, прямо или косвенно, соотносит это с ролью искусства в осмыслении и, хотелось бы верить, преодолении дегуманизирующих социальных антиутопий XX столетия.

Список литературы

- Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова; послесл. Ю. Н. Давыдова; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
- Барнс Д. Дикобраз / пер. с англ. Е. Храмовой. М.: Эксмо, 2013. 192 с.
- Барнс Д. Шум времени / пер. Е. Петровой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 256 с.
- Кочеткова Н. Писатель Джулиан Барнс: «Я не драматург, не денди и не гомосексуалист» (интервью) // Известия. 2007. 4 июля. URL: <https://iz.ru/news/326279> (дата обращения: 04.12.2017).
- Романова А. Суд над «Дикобразом» // Феномен Джулиана Барнса. Круглый стол // Иностранная литература. 2002. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/7/fenom.html> (дата обращения: 04.12.2017).
- Табак М. «Франция – моя вторая родина» // Феномен Джулиана Барнса. Круглый стол // Иностранная литература. 2002. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/7/fenom.html> (дата обращения: 04.12.2017).
- Adams J. In new novel, Julian Barnes tests the noise of time through art and biography // The Globe and Mail; Toronto, Ontario. 2016. 3 June. URL: <http://www.theglobeandmail.com/arts/books-and-media/in-new-novel-julian-barnes-tests-the-noise-of-time-through-art-and-biography/article30260780/> (дата обращения: 04.12.2017).
- Barnes J. The Noise of Time. L.: Jonathan Cape, 2016. 192 p.
- Bathurst M. Biographical fiction: *The Noise of Time* // Country Life. L., 2016. 27 January. P. 88.
- Denk J. *The Noise of Time* by Julian Barnes // The New York Times Book Review. 2016. 9 May. URL: https://www.nytimes.com/2016/05/15/books/review/the-noise-of-time-by-julian-barnes.html?_r=0 (дата обращения: 04.12.2017).
- Duplain J. The Big Match. Barnes, Julian. Porcupine // New Statesman & Society. London, 1992. 13 November. P. 34.
- Kakutani M. Review: Julian Barnes's 'The Noise of Time,' the Inner Shostakovich // New York Times. 2016. 2 May. URL: <https://www.nytimes.com/2016/05/03/books/review-julian-barnes-the-noise-of-time-the-inner-shostakovich.html> (дата обращения: 04.12.2017).
- Lasdun J. *The Noise of Time* by Julian Barnes. Review: How Shostakovich survived Stalin // The Guardian. 2016. 22 January. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/jan/22/the-noise-of-time-by-julian-barnes-shostakovich-stalin-review> (дата обращения: 04.12.2017).
- Pal D. Art of vodka: Music and propaganda. An imagined life of composer Shostakovich in Stalin's Russia // India Today; New Delhi. 2016. 7 March. URL: <http://indiatoday.intoday.in/story/art-of-vodka/1/604295.html> (дата обращения: 04.12.2017).
- Robson L. Blunt Instruments // New Statesman. 2016. 22–28 January. P. 48–49.
- Saval N. Julian Barnes and the Shostakovich Wars // The New Yorker. 2016. 26 May. URL: <http://www.newyorker.com/books/page-turner/julian-barnes-and-the-shostakovich-wars> (дата обращения: 04.12.2017).
- Scammell M. "Trial and error": *The Porcupine* by Julian Barnes // The New Republic. 1993. 4 January. P. 35.
- Stout M. Chameleon Novelist // The New York Times. 1992. 22 November. URL: <http://www.nytimes.com/1992/11/22/books/barnes-interview92.html?pagewanted=all> (дата обращения: 04.12.2017).
- Taruskin R. Was Shostakovich a Martyr? Or Is That Just Fiction? // New York Times. 2016. 26 August. URL: https://www.nytimes.com/2016/08/28/arts/music/julian-barnes-the-noise-of-time-shostakovich.html?_r=0 (дата обращения: 04.12.2017).
- Zohn P. CultureZohn Off the C(H)uff: Julian Barnes and *The Noise of Time* // The Huffington Post. 2016. 6 September. URL: http://www.huffingtonpost.com/patricia-zohn/culturezohn-off-the-cuff-julian-barnes-and-the-noise-of-time_b_10344542.html (дата обращения: 04.12.2017).

References

- Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. Transl. from English by I. V. Borisova, Yu. A. Kimelev, A. D. Kovalev, Yu. B. Mishkenene, L. A. Sedov. Afterword by Yu. N. Davydov. Ed. by M. S. Kovaleva, D. M. Nosov. Moscow, TsentrKom Publ., 1996. 672 p. (In Russ.)
- Barnes J. *Dikobraz* [The Porcupine]. Transl. by E. Khranova. Moscow, Eksmo Publ., 2013. 192 p. (In Russ.)
- Barnes J. *Shum vremeni* [The Noise of Time]. Transl. by E. Petrova. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2017. 256 p. (In Russ.)
- Kochetkova N. Pisatel' Dzhulian Barns: «Ya ne dramaturg, ne dendi i ne gomoseksualist» (interv'yu) [Julian Barnes, the Writer: "I am neither a Playwright, nor a Dandy, nor a Homosexual" (Interview)]. *Izvestiya*, 2007, June 4. Available at: <https://iz.ru/news/326279> (accessed 04.12.2017). (In Russ.)
- Romanova A. Sud nad «Dikobrazom» ["The Porcupine" under Trial]. Fenomen Dzhuliana Barnsa. Kruglyy stol [The Phenomenon of Julian Barnes. A Panel Discussion]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2002, issue 7. Available at: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/7/fenom.html> (accessed 04.12.2017). (In Russ.)
- Tabak M. «Frantsiya – moyaya vtoraya rodina» ["France is my Second Homeland"]. In: *Fenomen Dzhuliana Barnsa. Kruglyy stol* [The Phenomenon of Julian Barnes. A Panel Discussion]. *Inostrannaya literatura*. [Foreign Literature]. 2002, issue 7. Available at: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/7/fenom.html> (accessed 04.12.2017). (In Russ.)
- Adams J. In New Novel, Julian Barnes Tests the Noise of Time Through Art and Biography. *The Globe and Mail*, 2016, June 3. Available at: <http://www.theglobeandmail.com/arts/books-and-media/in-new-novel-julian-barnes-tests-the-noise-of-time-through-art-and-biography/article30260780/> (accessed 04.12.2017). (In Eng.)
- Barnes J. *The Noise of Time*. London, Jonathan Cape, 2016. 192 p. (In Eng.)
- Bathurst M. Biographical Fiction: The Noise of Time. *Country Life*, 2016, January 27, p. 88. (In Eng.)
- Denk J. The Noise of Time by Julian Barnes. *The New York Times*, 2016, May 09. Available at: https://www.nytimes.com/2016/05/15/books/review/the-noise-of-time-by-julian-barnes.html?_r=0 (accessed 04.12.2017) (In Eng.)
- Duplain J. The Big Match. Barnes, Julian. Porcupine [review]. *New Statesman & Society*, 1992, November 13, p. 34. (In Eng.)
- Kakutani M. Review: Julian Barnes's 'The Noise of Time', the Inner Shostakovich. *New York Times*. 2016, May 2. Available at: <https://www.nytimes.com/2016/05/03/books/review-julian-barnes-the-noise-of-time-the-inner-shostakovich.html> (accessed 04.12.2017). (In Eng.)
- Lasdun J. The Noise of Time by Julian Barnes. Review: How Shostakovich survived Stalin. *The Guardian*, 2016, January 22. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2016/jan/22/the-noise-of-time-by-julian-barnes-shostakovich-stalin-review> (accessed 04.12.2017). (In Eng.)
- Pal D. Art of vodka: Music and propaganda. An imagined life of composer Shostakovich in Stalin's Russia. *India Today*, 2016, March 7. Available at: <http://indiatoday.intoday.in/story/art-of-vodka/1/604295.html> (accessed: 04.12.2017). (In Eng.)
- Robson L. Blunt Instruments. *New Statesman*, 2016, January 22–28, pp. 48–49. (In Eng.)
- Saval N. Julian Barnes and the Shostakovich Wars. *The New Yorker*. 2016, May 26. Available at: <http://www.newyorker.com/books/page-turner/julian-barnes-and-the-shostakovich-wars> (accessed 04.12.2017). (In Eng.)
- Scammell M. "Trial and error": The Porcupine by Julian Barnes. *The New Republic*, 1993, January 4, p. 35. (In Eng.)
- Stout M. Chameleon Novelist. *The New York Times*, 1992, November 22. Available at: <http://www.nytimes.com/1992/11/22/books/barnes-interview92.html?pagewanted=all> (accessed 04.12.2017). (In Eng.)
- Taruskin R. Was Shostakovich a Martyr? Or Is That Just Fiction? *New York Times*, 2016, August 26. Available at: https://www.nytimes.com/2016/08/28/arts/music/julian-barnes-the-noise-of-time-shostakovich.html?_r=0 (accessed 04.12.2017). (In Eng.)
- Zohn P. Culture Zohn Off the C(H)uff: Julian Barnes and The Noise of Time. *The Huffington Post*, 2016, September 6. Available at: http://www.huffingtonpost.com/patricia-zohn/culturezohn-off-the-cuff-julian-barnes-and-the-noise-of-time_b_10344542.html (accessed 04.12.2017). (In Eng.)

TOTALITARIAN NARRATIVE IN WORKS OF JULIAN BARNES

Olga Yu. Antsyferova

Professor in the Department of English Culture and Literature

Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Faculty of Humanities

39, Żytnia st., Siedlce, 08-110, Poland. Olga_antsyf@mail.ru

SPIN-code: 8539-4130

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1219-0134>

ResearcherID: U-2528-2017

Submitted 06.12.2017

The article is focused on the ideological and aesthetic deconstruction of totalitarian narrative in the two novels of Julian Barnes – *The Porcupine* (1992) and *The Noise of Time* (2016). Inspired by the fall of the communist regime in an East-European country, *The Porcupine* represents totalitarianism as a political phenomenon, the dramatic core of the novel being an ideological duel with an ambiguous result. The narrative polyphony does not ruin the epic integrity, which is analyzed in the article in keeping with Hanna Arendt's theoretical premises. cursorily touched upon in *The Porcupine*, the theme of art in a totalitarian society is thematized in *The Noise of Time*. The author uses Shostakovich's biography to reflect on the nature of art, its trials and tribulations under totalitarianism, on complexities of the dialogue between the artist and the power, on admissible limits for an artist to seek for compromises with the power and with himself. The biofiction flaunts its fragmentary form, the sources of its fragmentation to be looked for in the specific situation of an artist in a totalitarian society: the fragmentary narrative mimics the protagonist's disrupted and tormented self-consciousness. The narrative fragmentation and ontological pluralism coexist with a synthesizing tendency, which obviously relates to the musicality of the novel. The system of leitmotifs works for the harmony of the novel, substantial structural symmetry goes hand in hand with the fluctuating associative narration. To summarize, by their polyphony and fragmentation, both novels deconstruct the monological essence of totalitarianism.

Key words: totalitarianism; narrative; Julian Barnes; *The Porcupine*; *The Noise of Time*; fragmentation; integrity.

УДК 82.161.1(091)-1"19"
doi 10.17072/2037-6681-2018-1-79-87

ГУМИЛЕВСКИЕ ПОДТЕКСТЫ В ПОЭМАХ А. АХМАТОВОЙ

Светлана Викторовна Бурдина

д. филол. н., профессор кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. swburdina@rambler.ru

SPIN-код: 3865-3401

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2926-9463>

ResearcherID: Q-7810-2017

Статья поступила в редакцию 19.10.2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бурдина С. В. Гумилевские подтексты в поэмах А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 79–87. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-79-87

Please cite this article in English as:

Burdina S. V. Gumilevskie podteksty v poemakh A. Akhmatovoy [Implications of Gumilev's Works in Poetry by A. Akhmatova]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 1, pp. 79–87. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-79-87 (In Russ.)

Каждая из рассмотренных в статье поэм Ахматовой: «У самого моря», «Путем вся земли», «Реквием» – являет собой уникальный пример развертывания некоей культурной парадигмы, где чужое слово регулирует и провоцирует многие семантические процессы. Реконструируя диалог двух знаковых фигур эпохи, автор статьи систематизирует рецептивно представленный в поэмах Ахматовой гумилевский «пласт». Выявляются новые гумилевские подтексты, не учтенные исследователями ранее. Высказывается предположение о том, что первая попытка Ахматовой творчески переосмыслить гумилевский текст связана с ее ранней поэмой «У самого моря» (1914), одним из литературных источников которой стало стихотворение Гумилева «Корабль» (1907).

Выясняется роль важнейшего пратекста поэмы Ахматовой «Путем вся земли» – стихотворения Гумилева «Заблудившийся трамвай». Введенный в текст поэмы гумилевский срез ярко выявляет основную концепцию поэмы – парадоксального соотношения живого и мертвого, реального и нереального, настоящего и прошлого, помогает воссоздать целостную картину бытия переходной эпохи, выразить символику «пограничности», междубежия жизни и смерти, абсурдности бытия.

Предпринимая попытку осознать, что в текст «Реквиема», пронизанный гумилевскими аллюзиями, образ поэта вводится *географически*, автор статьи реконструирует цепочку географических названий, каждое из которых так или иначе отсылает к биографии поэта: Петербург, Царское село, Нева, Дон, Енисей. Доказывается, что все они, эти географические названия, являются своеобразным шифром, семантическим ключом к прочтению главы или фрагмента поэмы.

Выясняется, что в каждой из поэм Ахматовой знаки гумилевского текста ахматовское произведение дешифруют по крайней мере на двух уровнях: *на биографическом и на собственно литературном*, помогая тем самым более точно и полно осознать масштаб созданного автором художественного обобщения, увидеть новые, принципиальные для прочтения произведения, акценты и грани.

Ключевые слова: интертекстуальные связи; поэма; автор; подтекст; поэзия серебряного века.

Постоянно ведя непрерывный внутренний диалог с мировой и русской культурой прошлых веков, литературой XIX и начала XX в., Ахматова тем самым как бы «вводила» в вечность и образы своих «знаменитых современников»: А. Блока, Б. Пастернака, М. Цветаевой, Ин. Анненского, О. Мандельштама, уже осознавая их как высокие образцы, существующие на равных

правах с классикой. «Для поэта Ахматовой главным здесь остается принцип метонимического культурного сцепления, вследствие которого “по поэту” называется эпоха» [Полтавцева 1992: 52]. Образы поэзии Ин. Анненского, Н. Клюева, А. Блока, Н. Гумилева, библейские, а также фольклорные, народно-поэтические образы и мотивы, осевые структурообразующие темы и

образы собственного творчества: двойничества, отражения, зеркала, тени – таков в самом общем виде срез культурного пространства поэзии Ахматовой. Особая роль в этом насыщенном культурном контексте ахматовской поэзии, безусловно, принадлежит Гумилеву. Диалог двух знаменитых лириков серебряного века, «двух голосов переключка» явственно звучит во всех поэмах Ахматовой, и в каждой роль гумилевского контекста значима. Понимая, что исследование гумилевского «слоя» в «Поэме без героя» является темой отдельного большого разговора, мы обратимся в данной работе лишь к трем поэмам Ахматовой: «У самого моря», «Реквием» и «Путем всея земли». В каждой из них знаки гумилевского текста помогают лучше осознать масштаб созданного автором художественного обобщения, увидеть новые, принципиальные для прочтения произведения, акценты и грани. В каждой образ Гумилева дешифрует ахматовский текст по крайней мере на двух уровнях: *на биографическом и на собственно литературном*, помогая тем самым точнее и полнее раскрыть идею произведения.

Эта закономерность отчетливо проявляется уже в самой первой поэме Ахматовой «У самого моря», написанной в 1914 г.

Тот факт, что в поэме содержатся биографические аллюзии, сомнений не вызывает. Одна из главных зеркальных пар образов в населенном двойниками пространстве поэмы – сероглазый мальчик и царевич. Героиня отвергает предложение сероглазого мальчика, потому что ждет своего царевича:

И мне стало обидно: «Глупый! –
Я спросила: – Что ты – царевич?»¹

«Подумай, я буду царицей,
На что мне такого мужа?» (3, 9).

Интересную трактовку символики этих образов (мальчик-царевич) предлагает А. Хейт, рассматривая их как выражение двух ликов образа Гумилева: «...царевич, ожидаемый с моря, – поэт, сероглазый мальчик – муж. Они, по всей видимости, воплощают два типа любви – любви духовной и любви земной» [Хейт 1991: 46].

Сама Ахматова вспомнит позднее: «В поэме “У самого моря” – эпизод с мальчиком (“Сероглаз был высокий мальчик”) – это история любви Н<иколая> С<тепановича> ко мне.

Гумилев очень любил эту поэму и просил меня посвятить ее ему» [Записные книжки 1993: 518].

Отвергая сероглазого мальчика, героиня и сама переживает, ощущая себя в положении неблагоприятной сказочной старухи (интонации пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» ощутимо слышны в произведении):

Ушел не простившись мальчик,
Унес мускатные розы,
И я его отпустила,
Не сказала: «Побудь со мною» (3, 9).

Кстати, именно «отсылка» к Пушкину – моделирование ситуации известной сказки – позволяет увидеть уже в этом отказе лирической героини знак драматической ситуации, предчувствие трагического финала поэмы.

Нельзя исключить того факта, что именно с *поэмой «У самого моря»* связана и первая попытка Ахматовой творчески переосмыслить гумилевский текст. В качестве одного из литературных источников поэмы, думается, можно рассматривать стихотворение Н. Гумилева «Корабль» (1907), сюжет которого – гибель матроса, устремившегося к берегу моря, где ждет его царица, – репродуцируется в четвертой главке поэмы. Как и в произведении Н. Гумилева, у Ахматовой герой управляет лучшей яхтой – «самой веселой», «крылатой» (ср. также «веселого матроса» у Гумилева и «веселую яхту» у Ахматовой) – и спешит на зов ожидающей его героини:

Тихо пошла я вдоль бухты к мысу...
И повторяла новую песню.
Знала я: с кем бы царевич ни был,
Слышит он голос мой, смутившись... (3, 14).

Ср. у Гумилева:

Ты стояла на дальнем утесе,
Ты смотрела, звала и ждала,
Ты в последнем веселом матросе
Огневое стремленье зажгла [Гумилев 1991: 69]².

Думается, не случайно и «совпадение» некоторых образов в поэме и в стихотворении. Так, слова царевича, обращенные к героине Ахматовой: «Он застонал и невнятно крикнул: / “Ласточка, ласточка, как мне больно!”» (3, 15), отсылают к финалу стихотворения Гумилева, где также возникает образ ласточки:

И зачем эти тонкие руки
Жемчугами прорезали тьму,
Точно ласточки с песней разлуки
Точно сны, улетаая к нему (2, 69).

Примечательным оказывается и тот факт, что герои Ахматовой и Гумилева как бы меняются местами. Если герои стихотворения «Корабль» – матрос и царица, то герои поэмы – царевич и девочка, пока еще только мечтающая стать царицей.

С образом корабля в мифопоэтической традиции обычно связываются два ряда ассоциаций. Достаточно традиционным в европейской поэзии является мотив корабля, уносящего душу от родных берегов в неизвестное вечное плавание. В то же время, как известно, корабль – один из устойчивых символов спасения души в раннем хри-

стианстве; якорь корабля, как и мачта, словно сливается с Крестом, раскрывая значение этого важнейшего для христиан символического изображения. Корабль прибывающий ассоциируется с надеждой, спасением. Корабль уходящий может ассоциироваться с гибелью. Реминисценция из стихотворения Блока актуализирует в поэме именно контекст образа *уходящего* корабля, связываемый Блоком – в соответствии с традицией – со смертью, душевной гибелью, обреченностью человека на страдание. Осмысленный таким образом символ уходящего корабля возникает в поэме Ахматовой как предчувствие трагического финала произведения, как обозначение невозможности осуществления мечты, вводит в эту раннюю поэму трагическую тему ухода без возврата, тему обманутой надежды. «Смерть “царевича” уже предвещала несбыточность полудетских иллюзий, начало разминовений в мире ахматовской жизни и любовной поэзии» [Коваленко 1998: 387], – пишет современный исследователь.

Сложно переоценить роль гумилевского *слоя* и в другой «маленькой» поэме Ахматовой «Путем всея земли». Как и в поэме 1914 г. «У самого моря», гумилевские аллюзии дешифруют ахматовское произведение одновременно и *на уровне биографическом*, и – *на собственно литературном*. Речь идет в первую очередь о важнейшем пратексте написанной в 1940 г. поэмы Ахматовой – знаменитом стихотворении Гумилева «Заблудившийся трамвай». Именно этот поэтический текст, актуализируя крайне значимую для русской поэзии начала века тему парадоксального соотношения живого и мертвого, настоящего и прошлого, во многом помогает понять основную идею загадочной ахматовской поэмы.

Подчеркнем, что возможность дешифровки стихотворения Н. Гумилева в качестве пратекста поэмы «Путем всея земли» не рассматривалась ранее в литературоведении; и это, конечно, удивительно: написанная 20 лет спустя поэма Ахматовой воспринимается и сегодня как своеобразный аналог гумилевского текста.

Действительно, многообразные связи поэмы Ахматовой со стихотворением Гумилева очевидны; они указывают на то, что Ахматова, скорее всего, при создании поэмы внутренне ориентировалась на текст Гумилева. Общность двух произведений проявляется в первую очередь на уровне образной системы. Не могут не обратить на себя внимание многочисленные переключки, совпадения, лишь на первый взгляд кажущиеся случайными. Все они обусловлены не только творческими и биографическими связями поэтов, но и своеобразием переживаемого художниками времени. Так, «звоны лютни» в первой строфе гумилевского текста, возникающие (вместе с

«граем» и «громом») при переводе повествования в другое измерение уже как знак иной реальности, напоминают звуки колокольного звона Китежа у Ахматовой. Аналогична и функция этих образов. Это образы-проводники между миром реальным и нереальным.

Есть у Гумилева и еще один образ-проводник, «пограничная» символика которого также закреплена в мифопоэтической традиции, – это образ окна. Будучи «зеркальным», образ окна изначально включает в себе характеристику проницаемости пространства, является символом черты, рубежа, границы между жизнью и смертью, знаком перехода в иное измерение. Таков образ окна в поэме «Путем всея земли». Окно у Ахматовой – это взгляд *из* иного мира, из мира смерти: «Знакомые зданья / Из смерти глядят» (3, 34). В семантическом поле стихотворения «Заблудившийся трамвай» образ окна выполняет сходную функцию. Это также знак иного пространства, иного измерения. «Промелькнув у оконной рамы» (т. е. отразившись в окне?), «бросил нам вслед пытливый взгляд / Нищий старик, – конечно тот самый, / Что умер в Бейруте год назад...»². Однако окно появляется в стихотворении не только как признак трансцендентального пространства, но и как принадлежность пространства эмпирического – как конкретная деталь реально существующего когда-то дома: «А в переулке забор дощатый, / Дом в три окна и серый газон...» (2, 49). Через такую зарисовку Гумилев дает приметы дома в Царском селе, где жила Ахматова. Голос Ахматовой отзовется на эти строчки через целых сорок лет. Вступая в диалог с Н. Гумилевым, она предположит стихотворению «Царскосельская ода. Девятисотые годы» (1961) эпиграф «А в переулке забор дощатый...», обозначит и инициалы: «Н. Г.» (4, 361)

Не менее важным оказывается и факт явного присутствия в стихотворении «Заблудившийся трамвай» образа Ахматовой. Он возникает и за царскосельскими аллюзиями произведения, проступает в чертах Машеньки (в большей степени отождествляемой все-таки с героиней «Капитанской дочки» и с Машей Кузьминой-Караваевой), угадывается в адресате строчек «Где же теперь твой *голос и тело*, / Может ли быть, что ты умерла?» (2, 48), являющихся скрытой цитатой из Ахматовой: «Смертный час, наклонясь, напоят / Прозрачною сулемой. / А люди придут, зароят / Мое *тело и голос* мой» (1, 110). Кстати, вопрос «*Может ли быть, что ты умерла?*» отсылает не столько к стихотворению Ахматовой «Умирая, томлюсь о бессмертье...», сколько к стихотворению Н. Клюева «*Мне сказали, что ты умерла...*» (курсив мой. – С. Б.), адресованному Ахматовой. Сюжет стихотворения Гумилева, как

и поэмы Ахматовой, строится на «обратном» течении времени, на движении героя через «переходы пространств и времен» назад, в «духовное» прошлое, в поисках иного, чудесного, мира. Ахматова отождествляет этот мир с ушедшим под воду градом Китежем; Гумилев же, которого необычайно волновала и притягивала индийская мифология с ее идеей переселения душ, называет идеальное пространство прошлого «Индией Духа». Само название здесь примечательно. В первую очередь за ним угадывается ориентация на традиции немецких романтиков: «духовная Индия» – выражение Гейне. Ю. Кроль, пытаясь осмыслить это название, обращается к раннему творчеству поэта, в частности, к его поэме «Северный раджа», где «фигурирует Индия, которую можно попытаться отождествить с “Индией Духа”, если понимать эту последнюю как Индию, созданную Духом (воображением)» [Кроль 1990: 212]. На наш взгляд, более убедительно высказывается по этому поводу другой современный исследователь – Ю. В. Зобнин: «Поиски “другого” мира, в котором, в отличие от мира “реального”, полностью воплощен идеал совершенной красоты, Гумилев трактовал как поиски “Индии Духа”, творимой “священной ложью” искусства» [Зобнин 1993: 178–179]. Примечательно, что именно эта смысловая грань образа «Индии Духа» выявляется и в диалоге текстов Гумилева и Ахматовой. Вспомним, что в поэзии Н. Клюева существовали две ипостаси сказочного идеального пространства: «Избяная Индия», которую поэт пытался разглядеть в «голубо-зеленых омотах» бирюзы, и – легендарный Китеж-град. Гумилевская «Индия Духа» вполне может быть осознана как своеобразный аналог образа Китежа в поэме Ахматовой. Это еще один аргумент в пользу несомненной близости двух произведений. Заметим также: у Гумилева мифологическое, не существующее в реальности, «духовное» (Ю. Зобнин) пространство наделяется необычным светом, «нездешним» сиянием («Понял теперь я: наша свобода / Только оттуда бьющий свет...» (2, 48); у Ахматовой признаком появления Китежа является пылающий закат. «Оттуда бьющий свет», как и пылающий закат, – образы, наделенные символикой трансцендентального. Обусловленные как общим символистским мифом, так и индивидуальной мифологией поэтов, они совершенно закономерно воспринимаются в контексте произведений Гумилева и Ахматовой как знаки иного мира, инобытия.

Своеобразие мифологических образов произведений (в первую очередь образов Китеж-града и Индии Духа) является дополнительным свидетельством того, что сам мир «Заблудившегося трамвая», как и мир ахматовской поэмы, облада-

ет пограничностью, стертостью пространственных и временных граней³. На проницаемость границы между жизнью и смертью в стихотворении Гумилева указывает Э. Русинко: «...В этом вневременном мире за рекой жизнь и смерть более не кажутся отдельными состояниями, они взаимопроницаемы, как настоящее, прошлое и будущее» [Русинко 1982: 397]. Трагическое ощущение нереальности, призрачности жизни, точно обозначенное Мандельштамом поэтической формулой «И не живу, и все-таки живу», присуще героям и Ахматовой, и Гумилева. Тема странствия души, характерная для акмеистов, отчетливо звучит в обоих произведениях. Как и ахматовская поэма, стихотворение «Заблудившийся трамвай» представляет собой «посмертное блуждание души» (А. Ахматова), путешествие «путем всея земли». Не случайно, конечно, Гумилев собирался первоначально назвать свой сборник «Огненный столп», куда вошло стихотворение, иначе – «Посередине странствия земного».

В обоих произведениях путешествие во времени явно приобретает смысл *возвращения к смерти*. Такое впечатление, что стихотворение Гумилева, как и поэма Ахматовой, написано на грани безысходности, – настолько все оно проникнуто ощущением ускользающего бытия, отчетливым пониманием автора того, что он «...заблудился в бездне времен...» (2, 48). Пережитые катаклизмы, личные и исторические, не могли не привести поэтов к ошеломляющему осознанию своей духовной обреченности. Горько звучат последние слова поэмы Ахматовой: «В последнем жилище меня упокой».

Тема смерти, таким образом, оказывается главной в обоих произведениях. Осуществляя концептуальную связь биографического и космического, исторического и вечного, мифологема смерти, эта сквозная мифологема эпохи, определяет особенности художественного мира и в поэме Ахматовой, и в стихотворении Гумилева. Оба поэта создают масштабную по обобщению эпическую картину мира. Это картина мира во власти смерти, мира, основной характеристикой которого является его абсурдность, иррациональность:

В красной рубашке, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне (2, 49).

Вяч. Вс. Иванов, перефразировав слова М. Цветаевой, писал, что «под колесами» гумилевского трамвая, «как в науке и искусстве нашего века, разрушаются и все обычные представления о географии и хронологии», меняются «повседневные категории пространства и време-

ни» [Иванов 1998: 7]. Лавка с надписью «Зеленая» в стихотворении Гумилева, где «вместо капусты и вместо брюквы / Мертвые головы продают», – блистательно найденный образ иррационального бытия, трагическая метафора абсурдности послереволюционного мира. Особенно пронзительно идея абсурдности бытия звучит в финале стихотворения Гумилева:

Там отслужу молебен о здравье
Машеньки и панихиду по мне (2, 50).

Эти поэтические строки – еще один показатель «смещения уже не только временных, но и причинно-следственных отношений» [там же]. Живое и неживое становятся равнореальными. Именно таков смысл и следующих строк:

Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет,
Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет (2, 49).

Несмотря на то что эти произведения отделяют друга от друга почти два десятилетия, трагическая суть исторической эпохи осталась прежней, только кровь революции сменилась кровью репрессий. Будучи отражением трагизма и абсурдности исторического времени, идея *смещения* элементарных логических представлений: о пространстве и времени, о жизни и смерти, о настоящем и прошлом – последовательно воплощается на всех уровнях произведений Ахматовой и Гумилева.

Итак, в основе построения двух произведений лежит оппозиция живого и мертвого, а точнее – перевернутые отношения живого-мертвого. И поэма Ахматовой, и стихотворение Гумилева «моделируются» по единому принципу. Безжизненному пространству настоящего, отождествляемому обоими поэтами с гибельным пространством Петербурга, противопоставлено в одном случае затонувшее, исчезнувшее пространство легендарного Китеж-града, в другом – идеальное пространство «духовного прошлого», «Индия Духа» – этот поэтический аналог Китежа. В результате Петербург предстает и в стихотворении Гумилева, и в поэме Ахматовой как «мертвое» пространство, противопоставленное пространству фантастическому, идеальному, на самом же деле – более реальному и жизненному. И Ахматова, и Гумилев изображают Петербург в соответствии с традицией русской литературы так называемого «петербургского» цикла – как обреченный город-государство. Петербург начала XX в., с одной стороны, проецировался на пушкинский Петербург с доминантной идеей топоса смерти поэта, с другой же – наделялся египетскими чертами; и в связи с идеей умирания русской культуры возник образ Петербурга как египетского города мерт-

вых – некрополя. Как город мертвых, своеобразный некрополь прочитывается образ Петербурга и в поэтических текстах Ахматовой и Гумилева.

Таким образом, обращение к тексту Гумилева позволило Ахматовой художественно убедительно воссоздать в поэме «Путем вся земли» целостную картину бытия переходной эпохи, ярко выразить символику «пограничности», междубежия жизни и смерти, символику абсурдности и перевернутости бытия. Введенный в текст поэмы гумилевский срез помогает окончательно сформулировать и основную концепцию поэмы – концепцию парадоксального соотношения живого и мертвого, реального и нереального, настоящего и прошлого.

Удивительной емкостью отличается и пространство культурной памяти поэмы Ахматовой «Реквием». Расслышать звучащие в поэме голоса, воссоздать упрятанный в текст диалог автора с Пушкиным, Некрасовым, Мандельштамом, Блоком, Моцартом, Гумилевым – главное условие дешифровки произведения. Как и в поэме «Путем вся земли», все «вечные образы» культуры, реконструируя в «Реквиеме» апокалиптическую картину мира, закрепляют в качестве основной реальности произведения пространство смерти. Ассоциативный ряд, напрямую связанный с темой гибели и трагедии, актуализируется здесь и подтекстами поэзии Гумилева, отчетливо проявленными в поэме.

В текст «Реквиема», пронизанный гумилевскими аллюзиями, образ поэта вводится, если можно так сказать, *географически*, реконструируется цепочкой географических названий, каждое из которых так или иначе отсылает к биографии поэта: Петербург, Царское село, Нева, Дон, Енисей. Все они, эти географические указатели, в буквальном, а не переносном смысле становятся в поэме знаками культуры – «вечными образами» культуры⁴. Причем в тексте «Реквиема» они не только являются своеобразным шифром, семантическим ключом к прочтению главы или фрагмента, но и порождают (такова особенность текстов «аккумулятирующего типа», к которым, безусловно, относится и «Реквием») новые образы культуры. В какой-то степени «географически» (хотя не только, конечно) присутствуют в поэме и Пушкин, и Блок, и Мандельштам. С помощью «географических» знаков обнаруживает себя в ахматовском тексте и образ Н. Гумилева.

Известно, что на вопрос Э. Герштейн о том, почему в «ленинградском стихотворении откликнулась река Дон», Ахматова «ответила уклончиво: “Не знаю, может быть, потому, что Лева ездил в экспедицию на Дон?” ... Она сказала также, что “Тихий Дон” Шолохова был любимым произведением Левы» [Герштейн 1993: 152]. Однако в

большей степени образ тихого Дона Ахматова связывала все же не с Шолоховым, а с Пушкиным. Начальные строки колыбельной «Тихо льется тихий Дон» заставляют вспомнить «Кавказского пленника». О том, что Дон для Ахматовой во многом был связан именно с Пушкиным, упоминает и П. Лукницкий, рассказывая в одной из записей 1927 г. о поездке Ахматовой в Кисловодск: «Читала Пушкина “Дон” в поезде – и когда туда, и когда обратно ехала и проезжала Дон» [Лукницкий 1997: 279].

Устойчивый фольклорный образ тихого Дона обнаруживает у Ахматовой и родство с русскими историческими песнями. «Поднимает» этот образ и семантический пласт памяти, связанный с Лермонтовым и Некрасовым. Колыбельная «Реквиема» удивительно близка к известным колыбельным песням – лермонтовской «Спи, младенец мой прекрасный...» и некрасовской «Спи, пострел, пока безвредный...». Ахматовский образ тихого Дона выдает в «Реквиеме» и присутствие Блока. Блоковский контекст проявлен в поэме отчетливо. Совпадения фрагмента из цикла «На поле Куликовом» со второй главкой «Реквиема» слишком существенны, чтобы считать их случайными.

Через образ Дона вводится в поэму и образ Н. Гумилева: колыбельная «Тихо льется тихий Дон...», написанная Ахматовой вскоре после второго ареста сына, Л. Гумилева, заканчивается трагическими строчками: «Муж в могиле, Сын в тюрьме. / Помолитесь обо мне». «Мужем», как известно, Ахматова всю жизнь называла лишь Н. Гумилева.

Почему же в колыбельной о тихом Доне возникает образ Н. Гумилева? Почему именно образ Дона подготавливает появление образа Н. Гумилева в поэме?

На обороте фотокарточки, присланной Н. Гумилевым в 1914 г. с фронта, рукой поэта записаны две поэтические строфы. Одна из них – блоковская, из цикла «На поле Куликовом», другая принадлежит самому Н. Гумилеву. Текст этой записи приводит П. Лукницкий:

«Анне Ахматовой.
Я не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна...
Помяни ж за раннюю обедней
Мила-друга, тихая жена!

А. Блок

8 октября 1914 г.

Но, быть может, подумают внуки,
Как орлята, тоскуя в гнезде,
– Где теперь эти сильные руки,
Эти души горящие, где!

Н. Гумилев

«Куры и гуси!» [Лукницкий 1997: 324–325].

По воспоминаниям Э. Герштейн, во время свидания в тюрьме Л. Н. Гумилев, уже прощаясь с матерью, процитировал именно эти, написанные его отцом на фотографии, строки Блока [Герштейн 1993: 145], напомнив таким образом и о других – принадлежащих Н. Гумилеву. Без сомнения, прав Р. Тименчик, утверждая, что «блоковская цитата в устах заключенного Л. Гумилева была цитатой и из его отца» [Тименчик 1994: 215]. Этот факт как раз и помогает понять, почему образ Н. Гумилева возникает в поэме Ахматовой именно через блоковский контекст, почему колыбельная «Реквиема», будучи тесно связанной со стихотворением Блока «Мы, сам-друг, над степью в полночь встали...», заканчивалась упоминанием о Гумилеве: «Муж в могиле, сын в тюрьме...», соединяя к тому же в одном контексте судьбы отца и сына.

Совмещение строф из стихотворений Гумилева и Блока на обороте фронтовой фотографии – «переключка» и пересечение «двух голосов» в точке 1914 г. – разумеется, имело символический смысл. Именно в результате такого наложения семантических полей и возникла колыбельная «Реквиема» с ее образом тихого Дона и финальными строчками о муже и сыне. Однажды совпавшие два поэтических голоса совпали и еще раз, через 24 года, – при прощании Л. Гумилева с матерью во время тюремного свидания, чтобы затем уже окончательно слиться – в контексте «Реквиема». Контаминируя в семантическом пространстве поэмы «вечные образы» культуры (и «вечные образы» своего текста), Ахматова тем самым обозначает истинный масштаб созданного ею обобщения.

Диалектику взаимодействия эпического и лирического, исторического и личного, лирического «я» и истории, суть их взаимопроникновения в «Реквиеме» очень точно сформулировал В. Н. Топоров: «“Личное” и “историческое” оказываются двумя ипостасями или состояниями чего-то единого, различающимися тем, что на одном полюсе – история, переживаемая лично и лично, на другом – такая же “историзованная” личность, через которую проходят все флюиды истории, то Я, которое, как магнит, притягивает к себе все историческое, им страдает и им строится и растет. Но по мере исторификации “личного” субъективизируется, пронизывается стихией личного и сама история, приобретая те черты, которые присущи личности, и те смыслы, которые можно назвать экзистенциальными» [Топоров 1989: 14].

Любая поэма Ахматовой воспринимается исследователями как развертывание некоей культурной парадигмы, где «чужое слово» регулирует и провоцирует многие семантические процес-

сы. Так – через лирическое «я», вобравшее в себя все звучащие «голоса», – в каждой из рассмотренных поэм выходит Ахматова на тот уровень обобщения, который и позволяет говорить о «принципиально новом решении проблемы эпического» [Топоров 1989]. Так – через введение в ткань повествования «вечных образов» поэзии, через «оживление» культурного фона «Реквиема», через «озвучивание» диалога времен и культур – воплощается в ахматовской поэме уникальный вариант сопряжения лирического и эпического, личностного и исторического. И, несомненно, далеко не последнюю роль играет в этом отчетливо проявленный в каждом произведении Ахматовой подтекст поэзии Николая Гумилева.

Примечания

¹ Ахматова А. А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лаг, 1998. Т.3. 768 с. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номеров тома и страницы в круглых скобках.

² Гумилев Н. С. Собрание сочинений: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1991. Т. 2. 416 с. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номеров тома и страницы в круглых скобках.

³ О символике «пограничных» образов в поэзии послереволюционной поры см.: Бурдина С. В. Парадоксы хронотопа в «Реквиеме» А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 6. С. 60–66; Бурдина С. В., Мокрушина О. А. О семантике образов «зимнего ряда» в поэзии А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1(7). С. 95–100.

⁴ Ср. эту мысль со сходным наблюдением Р. Райт-Ковалевой: «“Царское Село”, “Фонтанный Дом” – все это были понятия не географические, а поэтические, и жить там – значило жить в стихах, а не в стенах» [Райт-Ковалева 1966: 58].

Список литературы

Ахматова А. А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лаг, 1998. Т. 3. 768 с.

Ахматова А. А. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). Москва – Турин: «Giulio Einaudi editore», 1996. 873 с.

Бурдина С. В. Парадоксы хронотопа в «Реквиеме» А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 6. С. 60–66.

Бурдина С. В., Мокрушина О. А. О семантике образов «зимнего ряда» в поэзии А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1(7). С. 95–100.

Герштейн Э. Лишняя любовь. Сцены из московской жизни // Новый мир. 1993. № 12. С. 139–174.

Гумилев Н. С. Собр. соч.: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1991. Т. 1. 416 с.

Зобнин Ю. В. «Заблудившийся трамвай» Н. С. Гумилева (к проблеме дешифровки идейно-философского содержания текста) // Русская литература. 1993. № 4. С. 176–192.

Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка (поэтический мир Н. С. Гумилева) // Гумилев Н. С. Лирика. Минск: Литература, 1998. 480 с.

Коваленко С. А. Поэмы и театр Анны Ахматовой // Ахматова А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. С. 387–462.

Кроль Ю. Л. Об одном необычном трамвайном маршруте («Заблудившийся трамвай» Н. С. Гумилева) // Русская литература. 1990. № 1. С. 108–218.

Куликова Е. Ю. Пространство и динамический аспект в лирике акмеистов. Новосибирск, 2011. 530 с.

Лукницкий П. Н. Асумiana. Встречи с Анной Ахматовой: в 2 т. Т. 2. 1926–1927. Париж; М., 1997. 541 с.

Полтавцева Н. Г. Анна Ахматова и культура «серебряного века» («Вечные образы» культуры в творчестве Анны Ахматовой) // Ахматовские чтения. Вып. 1: Царственное слово. М., 1992. С. 41–58.

Райт-Ковалева Р. Я. Встречи с Ахматовой: (Воспоминания) // Литературная Армения. 1966. № 10. С. 54–62.

Тименчик Р. Д. К символике трамвая в русской поэзии // Труды по знаковым системам. XXI. Тарту, 1987. С. 135–143.

Тименчик Р. К генезису ахматовского «Реквиема» // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 215–216.

Топоров В. Н. Об ахматовской нумерологии и менологии // Анна Ахматова и русская культура XX века: тез. конф. М., 1989. С. 6–14.

Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой. М., 1991. 383 с.

Rusinko E. Lost in Space and Time: Gumilev's “Zabludivsiysya Tramvai” // Slavic and East European Journal. 1982. № 4, vol. 26. P. 383–402.

Slivkin E. The last stop of the death machine: an att empt at a rational reading of “The runaway streetcar” by N. Gumilev // Slavic and East European Journal. 1999. Vol. 43, № 1. P. 137–155.

References

Akhmatova A. A. *Sobr. soch. v 6 t.* [Collected Works in 6 vols.]. Moscow, Ellis Luck Publ., 1998, vol. 3. 768 p. (In Russ.)

Akhmatova A. A. *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoy (1958–1966)* [Anna Akhmatova's notebooks (1958–1966)]. Moscow – Turin, Giulio Einaudi Editore, 1996. 873 p. (In Russ.)

Burdina S. V. Paradoksy khronotopa v «Rekvieme» A. Akhmatovoy [Chronotopos Paradoxes in “Requiem” by A. Akhmatova]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2009, issue 6, pp. 60–66. (In Russ.)

Burdina S. V., Mokrushina O. A. O semantike obrazov «zimnego ryada» v poezii A. Akhmatovoy [On the semantics of the “winter” line images in A. Akhmatova’s poetry]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 1(7), pp. 95–100. (In Russ.)

Gerstein E. Lishnyaya lyubov. Stseny iz moskovskoy zhizni [Excessive love. Scenes from Moscow life]. *Novyy mir* [The New World], 1993, issue 12, pp. 139–174. (In Russ.)

Gumilev N. S. *Sobr. soch. v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Moscow, 1991, vol. 1. 416 p. (In Russ.)

Zobnin Yu. V. «Zabludivshiysya tramvay» N.S. Gumileva (k probleme deshifrovki ideyno-filosofskogo sodержaniya teksta) [“The lost tram” by N.S. Gumilev (to the problem of decoding a text’s content (ideas and philosophy)). *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1993, issue 4, pp. 176–192. (In Russ.)

Ivanov V. V. Zvezdnaya vspyshka (poeticheskiy mir N. S. Gumileva) [Stellar flare (the world of N. S. Gumilev’s poetry)]. *Gumilev N. S. Lirika* [Gumilev N. S. Lyrics]. Minsk, Literatura Publ., 1998. 480 p. (In Russ.)

Kovalenko S. A. Poemy i teatr Anny Akhmatovoy [Anna Akhmatova’s Poems and theatre]. *Akhmatova A. Sobr. soch.: v 6 t.* [Akhmatova A. Collected Works in 6 vols.]. Vol. 3, pp. 387–462 (In Russ.)

Krol’ Yu. L. *Ob odnom neobychnom tramvaynom marshrute* («Zabludivshiysya tramvay» N. S. Gumileva) [About one unusual tram route (on the material of N. S. Gumilev’s poetry)]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1990, issue 1, pp. 108–218. (In Russ.)

Kulikova E. Yu. *Prostranstvo i dinamicheskiy aspect v lirike akmeistov* [Space and the dynamic

aspect in the Acmeists’ lyrics]. Novosibirsk, 2011. 530 p. (In Russ.)

Luknitskiy P. N. *Acumiana. Vstrechi s Annoy Akhmatovoy. V 2 t.* [Meetings with Anna Akhmatova in 2 vols. 1926–1927]. Paris, Moscow, 1997. 541 p. (In Russ.)

Poltavtseva N. G. Anna Akhmatova i kul’tura «serebryanogo veka» [Anna Akhmatova and the culture of the “Silver Age”]. *Akhmatovskie chteniya*. [Akhmatova’s readings]. Moscow, 1992, issue 1. Tsarstvennoe slovo [Queenly word], pp. 41–58. (In Russ.)

Rayt-Kovaleva R. Ya. *Vstrechi s Akhmatovoy: (Vospominaniya)* [Meetings with Anna Akhmatova]. *Lit. Armeniya*. [Literary Armenia], 1966, issue 10, pp. 54–62. (In Russ.)

Timenchik R. D. K simbolike tramvaya v russkoy poezii [To the symbolism of a tram in Russian poetry]. *Trudy po znakovym sistemam* [Works on symbolic systems]. XXI. Tartu, 1987, pp. 135–143. (In Russ.)

Timenchik R. *K genezisu akhmatovskogo «Rekviema»* [To genesis of “Requiem” by Akhmatova]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 1994, issue 8, pp. 215–216. (In Russ.)

Toporov V. N. Ob akhmatovskoy numerologii i menologii [Numbers and menology of Akhmatova]. *Anna Akhmatova i russkaya kul’tura 20 veka: Tez. konf.* [Anna Akhmatova and Russian culture of the 20th century: Conference proceedings]. Moscow, 1989, pp. 6–14. (In Russ.)

Heijt A. *Anna Akhmatova. Poeticheskoe stranstvie. Dnevnik, vospominaniya, pisma A. Akhmatovoy* [Anna Akhmatova. Poetical trip. A. Akhmatova’s diaries, memoirs and letters]. Moscow, 1991. 383 p. (In Russ.)

Rusinko E. Lost in Space and Time: Gumilev’s “Zabludivshiysya Tramvay”. *Slavic and East European Journal*, 1982, vol. 26, issue 4, pp. 383–402. (In Eng.)

Slivkin E. The last stop of the death machine: an attempt at a rational reading of “The runaway street-car” by N. Gumilev. *Slavic and East European Journal*, 1999, vol. 43, issue 1, pp. 137–155. (In Eng.)

IMPLICATIONS OF GUMILEV'S WORKS IN POETRY BY A. AKHMATOVA

Svetlana V. Burdina

Professor in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614000, Russian Federation. swburdina@rambler.ru

SPIN-code: 3865-3401

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2926-9463>

ResearcherID: Q-7810-2017

Submitted 19.10.2017

Each of Akhmatova's poems considered in the article (*Right by the Sea*, *Way of All the Earth*, *Requiem*) is a unique example of expansion of a certain cultural paradigm, where the other's words regulate and provoke many semantic processes. Reconstructing a dialogue of the two significant figures of the era, the author of the article systematizes the "layer" of Gumilev's works receptively presented in the poems by Akhmatova.

The role of the major pretext of the poem *Way of All the Earth* by Akhmatova – the poem by Gumilev *The Lost Tram* – is analyzed. The involvement of Gumilev's text into Akhmatova's poem brightly reveals the main concept of the poem – a paradoxical correlation of the live and dead, real and unreal, present and past, helps to recreate a complete picture of life of the era of transition, to express symbols of the border between life and death, absurdity of life. Making an attempt to realize that the image of the poet is introduced geographically into *Requiem*, penetrated by allusions to Gumilev's works, the author of the article reconstructs a chain of geographical names referring to the poet's biography: St. Petersburg, Tsarskoye Selo, the Neva, the Don, the Yenisei. It is proved that all of them are a peculiar code, a semantic key to reading a chapter or a part of the poem.

New implications of Gumilev's works, which have not been considered by researchers, come to light. It is suggested that the first attempt of Akhmatova to creatively rethink Gumilev's text was connected with the early poem by Akhmatova *Right by the Sea* (1914), with Gumilev's poem *The Ship* (1907) being one of its literary sources. It is shown that in each poem by Akhmatova, signs of Gumilev's text decode Akhmatova's works at least at two levels: biographic and literary itself, helping to comprehend more precisely and fully the scale of the artistic generalization created by the author, to see new accents and aspects, essential for reading her poetry.

Key words: intertext; poem; author; Silver Age; image.

УДК 821.111

doi 10.17072/2037-6681-2018-1-88-97

ИДИЛЛИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В ПОЭЗИИ А. Э. ХАУСМЕНА

Ирина Ивановна Волошиновская

аспирант отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН

121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 5а. post.to.irina@gmail.com

SPIN-код: 4017-6400

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9708-3065>

ResearcherID: S-7001-2017

Статья поступила в редакцию 05.12.2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Волошиновская И. И. Идиллические аспекты организации пространства в поэзии А. Э. Хаусмена // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 88–97. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-88-97

Please cite this article in English as:

Voloshinovskaya I. I. Idillicheskie aspetky organizatsii prostranstva v poezii A. E. Khausmena [The Idyllic Space in the Poetry of A. E. Housman]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 1, pp. 88–97. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-88-97 (In Russ.)

Исследование посвящено анализу идиллических аспектов организации пространства в поэзии Альфреда Эдварда Хаусмена в контексте традиционных идиллических топосов и проблемы английскости. В ходе анализа привлекаются произведения поэтов-современников Хаусмена: Т. Харди, Р. Брука, Р. Олдингтона, Т. С. Элиота. Автор статьи показывает, каким образом в стихотворениях функционируют известные со времен Феокрита и Вергилия идиллические компоненты пространства и как поэт встраивает свой художественный мир в мир античной идиллии. Выделены и характерные для эпохи, и свойственные поэзии Хаусмена способы работы с идиллическим пространством. Один из важнейших аспектов – использование гидронимов. Они отвечают за поддержание идиллического баланса реального и идеального. Их этимология обнаруживает скрытую пространственную пару оппозиций «светлый / темный» с преобладанием компонента «светлый», что не только характеризует пространство в стихотворениях, но и актуализирует идиллические топосы рек в качестве маркеров оппозиции и двойничества Шропшира и всей Англии. Поэт демонстрирует несомненную принадлежность топосов идиллического пространства к национальной концептосфере.

Противопоставление сельского пространства городскому на основе оппозиции «статика / динамика» реализует заложенную в термине «идиллия» этимологию статичности и коннотацию, сопряженную с семантическим рядом «покой – гармония – одновременность». Идиллическое столкновение городской жизни и культуры с идеалом природной естественности и простого быта приводит и к невозможности сохранения идиллии (так же будет у поэтов-модернистов), и к стремлению сохранить идиллический мир первозданным, «запечатать» его (как у поэтов-эдвардианцев и георгианцев). Идиллическая близость живого и мертвого в сочетании с поэтикой переменчивости позволяет на пространственном уровне проявиться идиллической непрерывности жизни.

Ключевые слова: английская поэзия рубежа XIX–XX вв.; А. Э. Хаусмен; «Шропширский паренек»; идиллия; идиллическое пространство.

Английский поэт Альфред Эдвард Хаусмен (Alfred Edward Housman, 1859–1936) не принимал участия в громких литературных событиях рубежа XIX–XX вв. Его жизнь проходила в отрыве от модных поэтических сообществ в ученой среде Кембриджа и Оксфорда, и он обращал на себя внимание скорее эксцентричностью «устаревших», по мнению его коллег, суждений о поэзии и замкнутым видом, чем стихами, которых было немного, и только половина из них стала известна при его жизни. Однако внимание публики к его первой книге «Шропширский паренек» (*A Shropshire Lad*, 1896), на которой основана его поэтическая репутация, постепенно возрастало и не ослабевает до сих пор. Стихи его неоднократно перекладывались на музыку (А. Сомервелл, Дж. Баттерворт, С. Барбер и др.). Отдельные строки, целые стихотворения, а также сама фигура Хаусмена возникают в произведениях других авторов (Э. М. Форстер, Т. Стоппард, У. Ле Гуин, С. Рушди и др.). В своей поэзии Хаусмен создает одновременно панорамный и очень интимный образ Англии, который по сей день не привлекает пристального внимания отечественных литературоведов при всей сегодняшней актуальности имагологических исследований.

В британском литературоведении большая часть монографических работ о Хаусмене – это биографии, которые обращаются к стихам поэта как к иллюстрации определенного момента его жизни или черты характера. Таковы, например, работы Дж. Л. Уотсона «А. Э. Хаусмен: жизнь, разделенная пополам» [Watson 1957], М. М. Хоукинса «А. Э. Хаусмен: человек за маской» [Hawkins 1958], Р. П. Грейвза «А. Э. Хаусмен: поэт и ученый» [Graves 1979].

Среди исследований творчества поэта необходимо особо отметить работы известного хаусменоведа Б. Дж. Леггетта. В книге «Поэтическое искусство А. Э. Хаусмена: теория и практика» [Leggett 1978] он рассматривает поэзию Хаусмена в свете его литературоведческих воззрений, а также останавливается на композиционных принципах, отсылающих к «Песням невинности и песням опыта» У. Блейка. Говоря о «маске» лирического героя, Леггетт упоминает пасторальность, которая является для него синонимом идиллическости [Leggett 1978: 113]. В ранней работе «Тема и структура в “Шропширском паренке” Хаусмена» Леггетт уделяет внимание теме переменчивости как организующей сборник [Leggett 1965].

Несмотря на обилие работ о Хаусмене на его родине, работ об идиллическом аспекте пространства его стихов и, шире, о пространстве вообще нет. В отдельных статьях затрагиваются близкие к этой проблеме темы, но происходит

это побочно и основное внимание исследователи уделяют другим аспектам. Такой характер носит, например, статья Э. Бриза «Ни к Тиму, ни к Корву, ни к Северну», из которой можно извлечь ценные сведения об используемых Хаусменом топонимах, однако Бриза больше занимает этимология, а не осмысление топонимов в художественном мире Шропшира.

Из недавно опубликованных монографий для данной работы особое значение имеют еще две книги: «Страна Хаусмена» П. Паркера [Parker 2016] и «Хаусмен и Гораций» Р. Гаскина [Gaskin 2013]. Гаскин сопоставляет стихи Хаусмена и оды Горация, останавливаясь на сходствах и различиях на разных уровнях: тематическом, философском, формальном. Паркер пишет о связи творчества Хаусмена и мифа о «зеленой Англии» [Parker 2016: 529]. Хотя автор почти не предлагает анализа стихов, он помещает Англию Хаусмена в контекст произведений, созданных его современниками (Т. Харди, Дж. Мейсфилдом, Э. Томасом и др.), и рядом с Англией Шекспира, Вордсворта, сестер Бронте. Большая часть книги посвящена широкому социально-политическому, историческому и культурному контексту, который не столько проясняет идиллический компонент самих произведений Хаусмена, сколько реконструирует их реальной фон.

В России фактически единственной работой о Хаусмене остается небольшая глава из книги В. В. Хорольского «Поэзия Англии и Ирландии на рубеже XIX–XX веков» 1991 г. В ней Хаусмен рассматривается как представитель неоклассицизма в рамках реалистической художественной системы, а пасторальность упоминается лишь как внешний фон [Хорольский 1991].

Значение пространственной организации в поэзии Хаусмена задано уже в заглавии его первого сборника «Шропширский паренек». Изначально поэт задумал другое название: «Poems by Terence Heresay», что дословно может быть переведено как «Стихи Теренса, известного только по слухам», а литературно – «Стихи Теренса Неизвестного», так как после имени собственного «Terence» существительное «Heresay», написанное с прописной буквы, тоже становится именем собственным – фамилией или прозвищем. Так акцент был перенесен с тематической пары «стихи/герой» на пару «местность / герой». В окончательном варианте заглавия герой уходит на второй план по сравнению с самим Шропширом: пропадает его имя, а вместо «фамилии», которая хотя и несет в себе сему неопределенности, является опознавательной чертой героя, возникает безликий неопределенный артикль «a», имеющий значение «один из», который становится единственной характеристикой героя в заглавии.

При чтении немногочисленных книг поэта можно заметить, что все они связаны. Это объясняется тем, что большинство стихотворений было написано во время работы над «Шропширским паренком» или «Последними стихами» (*Last Poems*, 1922). Л. Хаусмен, брат А. Э. Хаусмена, опубликовал после его смерти индекс его записных книжек, по которому выявляется следующая тенденция: стихи, написанные для первого сборника, но не вошедшие в него, Хаусмен включает в «Последние стихотворения», а те, что не попали и туда, были изданы его братом. В совокупности с общностью мотивов, тем, настроением и стиля это позволяет рассматривать весь массив стихов как единое концептуальное пространство Шропшира, зародившееся еще в первой книге.

Выбор Хаусменом Шропшира местом действия своих произведений неожидан. Биографы спорят по поводу того, посещал ли он этот регион до написания большей части двух своих первых книг, однако известно, что он активно расспрашивал о Шропшире тех, кто прекрасно знал эту местность [Haynes 2011: 110]. Это не только показывает, как важно было для Хаусмена совместить в стихах свое художественное видение Шропшира и фактический Шропшир, но и усиливает границу между автором и лирическим героем стихотворений. Так возникает характерная для идиллической поэзии точка зрения на пространство «с известного расстояния», о котором в своем исследовании английской пасторали пишет Е. П. Зыкова [Зыкова 1999: 11].

Уже античные поэты перемещают реальные горы и реки в создаваемый воображением мир. Сицилия Феокрита и Аркадия Вергилия предстают перед читателем во всей конкретности своей географии. Хаусмен следует их примеру, привлекая всевозможные топонимы, как это происходит в стихотворении номер L из сборника «Шропширский паренек»:

In valleys of springs of rivers,
By Ony and Teme and Clun,
The country for easy livers.
The quietest under the sun...
[Housman 1917: 54]

Построчный перевод: «В долинах истоков рек, / Вдоль Они, и Тима, и Клана, / Страна для беззаботных людей, / Самая тихая под солнцем». Шропшир представлен и как «долина истоков рек», т. е. «начало всех начал», и как «долина речных ручьев» благодаря двойному смыслу словосочетания «springs of rivers», где «spring» – это и источник, и ручей или родник. Ручьи дополняют природную картину, полную тишины и покоя. Это элемент характерного для идиллии

топоса «locus amoenus», воссоздающего хронотоп «райского сада» (его описывает Э. Р. Курциус) [Curtius 1953: 195]. Вместе с тем пространство Шропшира поэт репрезентирует как географически реальное, реализуя важнейшую еще со времен античных идиллий внутренне присущую идиллической поэзии возможность сбалансировать реальное и идеальное [Зыкова 1999: 14].

В стихотворении XXXVII из сборника «Шропширский паренек» герой, прощаясь со Шропширом, упоминает три реки: Тим, Корв и Северн. Э. Бриз задается вопросом об этимологии данных топонимов, так как полагает, что Хаусмен-филолог, обращавший внимание на этимологию при работе с античной поэзией, мог перенести эту «технику» в свои стихи. Северн («Severn», *sabrinnā), название одной из крупнейших рек Шропшира, имеет кельтское происхождение, восходящее к санскритскому «sabara», «молоко». Тим – также кельтского происхождения и означает либо «текущая», либо «темная». Корв («Corve») через валлийское «corf», «лука седла», восходит к латинскому «corbis», корзина или колесница [Breeze 2010: 154–156]. Река Тим через единую этимологию становится двойником Темзы, а Шропшир, следовательно, двойником всей Англии, также приобретающей черты идиллического пространства.

При этом Шропшир для Хаусмена олицетворяет не «темная река» Тим, а белая «молочная река» Северн. Данные колоремы с их типичными для западноевропейской культуры коннотациями усиливают значение Шропшира как идиллического пространства.

Е. А. Балашова говорит о «компромиссе земного и небесного» в идиллии, когда небесное постигается через земное [Балашова 2015: 101]. В поэзии Хаусмена можно обнаружить соответствие этих рек небесным элементам. Компетентность Хаусмена в астрономии была широко известна [Cartwright 2011: 61], поэтому ожидаемо, что небесные тела не только выступают у него как самостоятельные образы, но и могут быть «спрятаны» за другими элементами. Основная река Шропшира Северн – «молочная» – млечный путь, Корв – «колесница» – созвездие Колесницы (или в более привычном варианте Большая Медведица). Тим – «темная река» – Великий Провал (The Great Rift), который называют еще Темной Рекой (The Dark River).

Шиллер в работе «О наивной и сентиментальной поэзии», суммируя мысль об идиллии, сформированную еще в XVIII в., отмечал другую не менее важную черту идиллии – противопоставление двух пространств, – городского и сельского, где с городом связаны идеи о культуре и разрозненности, а с сельской местностью –

представления о повседневной жизни простых людей [Шиллер 1957: 440].

В стихотворении XLI из «Шропширского паренька» именно в таком смысле Лондон противопоставлен сельскому Шропширу:

In my own shire, if I was sad
Homely comforters I had:
The earth, because my heart was sore,
Sorrowed for the son she bore;
[Housman 1917: 58–59]

Построчный перевод: «В моем родном графстве, если мне было грустно, / Безыскусные утешители у меня были: / Земля, так как мое сердце болело, / Грустила о сыне, которого она родила».

Об органическом единении героя с самой землей и «приращенности» к родному краю писал Бахтин, говоря об идиллическом хронотопе [Бахтин 2000: 157–158]. Несколько в другом ракурсе это свойство идиллии описывает Е. П. Зыкова: «В художественном мире буколик... счастье и несчастье зависят от того, насколько гармонично его [человека] стремления и страсти сочетаются с общими законами жизни природы» [Зыкова 1999: 12]. Такая ситуация бытийного и эмоционального самоопределения через природу наблюдается здесь и в других стихах поэта.

Стихотворение разделено на две равные по объему строфы. Первая часть представляет особенности жизни в Шропшире: гармония с природой и друзья вокруг. Вторая часть – жизнь в Лондоне: всюду недоброжелатели и несчастье.

Реализуется семантика самого слова «идиллия», которое, по одной из версий, означает «картинка» [Гаспаров 1987: 114] – природа замирает, как на холсте. Не только происходит противопоставление хаотического городского пространства упорядоченному сельскому, но также актуализируются признаки динамики и статики, соответствующие в данном случае городу и деревне.

Whether in the woodlands brown
I heard the beechnut rustle down, <...>
And like a skylit water stood
The bluebells in the azured wood.
[Housman 1917: 59]

Построчный перевод: «В багряном ли лесу / Я слышал шелест падающего букового ореха, / Или разбросанный далеко по полям Мая/ Луговой сердечник, белея, лежал. / И словно освещенная небом вода стояли/ Колокольчики в лазурном лесу».

Возможность уловить ухом шелест падающего с дерева ореха показывает полное отсутствие движения воздуха. Природа сравнивается со стоячей водой («like a ... water stood»), в которой отражается небо («skylit»), вследствие этого про-

исходит экзистенциальное единение земли и небес – частый для Хаусмена мотив – и неподвижность становится абсолютной.

Во второй «городской» строфе нет пейзажа. Единственный элемент фона, который предлагает поэт, – улицы Лондона («London streets»). Природе, стремящейся к застывшему состоянию в первом отрывке, противопоставляется движение множества безликих людей. В отличие от деревьев и цветов, каждый из которых назван (бук, крокус, луговой сердечник, колокольчики), фигуры людей изображены с помощью существительного «люди» и местоимений «многие», «они», «эти» в значении «они» («men», «many», «these», «they»), причем более «очеловеченное» существительное «люди» использовано один раз, в то время как местоимение «они» постоянно повторяется. Люди в городе разобщены. И одновременно с этим «они» сливаются в одно существо. К сожалению, в русском переводе пропадает форма единственного числа «глаз» («in many an eye»), которая помогает создать образ не просто назойливого множества глаз, но и единства наблюдающих в одном зрачке. Если раньше герой наблюдал мир природы вокруг («I see», «I hear» – «я вижу», «я слышу»), то теперь городское пространство активно изучает его в ответ.

В городе Хаусмена покой невозможен, так как единственный способ вырваться из хаоса – это упасть за смерть или от усталости («till they drop» – пока они не упадут), сменив пространство города на пространство сна или смерти.

Сельская местность у Хаусмена – даже с учетом «циклического времени» идиллии [Бахтин 2000: 158–159], выраженного, например, в смене времен года (в предыдущей строфе можно увидеть пейзаж различных сезонов) – все равно оказывается территорией покоя. Времена года существуют так близко, что сменяют друг друга на соседних дорогах («the seasons range the country roads») – создается эффект их одновременности, что тоже работает на эффект статичности.

Идиллическое противопоставление городской и деревенской жизни не просто в целом, но именно внутри Англии в английской поэзии конца XIX и начала XX в. было поэтической находкой не исключительно Хаусмена, а скорее актуальной тенденцией.

В 1896, когда вышло первое издание «Шропширского паренька», Томасом Харди было написано стихотворение «Вершины Уэссекса» («Wessex Heights»), где местом действия становится конкретная местность:

There are some heights in Wessex,
shaped as if by a kindly hand
For thinking, dreaming, dying on,
and at a crises when I stand,

Say, on Ingpen Beacon westward,
or on Wylls-Neck westwardly,
I seem where I was before my birth,
and after death may be.
[Hardy 1915: 32]

Построчный перевод: «В Уэссексе есть вершины, вылепленные как будто доброй рукой, / Для того чтобы думать, мечтать, умереть на них, и где в переломные моменты я стою, / Скажем, на западе Инкпен-Бикон, или на Уиллс-Нек западнее, / Я ощущаю себя там, где я был до моего рождения, и после смерти могу оказаться».

Наличие топонимов среди идеализированного ландшафта сближает поэтов. Холмы Инкпен-Бикон и Уиллс-Нек (высшая точка Кванток Хиллс в Сомерсете), куда герой Харди приходит в трудные жизненные моменты, соотносимы с холмам Кли (высшая точка Шропшира), которые сочувствуют герою Хаусмена. Топос «начала всех начал», на который у Хаусмена указывали источники рек, воплощается здесь в ощущении героя, что это то место, где он пребывал до своего появления на свет.

Общая идиллическая линия Хаусмена проявляется и во внутренней связи с природой родного края, которая является единственным другом «здесь» и которой герой лишен «там». Уэссекс формально противопоставляется не Лондону, а неким находящимся в низинах землям, что следует понимать не буквально, а скорее метафорически с учетом оппозиции «верх-низ» в значении «хорошо-плохо».

Хотя эдвардианцев, с которыми ассоциировались Хаусмен и Харди, упрекали в эскапизме, поэтические группы, противопоставлявшие себя им, недалеко уходили от них. В стихотворении георгианца Руперта Брука «Старый дом викария, Гранчестер» («The Old Vicarage, Grantchester», 1912) находим описание деревеньки Гранчестер, напоминающее «страну беззаботных людей» Хаусмена: ручей и «святая тишина» («holy quiet»), соотносимая с превосходной степенью тишины («the quietest under the Sun») у Хаусмена.

But Grantchester! Ah, Grantchester!
There's peace and holly quiet there,
[Brook 1919: 157–158]

Построчный перевод: «Но Гранчестер! Ах, Гранчестер! / Там мир и святая тишина». На разных полусах оказываются сначала тихий полусонный Гранчестер и урбанистический Кембридж, а затем Гранчестер и множество других городов и деревень, в каждой из которых находится тот или иной порок, что в итоге приводит к противопоставлению Гранчестера и всей Англии. Хотя Брук не использовал такого обилия топонимов, как Хаусмен и Харди, помимо насе-

ленных пунктов реальным является и сам дом викария, в котором он останавливался.

Другая основополагающая мысль об идиллии, сформулированная еще XVIII в., состоит в том, что в идиллической поэзии город и деревня были связаны не только с представлениями о гармонии и разладе соответственно, но и с идеей о простоте быта, которой противопоставлялась искусственность культуры [Шиллер 1957: 440].

В произведениях Хаусмена упоминаний каких-либо культурных феноменов немного. Дважды его герои говорят о поэзии и оба раза поэзия сравнивается либо с бытовым явлением, либо с природным – пивоварение и цветы (стихотворения LXII и LXIII, сборник «Шропширский паренек»). Это происходит подобно тому, как у Феокрита и Вергилия вещи, которые могут быть отнесены к предметам искусства, всегда имеют бытовое назначение, – например, чаша или прялка, и явно по этому назначению используются.

Особого внимания заслуживает стихотворение номер LI, одно из немногих, где действие целиком происходит в Лондоне. В нем появляется единственный предмет искусства, не имеющий практического смысла. В музее герой «встречает» античную статую:

“Well met”, I thought the look would say,
We both were fashioned far away;
We neither knew, when we were young,
These Londoners we live among”.
[Housman 1917: 78]

Построчный перевод: «Рад встрече», – подумал я, этот взгляд мог бы сказать, / Мы оба были созданы далеко отсюда; / Ни один из нас не знал, когда был молодым, / Этих лондонцев, среди которых мы живем».

Неслучайно античная статуя вызывает отклик у паренька из Шропшира. Именно в античную культуру, в рамках которой зародилась идиллия, встраивает поэт свой идиллический мир. Диалог героя с произведением искусства становится диалогом эпох. Это уже не отстраненный взгляд «снизу вверх» на мраморы Элджина, героя Джона Китса, размышляющего о неизбежной смерти всего, а взаимодействие на равных и, в некотором смысле, дружеское бытовое общение.

Эту линию продолжали и некоторые модернисты. Например, Ричард Олдингтон, который наиболее часто из поэтов английского круга модернистов обращался к образам Античности. В стихотворении «Эрос и Психея» («Eros and Psyche»), опубликованном в 1916 г., он разрабатывает ту же тему, используя идентичный образ: в одном из дворов Лондона герой видит статую Эроса и Психеи [Волошиновская 2014].

Олдингтон выбирает урбанизированные декорации Камден Тауна, не имевшего в то время культурного значения. Его значимость определялась экономически: в период развития железных дорог там был построен вокзал, обеспечивший приток населения [Walford 1878: 309]. На такой вокзал прибывали в Лондон «шропширские паренки».

Сильнейший контраст с почти апокалипсической городской картиной города составляет появляющееся в воображении героя идиллическое пространство с шелестом воды и сценкой мирного существования человека и диких животных, напоминающей о том, как в первой идиллии Феокрита звери оплакивали Дафниса.

They who should stand in a sun-lit room <...>
Carved with leopards and grapes
and young men dancing <...>
Very white against a very blue sky.
[Aldington 1916: 3]

В построчном переводе: «Они, которые должны стоять в залитой солнцем комнате / С вырезанными леопардами и танцующими молодыми людьми; / Под остролистами и кипарисами, / Очень белые на фоне очень голубого неба».

На отличие этого пространства от просто природного указывает необычная сочетаемость с наречием «очень» прилагательных «синий» и «белый». Хотя они позволяют образование степеней сравнения, являясь качественными, градация по степени интенсивности данным способом происходит редко.

Статуя у Хаусмена находится в закрытом пространстве музея. Она «законсервирована», защищена от внешних воздействий. Идиллическое пространство сохранено нетронутым хотя бы в памяти героя. У Олдингтона это пространство нарушено. Его герой смотрит с позиции городского жителя: он не только не пытается «найти общий язык» со статуей, но наблюдает ее отстраненно, сверху вниз (с верха автобуса), и осознает, что она умирает.

Эти два стихотворения показывают поворот, случившийся в модернистском сознании и приведший идиллическое пространство в поэзии к 1922 г. к полному уничтожению, произошедшему после бескомпромиссного поэтического «заявления» Т. С. Элиота в поэме «Бесплодная земля», что нимфы уехали или – возможен и другой перевод – умерли: «The nymphs are departed» [Eliot 1922: 27]. Хотя нимфы у Элиота не предстают в образе скульптуры, они тоже из античного мира идиллии, и их смерть надолго определит преобладание в поэзии деструктивного городского пространства.

В отличие от произведений искусства, деталей быта в поэзии Хаусмена больше, хотя нельзя

сказать, что пространство Шропшира наполнено ими. Особенностью поэтики Хаусмена является сдержанность в детализации. Однако те предметы трудового или домашнего быта, которые выбирает автор, не остаются просто идиллическим антуражем, как это случалось, например, в западноевропейских идиллиях XVIII в., когда придворная жизнь помещалась в идиллические декорации.

Тот факт, что трудовая жизнь выносится на первый план, как нельзя лучше согласуется не только с фундаментальной идеей, лежащей в основе идиллического модуса, но и с общей тенденцией викторианского периода, когда, как пишет Б. М. Проскурнин, «явным становится акцент на деятельности, труде, самостоятельности, отказ от идеологии патернализма», а сами слова «работа», «труд», «созидание» обретают собственную, заключенную в них «магию» [Проскурнин 2017: 199, 123]. Возможно, именно эти черты викторианского культурного сознания породили потребность в реставрации идиллии.

Наиболее часто встречающийся в художественном мире Шропшира предмет – это кровать, которая из бытового образа перерастает в библейский ввиду выбранной поэтом лексической сочетаемости: «ложе из земли» (“bed of earth”), «ложе из плесени» (“bed of mould”), «ложе из праха» (“bed of dust”). В то же время эти образы не теряют и бытовой коннотации: герои Хаусмена осознают место своего упокоения именно так, сравнивая его с кроватью живого человека.

При этом у Хаусмена отсутствует какое-либо упоминание дома, что заметно отличает его от поэтов-современников (Т. Харди, Р. Брук, Ф. С. Флинт). Е. А. Балашова пишет о знаковой роли дома для идиллии [Балашова 2015: 94], который не ограничивается только стенами и формальной конструкцией. У Хаусмена это свойство идиллии проявляется в полной мере, так как весь Шропшир становится домом, в котором на одной из «кроватей» герой находит покой. Благодаря своей «бездомности» жители поэтического Шропшира обретают дом в самом высоком смысле.

Wake: the vaulted shadow shatters,
Trampled to the floor it spanned,
And the tent of night in tatters
Straws the sky-pavilioned land.
[Housman 1917: 6–7]

В построчном переводе: «Проснись: сводчатая тень разбивается, / Придавленная к полу, на которой она простиралась, / И навес ночи в лохмотьях / Рассыпался по земле в небесном павильоне».

У природного пространства в стихотворении «Побудка» («Reveille») есть архитектурные эле-

менты, присущие зданию: пол и небо, как будто нарисованное под потолком крыши-павильона. Пространство стремится одновременно и к закрытости – ночь, тень и небо охватывают его, – и к открытости – утро побуждает героя заглянуть, что находится за дальними холмами и теми, что еще дальше, и еще дальше; звук аллитераций и ритм стиха побуждают идти вперед, за пределы Шропшира. Тем не менее, если из этого пространства выйти, путь обратно закрыт.

The happy highways where I went
And cannot **come** again.
[Housman 1917: 57]

Построчный перевод: «Счастливые дороги, которыми я ходил, / И куда не могу вернуться снова». Нюанс в различии значений глаголов «go» (ходить, бывать) и «come» (прийти, войти) отражает невозможность возвращения в состояние внутренней невинности. На эту особенность обращал внимание Б. Дж. Леггетт, для которого поэзия Хаусмена делится на две «блейковские части», где Шропшир – пространство невинности, а город – опыта [Leggett 2003: 61].

Предсмертная галлюцинация героя, который видит покинутую им родную землю, возвращает его туда, «закругляя» пространство. Е. А. Балашова пишет о «круглом мире идиллии» касательно времени в ней [Балашова 2015: 93], но у Хаусмена круглым в конце концов оказывается и пространство, даже если на первый взгляд путь обратно в Шропшир невозможен.

Идиллия не всегда воплощает исключительно жизнь в отсутствии негативных проявлений, хотя на протяжении истории литературоведения можно было встретить это мнение. Такую позицию отстаивали некоторые отечественные авторы, писавшие об идиллии в XIX в., например, Н. Ф. Остолопов, заявлявший, что идиллия должна состоять из «приятностей» и не быть мрачной [Остолопов 1821: 19]. Стремление воссоздать в идиллии исключительно пространство счастья восходит к появившейся в XVIII в. практике «сентиментальной идиллии» (С. Геснер, И. Г. Фосс и др.).

В то же время возникали и другие точки зрения. Так, П. Е. Георгиевский писал, что в идиллии «не всегда ясное небо», как то может казаться [Георгиевский 1836: 144]. В современных крупных исследованиях идиллии получила развитие именно эта вторая точка зрения. Как замечает И. З. Ламберт, стихи Феокрита полны похоронными песнями, а присутствие смерти создает контраст с пасторальным содержанием, усиливающий у читателя ощущение счастья [Lambert 1976: XIV]. М. М. Бахтин также подчеркивал важную роль единения жизни и смерти для

идиллического хронотопа, когда единство места, где происходит жизнь поколений, сближает колыбель и могилу [Бахтин 2000: 158].

У Хаусмена нет в строгом смысле изображений ни детей, ни стариков. Его типичные герои – это как будто вечно юные “lads” и “lasses” (пареньки и девушки). И все же в пространстве его Шропшира граница между жизнью и смертью чрезвычайно тонка:

Wonder ‘t is how little mirth
Keeps the bones of man from lying
In the bed of earth.
[Housman 1917: 25]

В построчном переводе: «Удивительно как немного радости / Удерживает кости человека от того, чтобы лежать / В земляной кровати». Стихотворение номер XVII из сборника «Шропширский паренек» посвящено футболу и крикету – простым радостям, удерживающим от смерти человека, чувствующего ее присутствие рядом физически, своими костями.

В работе Б. Дж. Леггетта о теме переменчивости у Хаусмена разбирается множество примеров того, как в его стихах происходят постепенные изменения: от невинности к опыту, от жизни к смерти, от целостности к разрушению [Leggett 1965: 160]. Наблюдаются эти изменения и на уровне пространства: в стихотворении «Рекрут» («The Recruit») образ башни – символ постоянства среди всего преходящего, но и башня, в конце концов, разрушена [ibid: 31].

Тем не менее, если взглянуть на весь сборник «Шропширский паренек», являющийся ядром художественного мира поэта, становится очевидно, что в итоге тема разрушения не доминирует. Постоянным оказывается не только то, что все исчезнет, но и то, что исчезнувшее появится в новом качестве.

В первом открывающем сборник «Шропширский паренек» стихотворении, посвященном золотому юбилею королевы Виктории, над Шропширом загораются огни. Другие стихотворения имеют разную концентрацию света и тени, но к концу сборника в стихотворении номер LX Шропшир погружается во тьму.

Now hollow fires burn out to black,
And lights are guttering low:
<...>
In all the endless road you tread
There’s nothing, but the night.
[Housman 1917: 89]

В построчном переводе: «Теперь полые огни выгорели дотла, / И свет оплывает низко: / На всем бесконечном пути, где ты идешь, / Нет ничего, кроме ночи». Зажженные в первом стихотворении огни окончательно гаснут, до конца

остаётся всего три стихотворения, когда в последнем вдруг опять появляется свет. Это уже не огни праздника, а скромные звезды-цветы, которые будут каждый год возникать снова и дарить людям внутренний свет. Характерная для идиллии тема конечности века отдельного человека в сочетании с общей непрерывностью жизни [Балашова 2015: 243] маркируется пространственными константами.

Таким образом, пространство поэтического Шропшира в поэзии А. Э. Хаусмена обнаруживает спектр черт, свойственных идиллическому пространству: совмещение идеализированного с реальным географическим; противопоставление сельского пространства городскому на основе оппозиций гармония / разобщенность и простота быта / культура; слияние героя с природой вокруг; стремление пространства к статичности, в том числе через цикличность времени и конечность человеческой жизни; близость жизни и смерти; постижение небесного пространства через земное.

У поэтов-эдвардианцев и георгианцев (Т. Харди, Р. Брук) можно найти ту же тенденцию противопоставления пространства некой выбранной ими местности в Англии и Англии в целом, при этом у Хаусмена идиллический элемент совмещения идеализированного описания с реальным разработан глубже. Поэты-модернисты фиксируют разрушение идиллического пространства (Р. Олдингтон, Т. С. Элиот), иногда заимствуя у Хаусмена не только отдельные образы, но и целые сюжетно-тематические комплексы, хотя акцент на внутрианглийские пространственные отношения замещается у них акцентом на античную составляющую (Р. Олдингтон). Пространство в поэзии Хаусмена становится основой для развития обеих этих линий: и демонстрации разрушения идиллического пространства, и углубления его развития.

Организация идиллического пространства в поэзии Хаусмена дала возможность продлить жизнь идиллии за пределами викторианства; в противном случае идиллия, потеряв актуальность, могла стать архаическим образованием и исчезнуть из поэзии.

Список литературы

Балашова Е. А. Функционирование русской стихотворной идиллии в XX–XXI вв.: вопросы типологии. дис. ... д-ра филол. наук. Калуга, 2015. 625 с.

Бахтин М. М. Идиллический хронотоп в романе // Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. С. 157–167.

Волошиновская И. И. Поэтика античных образов в поэзии Ричарда Олдингтона 1914–1917 го-

дов // Сборник докладов IX Межвуз. конф. молодых ученых по результатам исследований в области педагогики, психологии, социокультурной антропологии. М.: ООДТП «Исследователь»; МПГУ, 2014. С. 86–88.

Гаспаров М. Л. Идиллия // Литературный энциклопедический словарь / под ред. М. В. Коженикова и П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 114.

Георгиевский П. Е. Руководство к изучению русской словесности: в 4 ч. СПб.: Тип. И. Глазункова и Ко, 1836. Ч. 3. 347 с.

Давыдов И. И. Чтения о словесности. Курс третий. М.: Университетская типография, 1838. 348 с.

Зыкова Е. П. Пастораль в английской литературе XVIII века. М.: ИМЛИ-«Наследие», 1999. 249 с.

Проскурнин Б. М. «Накануне людей дела»: новый тип женщины в творчестве Джордж Элиот и И. С. Тургенева // Вестник Пермского университета // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 117–131. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-117-131.

Словарь древней и новой поэзии / сост. Н. Остолопов. СПб.: В типографии Императорской Российской Академии, 1821. Ч. 2. 124 с.

Хорольский В. В. Поэзия Англии и Ирландии рубежа XIX–XX веков. Киев: Наукова думка, 1991. 131 с.

Шиллер Ф. О наивной и сентиментальной поэзии // Шиллер Ф. Собрание сочинений: в 7 т. / под общ. ред. Н. Н. Вильмонта, Р. М. Самарина. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. Т. 6. С. 385–477.

Aldington R. Poems // Some Imagist Poets. Boston; N. Y.: Houghton Mifflin Company, 1916. P. 3–12.

Breeze A. To Theme nor Corve nor Severn Shore // The Housman Society Journal. Bromsgrove: The Housman Society, 2010. Vol. 36. P. 154–157.

Brook R. Collected Poems. N. Y.: John Lane Company, 1919. 168 p.

Cartwright J. Star-defeated Sighs: “Classical cosmology and Astronomy in the Poetry of A. E. Housman” // The Housman Society Journal. Bromsgrove: The Housman Society, 2011. Vol. 37. P. 47–76.

Curtius E. R. European Literature and the Latin Middle Ages. N. Y.: Harper & Row, Publishers, 1953. 659 p.

Eliot T. S. The Waste Land. N. Y.: Boni and Liveright, 1922. 72 p.

Gaskin R. Horace and Housman. N. Y.: Pargrave Macmillan, 2013. 266 p.

Graves R P. A. E. Housman: The Scholar-poet. L.: Henly, 1979. 304 p.

Hawkins M. M. A. E. Housman: A Man Behind Mask. Chicago: Rengery, 1958. 292 p.

Haynes G. The Importance of Housman's Lad // The Housman Society Journal. Bromsgrove: The Housman Society, 2011. Vol. 37. P. 110–120.

Hardy T. Satires of Circumstance. L.: McMillan and Co, Limited, 1915. 232 p.

Housman A. E. A Shropshire Lad. N. Y.: John Lane Company, 1917. 109 p.

Housman A. E. The name and Nature of Poetry. Cambridge: Cambridge University Press, 1933. 20 p.

Housman L. My Brother, A. E. Housman: personal recollections together with thirty hitherto unpublished poems. Washington (N. Y.): Kennikat Press, 1969. 286 p.

Lambert E. Z. Placing sorrows. A study of the Pastoral Elegy Convention from Theocritus to Milton. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1976. XXXIV, 238 p.

Leggett B. J. On Housman's "Songs of Innocence and Experience" // Bloom's Major Poets: A. E. Housman / ed. by H. Bloom. Philadelphia: Chelsea House Publishers, 2003. P. 55–64.

Leggett B. J. The Poetic Art of A. E. Housman. London: University of Nebraska, 1978. 161 p.

Leggett B. J. Theme and Structure in Housman's Shropshire Lad. Gainesville: University of Florida, 1965. 179 p.

Parker P. Housman's Country: Into the Heart of England. L.: Little, Brown Group Book, 2016. 544 p.

Walford E. Old and New London. L.: Cassell and Company, Limited. 1878. Vol. 5. 596 p.

Watson G. L. A. E. Housman: A Divided Life. L.: Hart-Davis, 1957. 235 p.

References

Balashova E. A. *Funktsionirovanie russkoy stikhotvornoy idillii v 20–21 vv.: voprosy tipologii*. Diss. dokt. filol. nauk [The functioning of the Russian poetic idyll in the 20th–21st centuries: the problems of typology. Dr. philol. sci. diss.]. Kaluga, 2015. 625 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Idillicheskiy khronotop v romane* [The idyllic chronotope in the novel]. Bakhtin M. M. *Epos i roman* [Epic and Novel]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000, pp. 157–167. (In Russ.)

Voloshinovskaya I. I. *Poetika antichnykh obrazov v poezii Richarda Oldingtona 1914–1917 godov* [The poetics of antique images in the poetry by Richard Aldington in the period of 1914–1917]. *Sbornik dokladov IX Mezhevuzovskoy konferentsii molodykh uchenykh po rezultatam issledovaniy v oblasti pedagogiki, psikhologii, sotsiokulturnoy antropologii* [Proceedings of the IX Intercollegiate Conference of Young Scientists on the Research Findings in the Fields of Pedagogy, Psychology, Socio-Cultural Anthropology]. Moscow, OODTP "Issledovatel" Publ., MPSU Press, 2014, pp. 86–88. (In Russ.)

Gasparov M. L. *Idillia* [Idyll]. *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [The encyclopedic literary dictionary]. Ed. by M. V. Kozhevnikov, P. A. Nikolaev. Moscow, Sovetskaya Entsiklopedia Publ., 1987. 114 p. (In Russ.)

Georgievskiy P. E. *Rukovodstvo k izucheniyu russkoy slovestnosti v chetyrekh chastyakh* [A guide for studying Russian Literature in four parts]. St. Petersburg, Tipografiya I. Glazunkova i Ko Publ., 1836, vol. 3. 347 p. (In Russ.)

Davydov I. I. *Chteniya o slovesnosti. Kurs Tretiy* [Readings on Literature. Course Three]. Moscow, Universitetskaya Tipografiya Publ., 1838. 348 p. (In Russ.)

Zykova E. P. *Pastoral' v angliyskoy literature 18 veka* [Pastoral in English Literature of the 18th century]. Moscow, IMLI-«Nasledie» Publ., 1999. 249 p. (In Russ.)

Proskurnin B. M. «Nakanune lyudei dela»: noviy tip zhenshchiny v tvorchestve Dzhordzh Eliot i I. S. Turgeneva ["On the eve of the people of action": a new type of woman in the works of George Eliot and I. S. Turgenev]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, issue 3(9), pp. 117–131. (In Russ.)

Slovar' drevney i novoy poezii [The Dictionary of ancient and modern poetry]. Ed. by N. Ostolopov. St. Petersburg, Imperial Russian Academy Press, 1821, vol. 2. 124 p. (In Russ.)

Khorol'skiy V. V. *Poeziya Anglii i Irlandii rubezha 19–20 vekov* [The poetry of England and Ireland at the turn of the 19th–20th centuries]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1991. 131 p. (In Russ.)

Shiller F. *O naivnoi i sentimental'noy poezii* [On naïve and sentimental poetry]. Shiller F. *Sobraniye sochineniy v 7 t.* [A collection of works in 7 vols.]. Ed. by N. N. Vilmont, R. M. Samarin. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1957, vol. 6, pp. 385–477. (In Russ.)

Aldington R. *Poems. Some Imagist Poets*. Boston, New York, Houghton Mifflin Company, 1916, pp. 3–12. (In Eng.)

Breeze A. *To Teme nor Corve nor Severn Shore*. *The Housman Society Journal*. 2010, vol. 36, pp. 154–157. (In Eng.)

Brook R. *Collected Poems*. New York, John Lane Company, 1919. 168 p. (In Eng.)

Cartwright J. *Star-defeated Sighs: "Classical cosmology and Astronomy in the Poetry of A. E. Housman"*. *The Housman Society Journal*. 2011, vol. 37, pp. 47–76. (In Eng.)

Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages*. New York, Harper & Row Publishers, 1953. 659 p. (In Eng.)

- Eliot T. S. *The Waste Land*. New York, Boni and Liveright, 1922. 72 p. (In Eng.)
- Gaskin R. *Horace and Housman*. New York, Palgrave Macmillan, 2013. 266 p. (In Eng.)
- Graves R P. *A. E. Housman: The Scholar-Poet*. London, Henly, 1979. 304 p. (In Eng.)
- Hawkins M. M. *A. E. Housman: A Man Behind Mask*. Chicago, Rengery, 1958. 292 p. (In Eng.)
- Haynes G. The Importance of Housman's Lad. *The Housman Society Journal*. 2011, vol. 37, pp. 110–120. (In Eng.)
- Hardy T. *Satires of Circumstance*. London, McMillan and Co. Limited, 1915. 232 p. (In Eng.)
- Housman A. E. *A Shropshire Lad*. New York, John Lane Company, 1917. 109 p. (In Eng.)
- Housman A. E. *The Name and Nature of Poetry*. Cambridge, Cambridge University Press, 1933. 20 p. (In Eng.)
- Housman L. *My Brother, A. E. Housman: personal recollections together with thirty hitherto unpublished poems*. Washington, Kennikat Press, 1969. 286 p. (In Eng.)
- Lambert E. Z. *Placing sorrows. A Study of the Pastoral Elegy Convention from Theocritus to Milton*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1976. 238 p. (In Eng.)
- Leggett B. J. On Housman's "Songs of Innocence and Experience". *Bloom's Major Poets: A. E. Housman*. Ed. by H. Bloom. Philadelphia, Chelsea House Publishers, 2003, pp. 55–64. (In Eng.)
- Leggett B. J. *The Poetic Art of A. E. Housman*. London, University of Nebraska, 1978. 161 p. (In Eng.)
- Leggett B. J. *Theme and Structure in Housman's Shropshire Lad*. Gainesville, University of Florida, 1965. 179 p. (In Eng.)
- Parker P. *Housman's Country: Into the Heart of England*. London, Little, Brown Group Book, 2016. 544 p. (In Eng.)
- Walford E. *Old and New London*. London, Cassell and Company Limited, 1878, vol. 5. 596 p. (In Eng.)
- Watson G. L. *A. E. Housman: A Divided Life*. London, Hart-Davis, 1957. 235 p. (In Eng.)

THE IDYLLIC SPACE IN THE POETRY OF A. E. HOUSMAN

Irina I. Voloshinovskaya

Postgraduate Student in the Department of European and American Modern Literature

A. M. Gorky Institute of World Literature, RAS

25a, Povarskaya st., Moscow, 121069, Russian Federation. post.to.irina@gmail.com

SPIN-code: 4017-6400

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9708-3065>

ResearcherID: S-7001-2017

Submitted 05.12.2017

The article treats various aspects of the idyllic space and ways of its organization in the oeuvre of Alfred Edward Housman in the context of traditional idyllic topoi and the problem of Englishness. In the course of analysis, a number of works written by Housman's contemporaries are addressed, namely those by T. Hardy, R. Brook, R. Aldington, T. S. Eliot. The author of the article reveals the means by which the idyllic components, common for idylls since the time of Theocritus and Virgil, function in the poetry of Housman, and also describes how the poet embeds the world of his own creation into the world of the antique idyll. Both traditional and individual methods of dealing with the idyllic space are singled out. One of the most prominent aspects is Housman's usage of hydronyms. They are responsible for maintaining the idyllic balance of the real and the ideal. Moreover, their etymology brings out the hidden spatial pair of oppositions "light / dark", in which the "light" component prevails, not only thus initially characterizing the space in the poems, but also actualizing the idyllic river topoi as markers of the opposition and duplicity of the idyllic space of Shropshire and the whole of England simultaneously. Thereby the poet emphasizes the indubitable relation of the topoi of idyllic space to the national conceptsphere. An antithesis between the rural and the urban space based on the opposition of "statics / dynamics" activates the very etymology of the static, lying underneath the term "idyll", and the connotation linked with the semantic group "peace – harmony – simultaneity". The idyllic conflict between the urban life with its culture and the ideal of the natural life with its plain and simple domesticity leads both to the impossibility of keeping the idyll intact (this line gets its development in the poetry of English modernism) and to an endeavor to preserve it primordial (as in the poetry of Edwardian and Georgian poets). The distinctive affinity of the dead and the living allows the idyllic continuity of life to manifest itself on the level of space.

Key words: English poetry of the late 19th – early 20th; A. E. Housman; *A Shropshire Lad*; idyll, idyllic space.

УДК 821.111

doi 10.17072/2037-6681-2018-1-98-103

ЦЕРКОВНАЯ ЛАТЫНЬ В КАРТИНЕ МИРА ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ ХИЛАРИ МАНТЕЛ О ТОМАСЕ КРОМВЕЛЕ

Мария Андреевна Дезорцева

аспирант кафедры литературы и методики обучения литературе

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

454080, Россия, г. Челябинск, просп. Ленина, 69. dezortseva_m@bk.ru

SPIN-код: 4004-2186

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0975-893X>

ResearcherID: N-5592-2017

Статья поступила в редакцию 21.08.2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Дезорцева М. А. Церковная латынь в картине мира исторических романов Хилари Мантел о Томасе Кромвеле // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 98–103. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-98-103

Please cite this article in English as:

Dezortseva M. A. Tserkovnaya latyn' v kartine mira istoricheskikh romanov Khilary Mantel o Tomase Kromvele [Church Latin Language in the Historical Novels by Hilary Mantel]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 1, pp. 98–103. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-98-103 (In Russ.)

Автор статьи обращается к ранее не исследованному языковому аспекту художественной картины мира романной дилогии Х. Мантел «Волчий зал» и «Внесите тела». Предпринимается попытка доказать, что язык в ее романах о Томасе Кромвеле является особым предметом для изучения, поскольку имеет важное значение для исторической концепции писателя. Рассматривая исторические процессы Англии XVI в. как путь становления национального самосознания, Хилари Мантел выстраивает свою иерархию значимости европейских языков в жизни Англии (культурной, экономической, политической). Поэтому отказ от языка римско-католической службы в романах трактуется как один из важнейших элементов культурного и национального самоопределения.

Высказывается мысль о том, что очевидно неодинаковое восприятие героями дилогии латинского языка, а также противостояние латыни, воплощающей старое время, и английского языка как символа новой жизни государства. Мантел, которая считает время Кромвеля временем пересмотра ценностных ориентиров во внешней и внутренней политике страны, ее экономического прорыва, показывает, как теряет сакральность церковная латынь. Подтверждением этому является изменение значимости, сфер бытования и частоты употребления латинского языка. В романах латынь – это официальный язык церкви, она не воспринимается персонажами как «свой», «естественный», «общедоступный» язык, а по ходу повествования и уже к завершению романа все отчетливее проявляется постепенный отказ героев от религиозной латыни – она используется лишь в юриспруденции и медицине, становится языком «комическим», языком театральных представлений, что отражает процессы глубинной трансформации духовно-мировоззренческих оснований средневекового менталитета. Историческая концепция Мантел находит свое место среди наиболее значительных трактовок эпохи Реформации с ее противоречиями, трагедиями и положительными итогами.

Ключевые слова: исторический роман; Хилари Мантел; Томас Кромвель; латынь; Библия; художественная картина мира.

Хилари Мантел – одна из знаковых для современной британской литературы и публицистики писательниц, Дама-Командор ордена Британской империи, являющаяся обладательницей более 20 литературных премий, среди которых «Man Booker Prize» («Букеровская премия») и «Walter Scott Prize» [Hughes 2009]. На своем писательском пути Мантел обращалась к различным литературным жанрам: психологический роман («An Experiment in Love», 1995), биографическая проза («Giving Up the Ghost», 2003), критика, но исторический роман занимает центральное место в творчестве писательницы.

Наибольшую популярность ей принесли романы о Томасе Кромвеле – английском государственном деятеле, советнике Генриха VIII, идеологе Английской Реформации и основоположнике англиканства – это «Волчий зал» («Wolf Hall», 2009) и «Внесите тела» («Bring Up the Bodies», 2012).

Время действия исторических романов Х. Мантел – переломная эпоха, когда произошло «становление национальной самосознательности Англии» [Ерохин 2016: 156], и в нем «важную роль сыграло движение Реформации» [Хачатрян 2012: 57], определившее новый «облик начавшейся эпохи» [Сказкин 1981: 128]. Становление англиканства – часть общеевропейского процесса [Лортц 2000: 384], изначальной задачей которого было «восстановление подлинного христианства», а последствия оказали существенное влияние «на повседневную жизнь и мировоззрение людей того времени» [Трунов 2008: 62].

Одно из важнейших явлений эпохи – вытеснение латыни с позиций ведущего языка культуры: «реформация... проявление национального индивидуализма» [Делюмо 2006: 39], когда «почти повсеместно... появляется убежденное стремление способствовать продвижению местных наречий» [там же: 44], причем «победа национальных языков была связана не только с вершинами интеллектуальной деятельности, ее можно усматривать и в глубинной жизни народов» [там же: 46].

Средневековье было неразрывно связано с латынью уже на уровне названия. Занимавшиеся историей латыни лингвисты разделили эру бытования языка на «золотой век» (классический период до Антонинов (138 г.)), время наибольшего упадка («*infima latinitas*»), последнюю эпоху перед началом возрождения наук и искусств, а все промежуточное время – на среднюю эпоху латинского языка («*media latinitas*»). Затем понятие «*medium aevum*» было перенесено и на общую историю для обозначения тысячелетия, между падением Западной Римской империи и падением Константинополя (или открытием Америки).

С латынью связан и термин «реформация»: «С одной стороны, совершенно очевидно его латинское происхождение. С другой – в латыни оно отсутствует... исходным является слово *forma* (изначально «форма линейная», позднее – «изображение» и, наконец, «красивая внешность», «Красота»). ...Но *re-* – это по преимуществу глагольная приставка, весьма двусмысленная» [Любжин 2005: 96]. Реформация принесла существенное обновление культуры. Изменения, связанные со статусом латинского языка, стали отражением этого обновления.

Английская Реформация представляла собой сложное сочетание политических, экономических, национальных и личных интересов. Разрыв Генриха VIII с Римом способствовал изменению роли церкви в государстве – она стала полностью независима от Рима и совершила переход с латыни на английский язык [Ерохин 2016: 358].

Филологическим итогом реформации стали переводы Библии на английский язык. Сначала среди архиепископов преобладало стремление к тотальному подавлению попыток перевода Священного Писания. Томас Арундел, архиепископ Кентерберийский, запрещал переводить текст Священного Писания, так как считал, что есть большая вероятность исковеркать смысл оригинала, передавая его на другом языке. Когда Англия уже находилась в преддверии Реформации, в полемику вступили Уильям Тиндейл и Томас Мор. В 1529 г. Мор издал свой первый трактат против Тиндела – «Диалог о ересях», в котором доказывал, что его противник подрывает авторитет церкви. Перевод Нового Завета на английский язык, осуществленный Тинделом, Мор считал насквозь тенденциозным и ошибочным, служащим орудием вредной и опасной доктрины. Он полагал, что перевод Писания на английский язык возможен только «при подборе таких переводческих кадров, чья католическая благонадежность находится вне сомнений, с одной стороны, и соответствующем надзоре со стороны церковных властей над процессом создания перевода и его чтением» [Хухуни, Осипова 2015: 4]. У. Тиндейл, отвечая прославленному оппоненту, отстаивал свои переводческие решения. (Заметим, что жизнь обоих закончилась трагично.)

В своих романах Мантел трактует становление Англиканства как один из факторов формирования новой системы общественных отношений в Англии, социокультурного прорыва [Arias 2014: 115]. И одним из главных объектов становления национального самосознания, по мнению Мантел, является национальный язык. Б. М. Проскурнин считает, что «когда мы размышляем о конфликте, лежащем в основе идейно-художественной структуры двух романов о важнейшем периоде

становления современной Англии, мы замечаем, что... характеры и события «пропускаются» через некие общеисторические, сущностные оппозиции. К ним в первую очередь относятся противостояния нового и старого, реального и идеального, практического и визионерского» [Проскурнин 2016: 79]. Поэтому противостояние латыни, воплощающей старое время, и английского языка как символа новой жизни государства особенно важно в ее романах. Эта идея подтверждается в изменении значимости, сфер бытования и частоты употребления латинского языка в романах «Волчий зал» и «Внесите тела».

В первой части дилогии «Волчий зал» латинский язык используется в своем традиционном статусе – официальный язык католической церкви. Сцены чтения молитв и священных литургий в первой части дилогии изобилуют латынью. Например, месса, на которой присутствуют Генрих и Кромвель: «*Te Deu*... As soon as the priest says, *Ita, missa est* he whispers, come to me in my closet, alone» [Mantel 2009: 443]. Однако Пасхальная месса не вызывает благочестия ни в одном из присутствующих: Анна озабочена своими планами, Кромвель думает о дочках, король перебирает бумаги – торжественные латинские строки лишь фон для вершащейся политической интриги. Не только «мера религиозности того или иного персонажа в романе не соотносится напрямую с его человеческими качествами» и религиозность – повод сомневаться в «его нравственных свойствах» [Кабанова 2013: 120], но и многочисленные библейские цитаты создают не столько билингвальный мир романа, сколько становятся ироническим фоном для разворачивающихся придворных игр. Латинские пословицы, расхожие выражения заимствованы из многочисленных сборников изречений, весьма популярных в позднем Средневековье. Латынь не воспринимается как «свой», «естественный», «общедоступный» язык, знание латыни призвано показать элитарность, избранность говорящего. Все звучащие вокруг героев фразы поясняются автором: «*Rex quondam rexque futurus*. The former king is the future king» [Mantel 2009: 276]. «*Nulla salus extra ecclesiam*. Outside the church there is no salvation» [Mantel 2009: 456], поскольку в большом скоплении людей всегда находится тот, кому они непонятны, для кого они чужды.

Библейская латынь в первой части дилогии – единственный официально принятый язык церкви. Центральный персонаж, Томас Кромвель, – выходец из народа, с самого начала позиционируется Мантел как просветитель, безгероично и буднично несущий библейское слово в англоговорящие массы: «Он не раз говорил: Лиз, вот книга Тиндейла, Новый завет, в сундуке, почитай

ее, вот ключ. Она: ну и читай вслух, раз тебе так нравится. Он: Лиззи, это на английском, читай сама, в том-то весь смысл. Прочти и удивись, что ты там найдешь» [Мантел 2011: 22]. В романе «Волчий зал» немало примеров, где церковь безжалостна к книгам, способным сделать сакральное знание общедоступным. Несмотря на всю гуманность, безусловный авторитет в части гармонии морали и практицизма для Кромвеля, кардинал Вулси устраивает аутодафе Библиям на английском языке. Томас Мор, которого мировая история знает как великого гуманиста и просветителя, жесток по отношению распространителю идеи перевода Библии – к Джеймсу Бейнхему. Изображая картины казни, Мантел использует приемы контраста, нагнетания однородных рядов, гиперболу. Например, Мантел с ужасом рисует перед читателем картину, в которой Люди Мора конфисковали имущество Бейнхема, отправили его в подвал, где два дня держали прикованным к столбу, следующие дни били и унижали, но, по словам Кромвеля, «даже это не утолило злобы; вы вновь отослали арестанта в Тауэр и на дыбу, так что к месту сожжения его, чуть живого, несли на носилках» [там же: 116].

Вольнодумство, проявляющееся в отступничестве от латыни, осуждается повсеместно. От ответственности не спасают ни личные связи, ни социальный статус. Анна, держащая в своих покоях Библию на французском языке, подвергается критике: «Может быть, легкое преувеличение... говорят, она держит у себя в покоях Писание на французском и дает его своим служанкам, но я могу и ошибаться. – Король Франциск дозволяет Библию на французском. Думаю, леди Анна начала читать священные книги еще во Франции. – Да, но женщины, как вы понимаете... Женщины, читающие Писание, – еще один источник разногласий» [там же: 134]. Люди же, не имеющие защиты и покровительства высшей власти, расплачиваются за содействие делатинизации жизнями. Так, в романе описывается сожжение священника Томаса Хиттона, арестованного епископом Рочестерским Фишером за контрабандный ввоз тиндейловской Библии. Барристера Бейнхема арестовал и пытал сам Томас Мор за то, что он с Библией Тиндейла в руках вышел на середину церкви и перед всем народом исповедал свою вер: «В Сити говорят, Бейнхема пытали, сам Мор задавал ему вопросы, стоя рядом с палачом, пока тот вращал ворот дыбы, требовал назвать, кто еще в судебных иннах заражен лютеровым лжеучением. Через несколько дней сожгли вместе монаха и кожевника» [там же: 239]. Даже действия Кромвеля в первой части романа весьма осторожны. Показательным является эпизод, в котором Кромвель говорит

Гансу, придворному художнику, что Библия на английском языке у Генриха есть, «просто пока не время ее достать» [Мантел 2011: 176].

Конфликт языков, дискуссия о принципах распространения гуманитарного знания становятся делом жизни и смерти. Лингвистические дискуссии обретают судьбоносность. Они очевидно имеют двойную подоплеку: разрушение традиции расшатывает здание католицизма и угроза власти. Но даже самые циничные из персонажей помнят, что «В начале было слово. И слово был Бог», поэтому лишенный незыблемости церковный ритуал их пугает.

К завершению романа мы видим постепенный отказ героев от религиозной латыни. Генрих настаивает на разводе с Екатериной, а Рим угрожает отлучением его от церкви. Король отвечает тем, что провозглашает себя главой церкви Англии, а правоверный католик Мор платится головой за то, что не признает за ним этого права, не дает требуемой присяги.

По замыслу Кромвеля, английская Библия должна стать доступной верующим в каждом приходе, что приведет к демократизации религии. Теперь каждый сможет прочесть Библию самостоятельно – это укрепит связь языка молитвы с народной культурой.

В истории культуры Реформация получила неоднозначное толкование: Новалис (в эссе «Христианство или Европа») высказывался крайне отрицательно, считая, что счастливое единство католического Средневековья было разрушено Лютером, первым, кто начал разделение христианства на различные языки. По мнению Макса Вебера, религия – вовсе не обязательно консервативная сила, напротив, вдохновленные религией движения часто приводили к глубоким социальным преобразованиям. Так, протестантство, в частности пуританизм, послужило источником капиталистических взглядов, характерных для современного Запада. Мантел же поддерживает высказывания о положительном влиянии Реформации, для нее это своеобразный «шаг вперед» целого государства. Свои убеждения автор передает читателю через образ Томаса Кромвеля, подчеркивая, что в делах Кромвеля не было места ни мстительности, ни ненависти. Им двигало лишь сознание государственной пользы и необходимости в том виде, в каком он их понимал.

По ходу повествования становится очевидным, что ведущими сферами употребления латинского языка становятся право и медицина. Так, латинские фразы то и дело звучат в разговорах Генриха и Кромвеля о финансовых и юридических делах: «I'm not sure you have *locus standi* in the matter» [Mantel 2009: 222]. Будучи связан-

ной с денежно-правовыми вопросами, латынь становится насущно необходимой, а потому «держит внимание», воспринимается со всей серьезностью и важностью. Юриспруденция – относительно новая отрасль ее использования. В речи официальных лиц латынь появляется лишь небольшими ироническими фразами, смягчающими остроту ситуации, поэтому в официальном разговоре с французским послом де Дентвилем Кромвель поощрительно сочувствует: «so *nil desperandum*, monsieur, we shall have some sport» [ibid.: 436], что, впрочем, не мешает им обсуждать вопросы отношения правителей и внешней политики, поскольку «легкая болтовня в устах посла – лишь прелюдия к серьезному разговору» [Мантел 2011: 75].

Во второй части дилогии «Внесите тела» перед нами разворачиваются сцены, наглядно демонстрирующие использование латыни в бытовых ситуациях. Фразы на латинском языке намеренно коверкаются героями для создания комического эффекта. Ярким примером служит эпизод рождественского утра в семье Кромвеля, когда дети разыгрывают сценку про Папу Римского: «He cries "*Mumpsimus sumpsimus, hocus pocus.*" We give him stones for alms. He threatens us with Hell» [Mantel 2012: 127]. «*Mumpsimus sumpsimus, hocus pocus*» – псевдолатинская фраза, которая вошла в русский язык как «фокус-покус», имитирующая произношение слов «*Nos est corpus meum*» (сие есть Тело Мое).

Герои Мантел все меньше употребляют латинский язык, ведущая роль отдана английскому – таким образом автор отражает часть процесса культурного самоопределения нации. В связи с этим роль латинского языка значительно уменьшается и количество персонажей, употребляющих латинский язык, неуклонно снижается. Молодое поколение уже не знает латыни в совершенстве, изучение латыни является лишь отголоском прошлого. Томас Кромвель, рассуждая о своем сыне Грегори, приходит к мысли, что он, безусловно, «славный мальчик, хотя все латинские глаголы, которым его учили, все звучные строки великих авторов он даже и не пытается запомнить» [Мантел 2014: 143]. Таким образом Мантел обращает внимание на тот факт, что молодое поколение Англии, активно реагирующее на все государственные изменения, без сомнения живет новой жизнью. Уже произошли процессы глубинной трансформации духовно-мировоззренческих оснований средневекового менталитета.

Таким образом, в дилогии Хилари Мантел о Томасе Кромвеле отказ от языка римско-католической службы становится элементом культурного и национального самоопределения. Этот процесс происходит посредством снижения

количества богословских латинских текстов, от-каза от Библии на латыни, изменения сферы бы-тования и постепенного полного отторжения ла-тыни и ее замены английским языком.

Список литературы

Делумо Ж. Цивилизация Возрождения. Ека-теринбург: У-Фактория, 2006. 720 с.

Ерохин В. Н. Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой по-ловины XVII в. в современной британской исто-рической науке. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 752 с.

Ивонин Ю. Е. О характере Реформации Ген-риха VIII // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980. Вып. 3. С. 83–93.

Кабанова И. В. Религиозная проблематика в романах Хилари Мартел о Томасе Кромвелле // Философия и культура. 2013. № 2(32). С. 119–122.

Лортц Й. История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей / пер. с нем. Й. Лортца. М.: Новое время, 2000. Т. 2. 579 с.

Любжин А. И. Реформа: слово и дело // Рос-сия в глобальной политике. 2005. Т. 3, № 2. С. 95–100.

Мантел Х. Внести тела / пер. с англ. Е. Доб-рохотовой-Майковой, М. Клеветенко. М.: АСТ: Астрель, 2014. 478 с.

Мантел Х. Волчий зал / пер. с англ. Е. Доб-рохотовой-Майковой, М. Клеветенко. М.: АСТ: Астрель, 2011. 672 с.

Проскурнин Б. М. Историческая диалогия Хи-лари Мартел и «Память Жанра» // Филологиче-ский класс. 2016. Вып. 2. С. 77–83.

Сказкин С. Д. Возрождение, гуманизм, ре-формация // Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М.: Наука, 1981. 298 с.

Трунов А. А. Религиозные и политические ито-ги английской реформации // Актуальные вопро-сы современной науки. 2008. Вып. 2. С. 62–74.

Хачатрян А. С. Специфика Английской Ре-формации // Вестник МГУКИ. 2012. Вып. 2. С. 57.

Хухуни Г. Т., Осипова А. А. Из истории со-здания английской Библии: Полемика между католиками и протестантами в переводах свя-щенного писания // Вестник Московского госу-дарственного областного университета (элек-трон. журн.). 2015. Вып. 2. С. 1–11. URL: <http://vestnik-mgou.ru/vi/Articles/Doc/639> (дата обращения: 13.01.2017).

Штокмар В. В. История Англии в Средние века. Изд. 2-е, доп. СПб.: Алетейя, 2005. 203 с.

Arias R. Exoticising the Tudors: Hilary Mantel's Re-Appropriation of the Past in Wolf Hall and Bring Up The Bodies // Exoticizing the Past in

Contemporary, New-Historical Fiction. 2014. № 11. P. 115–118.

Hughes D. Tudor Tales: Hilary Mantel Reconsid-ers the Life of Thomas Cromwell // New Yorker. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2009/10/19/tudor-tales> (дата обращения: 09.04.2017).

Mantel H. Bring Up The Bodies. London, UK: Fourth Estate, 2012. 568 p.

Mantel H. Wolf Hall. London, UK: Fourth Es-tate, 2009. 765 p.

References

Delumeau J. *Tsivilizatsiya Vozrozhdeniya* [The Civilization of the Renaissance]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2006. 720 p. (In Russ.)

Erokhin V. N. Stanovlenie natsii. Religiozno-politicheskaya istoriya Anglii XVI – pervoy polo-viny XVII v. v sovremennoy britanskoy istoriches-koy nauke [The formation of the nation. Religious and political history of England in the 16th – the first half of the 17th century in modern British historical science]. Moscow, St. Petersburg, Center for initia-tives in the humanities Publ., 2016. 752 p. (In Russ.)

Ivonin Yu. E. O kharaktere Reformatsii Genrikha VIII [On the nature of the Reformation of Henry VIII]. *Problemy sotsialnoy struktury i ideologii srednevekovogo obshchestva* [Problems of the social structure and ideology of medieval society]. Lenin-grad, 1980, issue 3, pp. 83–93. (In Russ.)

Kabanova I. V. Religioznaya problematika v romanakh Khilari Mantel o Tomase Kromvele [Reli-gious problems in Hilary Mantel's novels about Tho-mas Cromwell]. *Filosofiya i kultura* [Philosophy and Culture], 2013, issue 2(32), pp. 119–122. (In Russ.)

Lortz J. *Istoriya Tserkvi, rassmotrennaya v svyazi s istoriey idey* [The history of the Church examined in connection with the history of ideas]. Transl. by J. Lortz. Moscow, Novee vremya Publ., 2000. Vol. 2. 579 p. (In Russ.)

Lyubzhin A. I. Reforma: slovo i delo [Reform: word and deed]. *Rossiya v globalnoy politike* [Rus-sia in Global Affairs], 2005, vol. 3, issue 2, p. 96. (In Russ.)

Mantel H. *Vnesti tela* [Bring Up The Bodies]. Transl. by E. Dobrokhotova-Maykova, M. Kleve-tenko. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2014. 478 p. (In Russ.)

Mantel H. *Volchiy zal* [Wolf Hall]. Transl. by E. Dobrokhotova-Maykova, M. Klevetenko. Mos-cow, AST: Astrel' Publ., 2011. 672 p. (In Russ.)

Proskurnin B. M. Istoricheskaya dilogiya Khilari Mantel i «Pamyat' Zhanra» [Hilary Mantel's histori-cal dilogy and «The memory of a genre»]. *Filolo-gicheskij klass* [Philological Class], 2016, issue 2, pp. 77–83. (In Russ.)

Skazkin S. D. Vozrozhdenie, gumanizm, refor-matsiya [Revival, humanism, reformation]. *Iz istorii*

sotsial'no-politicheskoy i dukhovnoy zhizni Zapadnoy Evropy v srednie veka [From the history of the socio-political and spiritual life of Western Europe in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 298 p. (In Russ.)

Trunov A. A. Religioznyie i politicheskie itogi angliyskoy reformatsii [Religious and political results of the English Reformation]. *Aktualnye voprosy sovremennoy nauki* [Current Issues of Modern Science], 2008, issue 2, pp. 62–74. (In Russ.)

Khachatryan A. S. Spetsifika angliyskoy reformatsii [Specificity of the English Reformation]. *Vestnik MGUKI* [The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2012, issue 2, p. 57. (In Russ.)

Khukhuni G. T., Osipova A. A. Iz istorii sozdaniya angliyskoy Biblii: Polemika mezhdru katolikami i protestantami v perevodakh svyashchenogo pisaniya [From the history of the English Bible: the polemics between catholics and protestants about the holy writ translations]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*

(elektronnyy zhurnal) [Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal)], 2015, issue 2, pp. 1–11. Available at: <http://vestnik-mgou.ru/vi/Articles/Doc/639> (accessed 13.01.2017). (In Russ.)

Shtokmar V. V. *Istoriya Anglii v Srednie veka* [History of England in the Middle Ages]. 2nd edition, updated. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2005. 203 p. (In Russ.)

Arias R. Exoticising the Tudors: Hilary Mantel's Re-Appropriation of the Past in *Wolf Hall* and *Bring Up The Bodies*. *Exoticizing the Past in Contemporary Neo-Historical Fiction*, 2014, issue 11, pp. 115–118. (In Eng.)

Hughes D. Tudor Tales: Hilary Mantel Reconsiders the Life of Thomas Cromwell. *New Yorker*. Available at: <http://www.newyorker.com/magazine/2009/10/19/tudor-tales> (accessed 09.04.2017). (In Eng.)

Mantel H. *Bring Up The Bodies*. London, UK, Fourth Estate, 2012, 568 p. (In Eng.)

Mantel H. *Wolf Hall*. London, UK, Fourth Estate, 2009, 765 p. (In Eng.)

CHURCH LATIN LANGUAGE IN THE HISTORICAL NOVELS BY HILARY MANTEL

Maria A. Dezortseva

Postgraduate Student in the Department of Literature and Methods of Teaching Literature
South Ural State Humanitarian Pedagogical University

69, prospekt Lenina, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation. dezortseva_m@bk.ru

SPIN-code: 4004-2186

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0975-893X>

ResearcherID: N-5592-2017

Submitted 21.08.2017

The article studies the use of the Church Latin language in the historical novels by Hilary Mantel *Wolf Hall* and *Bring Up the Bodies* as a form of reflection of the author's historical concept. The paper attempts to prove that the language in Mantel's novels about Thomas Cromwell is a special subject of consideration, since it has a particular significance in the writer's historical concept. Considering the historical processes in England in the 16th century as a way of developing national self-consciousness, Hilary Mantel builds her hierarchy of significance of European languages in the life of England (cultural, economic, political). Therefore, the rejection of the Roman Catholic language in the novels is interpreted as one of the most important elements of cultural and national self-determination.

The article attempts to reflect the problems of the perception of the Latin language by different characters, the opposition of Latin, embodying the old time, and English, as a symbol of the new life of the state. Mantel, who considers Cromwell's time to be the time for revising the value orientations in the country's foreign and domestic policies, the time of an economic breakthrough, shows how the Church Latin loses its sacredness.

In support of this, we notice a change in the significance, spheres and frequency of use of the Latin language. In the novels, Latin is initially presented as the official language of the church, but then we see a gradual abandonment of the religious Latin by the novel characters, it is only used in jurisprudence and medicine, becomes a "comic" language used in theatrical performances, which reflects the processes of a profound transformation of the spiritual and philosophical foundations of the medieval mentality. The historical concept of Mantel finds its place among the most significant interpretations of the Reformation in the fullness of its contradictions, tragedies and positive outcomes.

Key words: historical novel; Hilary Mantel; Thomas Cromwell; Latin; Bible; artistic worldview.

УДК 070.1

doi 10.17072/2037-6681-2018-1-104-116

МУЗЫКАЛЬНЫЕ МЕДИА В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО МНОГООБРАЗИЯ

Павел Вячеславович Катаев

аспирант кафедры журналистики и массовых коммуникаций

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. pavelkataevmsu@gmail.com

SPIN-код: 4616-4943

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4295-9944>

ResearcherID: A-1656-2018

Статья поступила в редакцию 28.12.2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Катаев П. В. Музыкальные медиа в сетевом обществе: возможности и вызовы функционального многообразия // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 104–116. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-104-116

Please cite this article in English as:

Kataev P. V. Muzykal'nye media v setevom obshchestve: vozmozhnosti i vyzovy funktsional'nogo mnogoobraziya [Music Internet Media in Network Society: Opportunities and Challenges of Functional Diversity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 1, pp. 104–116. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-104-116 (In Russ.)

Статья посвящена проблеме упорядочения функционального многообразия музыкальных интернет-медиа на базе концепции сетевого общества и в контексте кардинальных изменений, произошедших в последние годы в мировой музыкальной индустрии. Автор обращается к фундаментальным исследованиям, в частности, работам В. Беньямина, М. Кастельса, М. Маклюэна, а также актуальным журналистским публикациям соответствующей тематики. Эти материалы послужили основой для формирования его собственного варианта классификации музыкальных интернет-медиа с учетом их коммуникативного функционала, а также выявления возникающих в связи с этим новых научных проблем. Среди них – оценка эффективности ресурса, риски манипулирования восприятием целевой аудитории, выработка подходов к содержательному анализу музыкальных медиа.

В качестве основного критерия классификации выбран коммуникативный функционал ресурса в условиях глобальной сети, а в качестве базовых типов выделены сайт-представительство, сервис, социальная сеть, СМИ, онлайн-энциклопедия. Дана краткая характеристика журнала «Pitchfork» как примера успешного проекта в сфере СМИ.

Современные средства массовой коммуникации, работающие с аудиопроизведениями, а также со связанным с ними текстовым и визуальным контентом, проанализированы с позиции сетевой коммуникации и «экономики стриминга». Контакты между субъектами индустрии, в том числе слушателями, становятся диверсифицированными, интерактивными, гибкими, информационно насыщенными. Автор обозначает возможности и вызовы, обусловленные этими изменениями, а именно таргетированное предложение контента и угрозу манипулятивного воздействия.

В целом научный и практический интерес, по мнению автора, представляют процессы, связанные с работой ресурсов конкретных видов. Подчеркивается необходимость изучения музыкальной журналистики с учетом ее активной интеграции со смежными областями массовой коммуникации.

Ключевые слова: интернет-медиа; сетевое общество; музыкальная индустрия; экономика стриминга; журналистика.

Сегодня исследование многих общественных процессов, особенно в сфере массовой коммуникации, осуществляется в свете парадигмы информационного, или сетевого, общества. В разной степени опирающаяся на идеи В. Беньямина, Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы, М. Кастельса, М. Маклюэна, эта концепция служит рамкой для более частных, но не менее интригующих и продуктивных открытий. О том, насколько точными оказались некоторые прогнозы мыслителей, можно судить по описанным ими явлениям, быстро ставшим нормой, обычными для социально-культурной среды.

«Репродуцированное произведение искусства во все большей мере становится репродукцией произведения, рассчитанного на репродуцируемость. <...> В восприятии произведений искусства возможны различные акценты, среди которых выделяются два полюса. Один из этих акцентов приходится на произведение искусства, другой – на его экспозиционную ценность» [Беньямин 2006: 12–13], – писал Вальтер Беньямин еще в 1936 г., до целого ряда технологических, социальных и культурных революций, в ситуации острого противостояния коммунистической и фашистской идеологий. Подобные утверждения вполне применимы сегодня к произведениям массовой культуры, маркетинговый потенциал которых стал их сущностной характеристикой. Техническая воспроизводимость искусства давно начала определять не только формальную сторону его распространения, но и философию его создания.

В 1962 г., задолго до активного внедрения Интернета в коммуникативную практику, Маршалл Маклюэн описывал современную электронную цивилизацию – «Галактику Маркони» – как возвращение к устной культуре, варварству «глобальной деревни» на новом витке: «Вместо того, чтобы превратиться в колоссальную Александрийскую библиотеку, мир стал компьютером, электронным мозгом, именно так, как это описывается в непритязательной научной фантастике. И по мере того как наши чувства выходят наружу, Большой Брат проникает вовнутрь. Поэтому если мы не сумеем осознать эту динамику, то в один прекрасный день окажемся погруженными в атмосферу панического страха, приличествующую тесному миру племенных барабанов с его всеобщей взаимозависимостью и вынужденным сосуществованием» [Маклюэн 2001: 48]. Действительно, страхи кибертерроризма, кибертоталитаризма или киберанархизма у разных общественных групп актуализируются все заметнее, порой в откровенно иррациональных проявлениях.

Куда более оптимистичным в этом смысле оказывается идеолог сетевого общества Мануэль

Кастельс: «Культура сетевого общества – это культура протоколов коммуникации, происходящей между различными культурными сообществами в мире, основанная на общей вере в силу сетевого взаимодействия и синергию, порождаемую отдачей чего-то другим и получением чего-то от других» [Castells 2005: 39–40].

Продолжая мысль о продуктивности и самодостаточности этой концепции, Кастельс перечисляет три главные особенности современных информационно-коммуникационных технологий, ставших принципиально новыми в историческом контексте:

- «саморасширение и совершенствование коммуникации с точки зрения объема, сложности и скорости;
- способность перестраиваться, основанная на цифровых технологиях и обратной связи;
- гибкость процесса распространения посредством интерактивного, цифрового взаимодействия в сети» [ibid: 9].

Для современных сетевых СМК эти принципы оказались фундаментальными, проявляясь повсеместно, от социальных сетей до «пиратских» файлообменных сервисов, работающих по технологии peer-to-peer. Идеям Кастельса во многом созвучны идеологии крупных современных интернет-проектов: «Википедии» (при некоторой внутренней бюрократизации), «IMDb» (несмотря на покупку компанией «Amazon»), «Spotify» (по крайней мере, в имидже компании).

Влияние парадигмы сетевого общества на журналистику – предмет отдельного разговора. Отметим лишь тенденцию, важную в контексте нашей статьи и обозначенную Еленой Вартановой: «Анализируя сегодня положение журналистских текстов, содержания, произведенного журналистами в СМИ, мы понимаем, что их необходимо встраивать в более широкий контекст сферы производства содержания / информации. Основываясь на индустриальном подходе к СМИ, предлагаем рассматривать и сами СМИ частью формирующегося кластера индустрий (производства) содержания, в котором журналисты только частично выполняют задачи создания, обработки, распространения и хранения информации» [Вартанова 2010].

На взаимную интеграцию журналистики и смежных с ней областей указывают и зарубежные исследователи [Killebrew 2004: 9]. С одной стороны, конвергентные редакции все чаще и на регулярной основе включают в свою деятельность сторонние функции, от создания собственных игр и мобильных приложений до организации образовательных и туристических программ. С другой стороны, мультимедийные тексты,

структурно схожие с журналистскими, публикуются онлайн-магазинами, развлекательными сервисами, сайтами общественных организаций и т. д. [Masnamara 2016: 134–136]. В итоге СМИ как «узлы» глобальной сети общественно-экономических отношений активизируют свои связи с другими «узлами».

Итак, модель сетевого общества применима к исследованию общих и частных вопросов коммуникации, в том числе культурологических. Цель нашего исследования, опирающегося на приведенные выше положения, заключается в систематизации функционального многообразия музыкальных интернет-медиа. Ведущим комплексным методом работы является классификация существующих сетевых ресурсов; среди частных методов, использованных нами, – описание коммуникативных качеств медиа, анализ их существенных черт, синтез полученных данных для формулирования общих выводов и перспектив дальнейших исследований.

Считаем необходимым отдельно привести определения терминов, которые будут часто использоваться далее в статье:

- стриминг – это практика доставки аудиофайлов в реальном времени в Сети; данная технология позволяет знакомиться с контентом, не загружая его на свои устройства [Technopedia];
- медиаконвергенция – сближение, слияние на цифровой основе различных медийных платформ, типов СМИ [Лукина 2010: 10].

Актуальность нашего исследования обусловлена высокой динамикой изменений, которые происходят в рассматриваемой области, а также их естественной практической и научной проблематизацией.

Музыкальная индустрия одной из первых ощутила на себе смену технологических эпох, изменившись за последние 20 лет на всех уровнях. На волне технического прогресса именно эта сфера превратилась к концу XX в. в одну из наиболее масштабных и значимых в мировой массовой культуре, а затем, столкнувшись с очередной технологической революцией, пережила драматичную системную перезагрузку [Стракович 2015].

Интернет, на заре XXI в. ворвавшийся в глобальную индустрию звукозаписи вместе с коротким триумфом сервиса «Napster», стал для нее новым организующим началом. Сегодня слушатели не столько приобретают музыку, сколько платят за доступ к ней, утратившей необходимость в физических носителях, – продукт уступил место сервису [Wikström 2013: 6–7]. Компакт-диски сменяются цифровыми формами произведений, вертикальная иерархия бизнес-институтов – сетевыми структурами, гегемония мейджоров

звукозаписи – необходимостью договариваться с «мейджорами» интернет-дистрибуции, односторонняя связь со слушателями – интеракцией с пользователями и даже их вовлечением.

Безусловно, вместе с новыми возможностями обновление парадигмы несет в себе и новые вызовы [Hracs, Seman etc. 2016: 3]. В то время как аудиторный охват «Spotify» [Russell 2017] и «iTunes» [Ulloa 0214] увеличивается, лейблы и сами музыканты часто остаются недовольны распределением доходов [Spotify News 2014]. Вопрос о регулировании рынка сегодня наиболее актуален. В любом случае текущие изменения уже воспринимаются как революционные, причем не только внутри музыкальной индустрии.

Эксперты описывают происходящее в категориях «экономики стриминга» [Leight 2014] или «модели бесконечного потребления» [Arditi 2017: 1–17]. Примеры того, как принципы потокового пользования и дигитализации сервиса входят в обиход в развитых странах, уже встречаются повсеместно: это и подписка на «Netflix», и свидание через «Tinder», и каршеринг. «Вытеснение иерархического принципа строения социума сетевым – тенденция, по мнению исследователей, затрагивающая в XXI веке самые разные сферы и практически все уровни общественного устройства. Однако если в большинстве областей этот тренд нередко оказывается незаметен невостребованным взглядом, то в социальной жизни музыкальной культуры он заявил о себе практически сразу и с чрезвычайной яркостью», – пишет Ю. В. Стракович [Стракович 2011: 216].

Именно поэтому результаты исследования актуальных процессов в музыкальной индустрии могут быть спроецированы на другие сферы СМК, философию современных медиа в целом.

Неудивительно, что в новой ситуации, обусловленной логикой сетевого общества, появляется большое количество музыкальных ресурсов с разным функционалом. Часть из них, как мы уже отметили, становится новыми мейджорами с точки зрения как традиционного, так и информационного капитала («iTunes», «Spotify», «AllMusic» и т. д.), другие работают с малыми группами аудитории в русле теории «длинного хвоста» [Robley 2014], оценки которой порой прямо противоположны [Mulligan 2014: 9–10].

Разумеется, описание этого многообразия необходимо для обоснованного построения новой модели музыкальной индустрии. Ответ на прямолинейный вопрос: какими бывают интернет-медиа в этой сфере – может стать весьма продуктивным. Он даст возможность приблизиться к пониманию не только того, как сегодня устроена обновленная система производства и потребления

музыкального контента, но и того, чем является музыка для современного жителя «глобальной деревни». Создание классификации обозначенных ресурсов позволит связать исследование индустрии в ее общей структуре и содержательный анализ ее отдельных элементов – конкретных медиа и порождаемых ими сообщений.

В рамках данной статьи мы предлагаем собственную систему типов и видов музыкальных интернет-медиа, основанную на прежде изученных концепциях и актуальных данных. Развивая выводы, изложенные в работе «Музыкальные интернет-медиа: роль в практиках межкультурной коммуникации» [Катаев 2017], мы попытаемся обосновать функциональное значение представленной системы и подготовить основу для последующего детального анализа информационных ресурсов в этой сфере. «Свежесть» материала (новые формы взаимодействия в индустрии) и фундаментальный характер связанных с ним процессов (философия информационного общества) позволяют нам надеяться на интерес к проблеме статьи.

При составлении классификации музыкальных интернет-медиа существенными оказались такие факторы, как масштаб взаимодействия, степень интерактивности, тип платформы, характер протокола коммуникации и т. д. Однако главным, во многом объединяющим в себе эти аспекты, мы считаем *коммуникативный функционал ресурса в условиях глобальной сети*. Именно так звучит выбранное нами основание классификации.

Подтверждение нашей идеи мы нашли в работах Дэниса Макуэйла 1990-х гг. [McQuail 1994]. Выделенные им функции медиа по-прежнему адекватны в отношении современных ресурсов:

- 1) социальная функция: дать людям возможность выстраивать отношения друг с другом посредством общего культурного опыта;
- 2) транслирующая функция: выражать точки зрения, системы ценностей;
- 3) контрольная функция: менять внутренние установки и поведение других людей;
- 4) информационная функция: передавать знания [Fawkes J., Gregory 2000: 115–116].

На предыдущих этапах исследования мы определили границы для массива современных музыкальных интернет-медиа. Далее мы смогли разделить ресурсы на категории – сначала общие, затем частные. Так, мы выделяем пять основных типов музыкальных интернет-медиа, в каждом из которых, на наш взгляд, доминируют те или иные функции, перечисленные Макуэйлом:

1. Социальная сеть – сетевой сервис, позволяющий людям создавать публичные или полупубличные профили в пределах графа данной

сети, открыто формировать перечни других пользователей, с которыми они взаимосвязаны, а также просматривать свои и чужие перечни, созданные внутри сети, и перемещаться по ним [Boyd, Ellison 2007]. Социальные сети отличаются от категории музыкальных сервисов смещением акцента на социальное взаимодействие (*социальная функция*).

2. Сайт-представительство. Сайт – группа связанных между собой веб-страниц, размещенных на определенном домене; расположение контента сервера [Воройский 2003: 513]. Под сайтом-представительством мы подразумеваем группу таких страниц, созданных по инициативе лица или организации (например, артиста или лейбла) и нацеленных на отражение сведений об агенте в русле PR-коммуникации (*транслирующая функция*).
3. Сервис – компания или другая организация, которая обеспечивает доступ к информационной услуге через компьютеризированную систему, в настоящее время, как правило, через Интернет. Музыкальный сервис нацелен, главным образом, на предоставление доступа к большим объемам музыкальных файлов и изначально построен вокруг этого процесса. При этом сервис может сам устанавливать правила пользования, т. е. протокол коммуникации (*контрольная функция*).
4. Онлайн-энциклопедия – информационный ресурс, содержащий статьи на различные темы, обычно в алфавитном порядке, охватывающий все области знания или в отдельных случаях все аспекты определенной темы. Соответственно музыкальные онлайн-энциклопедии хранят сведения о композиторах, исполнителях, произведениях, жанрах, стилях и т. д. и обычно действуют как интерфейсы пополнимой базы данных (*информационная функция*).
5. СМИ как субъект профессиональной институционализированной журналистской деятельности. В данном случае мы понимаем под журналистикой «деятельность по формированию и представлению информационных образов актуальности, причем носителями этих образов может быть не только слово, но и картинка, фотография, кино, видео, звук, веб-страница – любой объект, способный выступить носителем информации или текста, в широком смысле этого слова» [Калмыков, Коханова 2012: 12]. Следовательно, музыкальными онлайн-СМИ будем считать субъекты этой деятельности, открыто ставящие музыкальную тематику в основу своей повестки и существующие в Интернете (*информационная и транслирующая функции*).

Классификация музыкальных интернет-медиа по типу коммуникативного функционала
Classification of music Internet media

Тип	Вид	Пример	Первичная функция	Вторичные функции	Целевая аудитория
801 Сайт-представительство	Сайт артиста	Сайт Антона Маскелиаде (http://maskelia.de)	транслирующая	информационная	поклонники музыканта, представители индустрии
		Сайт оркестра «Kremerata Baltica» (http://www.kremeratabaltica.com)	транслирующая	информационная	поклонники коллектива, представители индустрии
		Сопутствующие: Сайты The Weeknd, Анны Нетребко, группы «Blur», творческого проекта «Red Bull Music Academy»			
	Сайт лейбла	Сайт лейбла «Xuman Records» (http://xumanrecords.com)	транслирующая	информационная	музыканты, слушатели, представители индустрии (партнеры)
		Сайт «Universal Music Group» (http://www.universalmusic.com)	транслирующая	информационная	музыканты, слушатели, представители индустрии (партнеры)
		Сопутствующие: Сайты «Sony Music», «Warner Music Group», «Domino Records», «Mute Records», компании «Снегири»			
	Сайт агентства (концертного, продюсерского, PR и т. д.)	Сайт агентства «Мельница» (http://melnitsa.pro)	транслирующая	информационная	слушатели, представители индустрии (партнеры) в России
		Сайт компании «Live Nation» (https://www.livenation.com/)	транслирующая	информационная	слушатели, представители индустрии (партнеры) по всему миру
		Сопутствующие: «Coda Agency», «IMG Artists», «7digital»;			
	Сайт концертной площадки или театра	Сайт Московской филармонии (http://meloman.ru)	транслирующая	информационная	слушатели, представители индустрии (партнеры) в разных странах, музыковеды
		Сайт «Ziggo Dome» (https://www.ziggodome.nl)	транслирующая	информационная	слушатели, представители индустрии (партнеры) в Нидерландах и других странах
		Сопутствующие: Сайты «O2 Arena», «Royal Albert Hall», клуба «16 тонн»			

Тип	Вид	Пример	Первичная функция	Вторичные функции	Целевая аудитория
Сервис	Аудиостриминговый сервис	«Яндекс Музыка» (https://music.yandex.ru)	контролирующая	информационная, социальная, транслирующая	слушатели в разных странах (преимущественно в русскоязычном сегменте Интернета)
		«Spotify» (https://www.spotify.com)	контролирующая	информационная, транслирующая	слушатели в странах, где доступен сервис
		Сопутствующие: «Daytrotter.com», «Us.napster.com» (бывш. «Rhapsody»), «Apple Music», «Deezer», «Pandora.com»			
	Видеостриминговый сервис	«The Scene» (https://thescene.com)	контролирующая	информационная, транслирующая	пользователи сайтов, интегрированных с сервисом; представители индустрии (партнеры)
		«Medici.tv» (https://www.medici.tv)	контролирующая	информационная	слушатели классической музыки
		Сопутствующие: «Vimeo.com», «Youtube.com», «Ustream.tv»			
	Онлайн-радио	«New New World Radio» (http://nnwradio.com)	контролирующая, информационная	–	слушатели экспериментальной электронной музыки
		«Pandora» (http://www.pandora.com)	контролирующая	социальная	слушатели в странах, где доступен сервис
		Сопутствующие: «Iheart.com», «Tunein.com», «Bbc.co.uk/music»			
	Магазин	«iTunes» (http://www.apple.com/ru/itunes)	контролирующая	информационная	слушатели в разных странах
		«Emusic.com» (https://www.emusic.com)	контролирующая	информационная	слушатели в странах, где доступен сервис
		Сопутствующие: «Amazon.com», «Play.google.com», «7digital.com»			
	Сервис по принципу «плати, сколько хочешь»	«Bandcamp» (https://bandcamp.com)	контролирующая	информационная, социальная, транслирующая	слушатели в странах, где доступен сервис; начинающие и независимые музыканты
		«Cashmusic.org» (https://cashmusic.org)	контролирующая	информационная, социальная	слушатели в странах, где доступен сервис; начинающие и независимые музыканты
		Сопутствующие: «Kickstarter.com», «Planeta.ru», «Kroogi.com»			

Тип	Вид	Пример	Первичная функция	Вторичные функции	Целевая аудитория
Сервис	P2P-сервис	«SoulSeek» (http://www.slsknet.org)	контролирующая	транслирующая	слушатели, ориентированные на бесплатный доступ к контенту
		«Kazaa»	контролирующая	транслирующая	слушатели, ориентированные на бесплатный доступ к контенту
		Сопутствующие: «Utorrent.com», «Shareman.tv», «Bt.etree.org», «Legittorrents.info», «Thepiratebay.org»			
	Агрегатор	«Last.fm» (https://www.last.fm)	контролирующая	социальная, информационная	слушатели (пользователи Last.fm и интегрированных с ним сервисов)
		«Bandtraq» (https://bandtraq.com)	контролирующая	социальная, информационная	слушатели (пользователи Bandtraq и интегрированных с ним сервисов)
Сопутствующие: «Eventful.com», «Facebook.com», Reddit.com					
Социальная сеть	Профессиональная сеть	«MusicMama» (http://musicmama.ru)	социальная	информационная, транслирующая	музыканты, представители индустрии (как профессиональное сообщество)
		«Ourstage.com» (http://ourstage.com)	социальная, информационная	транслирующая	слушатели, музыканты (как профессиональное сообщество); представители индустрии
		Сопутствующие: «Reverbnation.com», «MySpace.com»			
	Специализированная сеть	«Soundcloud» (https://soundcloud.com)	социальная, информационная	транслирующая	слушатели, начинающие и независимые музыканты
		«Genius.com» (https://genius.com/)	социальная, информационная	контролирующая	слушатели в разных странах
		Сопутствующие: «Loudup.com», «Fans.com», «8tracks.com»			
	Сеть с доминированием музыкальной тематики	«Kroogi.com» (https://kroogi.com)	социальная, информационная	транслирующая	музыканты, слушатели (преимущественно в русскоязычном сегменте Интернета)
		«MySpace» (https://myspace.com)	социальная	информационная, контролирующая	слушатели, музыканты
		Сопутствующие: «Facebook.com», «Vk.com», «Twitter.com»			

Тип	Вид	Пример	Первичная функция	Вторичные функции	Целевая аудитория
СМИ	Собственно онлайн-СМИ	«Modernrock» (http://modernrock.ru/)	информационная, контролирующая	транслирующая, социальная	слушатели (преимущественно в русскоязычном сегменте Интернета)
		«Pitchfork» (http://pitchfork.com)	информационная, контролирующая	транслирующая	слушатели (преимущественно поклонники андеграунда)
		Сопутствующие: «Spin.com», «Consequenceofsound.net», «Noisey.vice.com», «Colta.ru», «Daily.afisha.ru»			
	Сетевая версия конвергентного СМИ	«Rolling Stone Russia»	информационная, контролирующая	–	слушатели (преимущественно в русскоязычном сегменте Интернета)
		«FACT» (http://www.factmag.com)	информационная, контролирующая	–	слушатели (преимущественно поклонники экспериментальной музыки)
		Сопутствующие: «Billboard.com», «Rollingstone.com», «Nme.com», «Downbeat.com», «Mezzo.tv», «Bbc.co.uk/music»			
Онлайн-справочник	Справочник с традиционными функциями	Музыкальная энциклопедия (http://www.music-dic.ru)	информационная	–	широкий круг читателей, эксперты, исследователи
		«Oxford Music Online» (http://www.oxfordmusiconline.com)	информационная	–	широкий круг читателей, эксперты, исследователи
		Сопутствующие: «Music-dic.ru», «Collinsdictionary.com», «Dic.academic.ru»			
	Справочник с дополнительными функциями	«AllMusic» (http://www.allmusic.com)	информационная	социальная	широкий круг читателей, эксперты, исследователи
		«Discogs» (https://www.discogs.com)	информационная	социальная	широкий круг читателей, эксперты, исследователи
		Сопутствующие: «Discogs.com», «Wikipedia.org», «Belcanto.ru», «Musicbrainz.org»			

Здесь же отметим, что при закреплении за СМИ информационной и транслирующей функций мы ориентируемся прежде всего на западные концепции качественной прессы [Засурский 2015]. Однако в последующих работах мы надеемся доказать, что доминирующую позицию в музыкальных СМИ может занимать и контролирующая функция – в том случае, если мультимедийный текст получает суггестивный заряд мифа.

Итак, после определения типов ресурсов мы смогли выделить их виды и привести пример каждого из видов. Выбор примеров обусловлен прежде всего репрезентативностью (в данном случае – типичностью), а также популярностью, качеством контента и верстки, коммуникативной эффективностью.

Кроме того, мы сочли нужным перечислить сопутствующие примеры – те медиа, которые либо функционально схожи с указанными, либо лишь частично соответствуют месту в классификации и не могут быть названы специализированно-музыкальными. По возможности мы упомянули проекты из разных стран, в том числе из России.

В приведенной выше таблице указаны также и первичные, и вторичные функции применительно к главным примерам, т. е. те задачи, которые составляют суть деятельности ресурса, и те, которые выполняются дополнительно. За основу мы взяли перечень коммуникативных функций, составленный Макуэйлом.

Наконец, в последней колонке обозначены целевые аудитории интернет-медиа, выбранных в качестве главных примеров. В данном случае мы ориентировались на типы субъектов, действующих в основной коммуникативной цепи (музыкант, индустрия, слушатель), а также на сторонних субъектов (например, исследователи и эксперты). При необходимости целевая аудитория определяется с уточнениями и ограничениями. По итогам создания классификации мы можем сделать ряд выводов.

Во-первых, большинство рассмотренных ресурсов (среди главных примеров) являются полифункциональными, т. е. имеют одну доминирующую и несколько второстепенных функций. Такая модель может считаться оптимальной, так как выполнение одной базовой коммуникативной задачи и нескольких сопряженных с ней вполне закономерно. Так, сервис «Vandcamp», действующий по принципу «плати, сколько хочешь», предоставляет услугу на определенных правилах (если не сказать в соответствии с определенной этикой), т. е. выполняет прежде всего

контролирующую функцию. Вместе с тем в эту модель органично вписываются информационная (упорядочение сведений об артисте) и социальная (связь нескольких профилей в открытом графе) функции.

Во-вторых, набор второстепенных функций оказывается индивидуальным для каждого конкретного ресурса при относительной стабильности доминирующей функции, характерной для его типа. Например, стриминговые сервисы «The Scene» и «Pandora» имеют контролирующую функцию в качестве главной, но расходятся в проявлениях дополнительных функций: для «The Scene» – информационная и транслирующая (представительство брендов), для «Pandora» – социальная.

В-третьих, выделенные функциональные модели часто пересекаются, особенно в случаях сопутствующих примеров (именно поэтому одни и те же ресурсы мы иногда указывали в разных ячейках). Так, некоторые стриминговые сервисы интегрированы с магазинами, онлайн-энциклопедии нередко производят и агрегируют журналистский контент, а социальные сети имеют целый ряд опций, свойственных другим категориям. В ситуации мгновенной и автоматизированной воспроизводимости контента такая функциональная конвергенция требует со стороны медиа стратегического контроля и четкого разделения задач: первичных (сущностных, концептуальных) и вторичных (дополнительных, операционных).

На практике такое осознанное разграничение действительно способствует успешной работе ресурса. Напротив, смешение функций приводит к невнятной коммуникативной стратегии – именно этот фактор, на наш взгляд, стал одним из решающих в упадке «MySpace».

Успешным примером ресурса, проявляющего разнообразие опций с сохранением стержневой функции, можно назвать американский интернет-журнал «Pitchfork». Действуя в русле арт-журналистики, издание выполняет функции информирования, просвещения, развлечения. Особое место в коммуникативной модели, реализуемой «Pitchfork», заняло формирование общественного мнения в сфере инди-музыки. Со временем издание действительно стало авторитетным в мировой музыкальной индустрии, хотя оценки рецензентов далеко не всем и не всегда кажутся объективными и последовательными [Thomas 2006].

Доход журнала обеспечивается рекламой на сайте, а также смежными проектами, такими как «Pitchfork Festival», что служит подтверждением

ранее приведенного суждения о функциональной интеграции журналистики и смежных сфер.

Основу содержания «Pitchfork» составляют тексты различных журналистских жанров: новости, анонсы, рецензии, интервью, очерки, статьи и т. д. На сайте также можно увидеть фото, послушать отдельные треки и подкасты, посмотреть клипы артистов, а также видео, подготовленные редакцией. Периодически «Pitchfork» готовит лонгриды, совмещающие в себе целый ряд мультимедийных элементов в одном интерактивном нарративе [Lonreads 2016]. Наконец, стоит отметить, что сайт оснащен разветвленным аппаратом внешних и внутренних гиперссылок.

Таким образом, «Pitchfork» формирует вокруг собственно музыкальных произведений оболочку дополнительных текстовых и визуальных образов. С учетом выбора средств речь идет о многомерных конструкциях, не исключающих, однако, возможности управления восприятием аудитории.

Устойчивость сетевой структуры, функциональная гибкость указанных в таблице видов и широкий спектр технологических возможностей существенно меняют подход к содержанию коммуникации. Аудитория СМК становится более массовой и одновременно более дифференцированной, что позволяет сделать сообщение более адресным. Индивидуализация контента – автоматическая подборка музыки в «Spotify» или детализированный поиск в «AllMusic» – открывает новые возможности и обуславливает вызовы на обоих концах коммуникативной цепочки.

Для слушателя повышенная чувствительность к его запросам может быть сопряжена с угрозой манипулятивного воздействия; для производителя контента вместе с многообещающим коммерческим потенциалом таргетинга появляется необходимость разработки новых неординарных стратегий и тактик. Возникает нетривиальная задача: создать контент для конкретного пользователя, обладая информацией о его возрасте, предпочтениях в одежде, любимых фильмах. Широкие возможности массовой сетевой коммуникации, вероятно, еще потребуют от коммуникатора и реципиента выработки обоюдодоприемлемых поведенческих паттернов.

На данном же этапе закономерный исследовательский интерес вызывают природа, содержательные особенности и принципы бытования в массовом сознании тех сообщений, которые порождаются разными видами интернет-медиа. Логично предположить, что отдельного изучения эти вопросы требуют на материале каждого из выделенных видов музыкальных ресурсов.

Сложные, если не сказать драматичные, траектории развития, прослеживающиеся в звукозаписывающей индустрии с начала 2000-х гг., лишь усиливают необходимость дальнейших исследований обозначенной проблематики.

Список литературы

Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе. М.: МЕДИУМ, 1996. 240 с.

Вартанова Е. Л. О современном понимании СМИ и журналистики // Медиаскоп. 2010. № 1. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17332423_81493203.pdf (дата обращения: 14.05.2017).

Воройский Ф. С. Информатика. Новый систематизированный словарь-справочник (Введение в современные информационные и телекоммуникационные технологии в терминах и фактах). 3-е изд., перераб. и доп. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003. 760 с.

Засурский Я. Н. Качественная пресса в медийных структурах / под ред. Я. Н. Засурского. М.: Факультет журналистики МГУ, 2015. 344 с.

Калмыков А. А., Коханова Л. А. Интернет-журналистика: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. 021400 «Журналистика». М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2012. URL: <http://www.ipr-bookshop.ru/34458> (дата обращения: 29.03.2017).

Катаев П. В. Музыкальные интернет-медиа: роль в практиках межкультурной коммуникации. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. 68 с.

Лукина М. М. Интернет СМИ: Теория и практика: учеб. пособие для студ. вузов / под ред. М. М. Лукиной. М.: Аспект Пресс, 2010. 348 с.

Маклюэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2001. 432 с.

Стракович Ю. В. Влияние технологий XXI века на трансформацию моделей социального и культурного поведения // Ярославский педагогический вестник. Сер. Искусствоведение. 2011. № 1, т. I (Гуманитарные науки). С. 215–219.

Стракович Ю. Цифролюция. Что случилось с музыкой в XXI веке. М.: Классика-XXI, 2015. 368 с.

Audio Streaming [Definition] // Technopedia. URL: <https://www.techopedia.com/definition/6067/audio-streaming> (дата обращения: 30.03.2017).

Arditi D. Digital Subscriptions: The Unending Consumption of Music in the Digital Era // Popular Music and Society, 2017. P. 1–17.

Boyd D., Ellison N. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. Issue 13(1), article 11. URL: <http://www.english.illinois.edu/people->

/faculty/debaron/582/582%20readings/boyd%20sns.pdf (дата обращения: 30.03.2017).

Castells M. (Ed.). *The Network Society: A Cross-cultural Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar, 2005. 488 p.

Fawkes J., Gregory A. *Applying Communication Theories to the Internet* // *Journal of Communication Management*. Vol. 5, issue 2. P. 109–124. URL: <https://doi.org/10.1108/13632540110806703> (дата обращения: 15.12.2017).

Hracs B., Seman M. etc. *The Production and Consumption of Music in the Digital Age* / ed. by B. Hracs, M. Seman, T. Virani. Routledge, 2016. 277 p.

Killebrew K. C. *Managing Media Convergence: Pathways to Journalistic Cooperation*. Ames, IA: Blackwell Publishing, 2004. 218 p.

Leight E. *After Losing Ground in the Streaming Era, Rock Charts Its Comeback* // *Billboard*. 2017. 14 December. URL: <https://www.billboard.com/articles/business/7942213/digital-executives-power-list-2017-music-industry> (дата обращения: 15.12.2017).

Longreads Best of 2016: Arts & Culture Writing // *Longreads*. 2016. 19 December. URL: <https://longreads.com/2016/12/19/longreads-best-of-2016-arts-culture-writing> (дата обращения: 30.03.2017).

Macnamara J. *The Continuing Convergence of Journalism and PR: New Insights for Ethical Practice From a Three-Country Study of Senior Practitioners* // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2016. Vol. 93(1). P. 118–141.

McQuail D. *Mass Communication Theory: An Introduction*. 3rd edition, Sage. London, 1994. URL: [http://www.bou.ac.ir/Portal/file/?171392/Mass.Communication.Theory.6thed.-McQuails\)-.pdf](http://www.bou.ac.ir/Portal/file/?171392/Mass.Communication.Theory.6thed.-McQuails)-.pdf) (дата обращения: 15.12.2017).

Mulligan M. *The Death of the Long Tail. The Superstar Music Economy, MIDiA. Insights and Decisions in Action*. March 2014. 20 p.

Robley C. *Why the Long Tail is Good for Independent Musicians* // *DIY Musician*. 2014. June 18. URL: <http://diymusician.cdbaby.com/musician-tips/long-tail-indie-music/> (дата обращения: 15.12.2017).

Russell J. *Spotify Reaches 50 million Paying Users* // *Techcrunch*. 2017. 2 March. URL: <https://techcrunch.com/2017/03/02/spotify-50-million> (дата обращения: 15.12.2017).

Thomas L. *The Pitchfork Effect* // *City Pages*. 2006. 14 June URL: <http://www.citypages.com/news/the-pitchfork-effect-6690578> (дата обращения: 15.03.2017).

Ulloa N. *iTunes Has 800 Million Accounts... and 800 Million Credit Card Numbers...* // *Digital Music News*. 2014. 24 April. URL: <https://www.digital-music-news.com/2014/04/24/itunes-800-million-accounts-and-800-million-credit-card-numbers/> (дата обращения: 15.12.2017).

musicnews.com/2014/04/24/itunes800m/ (дата обращения: 15.12.2017).

Wikström P. *The Music Industry: Music in the Cloud*, 2nd ed. Cambridge: Polity Press, 2013. 5 p.

\$2 Billion and Counting // *Spotify News* [Official news site]. 11.11.2014. URL: <https://news.spotify.com/us/2014/11/11/2-billion-and-counting/> (дата обращения: 15.12.2017).

References

Benjamin W. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti: izbrannye esse* [The work of art in the age of industry: selected essays]. Moscow, MEDIUM Publ., 1996. 240 p. (In Russ.)

Vartanova E. L. *O sovremennom ponimanii SMI i zhurnalistiki* [The Current Understanding of Media and Journalism]. *Mediascope* [Mediascope], 2010, issue 1. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_17332423_81493203.pdf (accessed 14.05.2017). (In Russ.)

Voroyskiy F. S. *Informatika. Novyy sistematizirovanny slovar'-spravochnik (Vvedenie v sovremennyye informatsionnyye i telekommunikatsionnyye tekhnologii v terminakh i faktakh)* [Informatics. New systematized dictionary and reference book (Introduction to modern information and telecommunication technologies)]. 3rd edition, revised and expanded. Moscow, FIZMATLIT Publ., 2003. 760 p. (In Russ.)

Zasurskiy Ya. N. *Kachestvennaya pressa v mediynykh strukturakh* [High quality press in media structures]. Ed. by Ya. N. Zasurskiy Moscow, Faculty of Journalism of MSU Press, 2015. 344 p. (In Russ.)

Kalmykov A. A., Kokhanova L. A. *Internet-zhurnalistika: ucheb. posob. dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti 021400 «Zhurnalistika»* [Internet journalism: textbook for university students specializing in "Journalism" (speciality 021400)]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2012. Available at: <http://www.iprbookshop.ru/34458> (accessed 29.03.2017). (In Russ.)

Kataev P. V. *Muzykal'nye internet-media: rol' v praktikakh mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Music Internet media: functions in the intercultural communication practices]. LAMBERT Academic Publishing, 2017. 68 p. (In Russ.)

Lukina M. M. *Internet SMI: Teoriya i praktika: ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Internet mass media: textbook for university students]. Ed. by M. M. Lukina. Moscow, Aspekt Press, 2010. 348 p. (In Russ.)

McLuhan M. *Galaktika Gutenberga: sotvorenie cheloveka pechatnoy kul'tury* [The Gutenberg

Galaxy: the making of typographic man]. Kiev, Nika-Centre Publishing House, 2001. 432 p. (In Russ.)

Strakovich Yu. V. Vliyanie tekhnologiy 21 veka na transformatsiyu modeley sotsyal'nogo i kul'turnogo povedeniya [The 21th Century Technology Impact on the Transformation of Models of Social and Cultural Behaviour (as exemplified by musical culture)]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin. Ser.: Study of Art], 2011, issue 1, vol. 1 (The Humanities), pp. 215–219. (In Russ.)

Strakovich Yu. *Tsifrolyutsiya. Chto sluchilos' s muzykoy v 21 veke* [Digitolotion. What happened to music in the 21th century]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2015. 368 p. (In Russ.)

Audio Streaming [Definition]. *Technopedia*. Available at: <https://www.techopedia.com/definition/6067/audio-streaming> (accessed 30.03.2017). (In Eng.)

Arditi D. Digital Subscriptions: The Unending Consumption of Music in the Digital Era. *Popular Music and Society*, 2017, pp. 1–17. <https://doi.org/10.1080/03007766.2016.1264101> (In Eng.)

Boyd D., Ellison N. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2007, issue 13(1), article 11. Available at: <http://www.english.illinois.edu/-people-/faculty/debaron/582/582%20readings/boyd%20sns.pdf> (accessed 30.03.2017). (In Eng.)

Castells M. (ed.). *The Network Society: A Cross-Cultural Perspective*. Cheltenham, Edward Elgar, 2005. 488 p. (In Eng.)

Fawkes J., Gregory A. Applying Communication Theories to the Internet. *Journal of Communication Management*, vol. 5, issue 2, pp. 109–124. Available at: <https://doi.org/10.1108/13632540110806703> (accessed 15.12.2017). (In Eng.)

Hracs B. *The Production and Consumption of Music in the Digital Age*. Ed. by B. Hracs, M. Seaman, T. Virani. Routledge, 2016. 277 p. (In Eng.)

Killebrew K.C. *Managing Media Convergence: Pathways to Journalistic Cooperation*. Ames, IA, Blackwell Publishing, 2004. 218 p. (In Eng.)

Leight E. After Losing Ground In the Streaming Era, Rock Charts Its Comeback. *Billboard*, 2017, December 14. Available at: <https://www.billboard.com/articles/business/7942213/digital-executives-power-list-2017-music-industry> (accessed 15.12.2017). (In Eng.)

Longreads Best of 2016: Arts & Culture Writing. *Longreads*, 2016, December 19. Available at: <https://longreads.com/2016/12/19/longreads-best-of-2016-arts-culture-writing> (accessed 30.03.2017). (In Eng.)

Macnamara J. The Continuing Convergence of Journalism and PR: New Insights for Ethical Practice from a Three-Country Study of Senior Practitioners. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 2016, vol. 93(1), pp. 118–141. (In Eng.)

McQuail D. *Mass Communication Theory: An Introduction*, 3rd edition, Sage, London, 1994. Available at: [http://www.bou.ac.ir/Portal/file/?171392/Mass.Communication.Theory.6th.Edition-\(McQuails\)-.pdf](http://www.bou.ac.ir/Portal/file/?171392/Mass.Communication.Theory.6th.Edition-(McQuails)-.pdf) (accessed 15.12.2017). (In Eng.)

Mulligan M. The Death of the Long Tail. The Superstar Music Economy, *MiDiA. Insights and Decisions in Action, March 2014*. 20 p. URL: http://www.promus.dk/files/MiDiA_Consulting_-_The_Death_of_the_Long_Tail.pdf. (In Eng.)

Robley C. Why the Long Tail is Good for Independent Musicians. *DIY Musician*, 2014, June 18. Available at: <http://diymusician.cdbaby.com/musician-tips/long-tail-indie-music/> (accessed 15.12.2017). (In Eng.)

Russell J. Spotify Reaches 50 Million Paying Users. *Techcrunch*, 2017, March 2. Available at: <https://techcrunch.com/2017/03/02/spotify-50-million> (accessed 15.12.2017). (In Eng.)

Thomas L. The Pitchfork Effect. *City Pages*, 2006, June 14. Available at: <http://www.citypages.com/news/the-pitchfork-effect-6690578> (accessed 15.03.2017). (In Eng.)

Ulloa N. iTunes Has 800 Million Accounts.... and 800 Million Credit Card Numbers... *Digital Music News*, 2014, April 24. Available at: <https://www.digitalmusicnews.com/2014/04/24/itunes800m/> (accessed 15.12.2017). (In Eng.)

Wikström P. *The Music Industry: Music in the Cloud*, 2nd edition. Cambridge, Polity Press, 2013. 5 p. (In Eng.)

\$2 Billion and Counting. *Spotify News*, 2014, November 11. [Official news site]. Available at: <https://news.spotify.com/us/2014/11/11/2-billion-and-counting/> (accessed 15.12.2017). (In Eng.)

MUSIC INTERNET MEDIA IN NETWORK SOCIETY: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES OF FUNCTIONAL DIVERSITY

Pavel V. Kataev

Postgraduate Student in the Department of Journalism and Mass Communication

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. pavelkataevmsu@gmail.com

SPIN-code: 4616-4943

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4295-9944>

ResearcherID: A-1656-2018

Submitted 28.12.2017

The article is devoted to the systematization of various music Internet media on the basis of the concept of Network society in the context of the dramatic changes the world music industry has been exposed to in recent years. The author refers to fundamental researches, particularly those by V. Benjamin, M. Castells, M. McLuhan, as well as to current journalistic publications on the given subject. By using these materials, the author suggests his own version of the music Internet media classification based on the criterion of their communicative functions, and identifies some new scientific problems arising in this regard. These questions include assessment of a resource's effectiveness, risks of manipulation that threaten audience's perception, working out approaches to content analysis of music media.

A communicative potential that a resource can realize on the Web is chosen as the main criterion for the classification; a representative site, service, social media, press (mass media) and online encyclopedia are the basic types in the classification. A brief analytical description of the *Pitchfork* magazine as of a successful media project is given. Some general effects, such as combination of text and multimedia content with inclusion of offline activities, are considered by the example of *Pitchfork*.

Contemporary mass media that present audio compositions as well as appropriate text and visual content have been analyzed in the aspects of web communications and 'streaming economy'. Contacts between actors in the industry, including listeners, are getting diverse, interactive, flexible and saturated with data. The author notes some opportunities and challenges which are triggered by these changes, e. g. targeting in content supply and risks of manipulations.

On the whole, processes exposed in particular resources are of scientific and practical interest. The paper emphasizes the necessity of researches on music journalism taking into account its intensive integration with adjacent areas of mass communication. Moreover, the mythologization of artists' images is noted as one of the most promising subjects for further analysis.

Key words: Internet media; network society; music industry; streaming economy; journalism.

УДК 82.091

doi 10.17072/2037-6681-2018-1-117-124

СЛОВО И ВЕЩЬ В СИСТЕМЕ ПОЭТИКИ МОЛЧАНИЯ

ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА

Ольга Михайловна Любимская

аспирант кафедры зарубежной литературы

Тюменский государственный университет

625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. lubimskaya89@list.ru

SPIN-код: 6882-1710

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1868-678X>

ResearcherID: M-6613-2017

Статья поступила в редакцию 12.09.2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Любимская О. М. Слово и вещь в системе поэтики молчания Дж. Д. Сэлинджера // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 117–124. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-117-124

Please cite this article in English as:

Lyubimskaya O. M. Slovo i veshch' v sisteme poetiki molchaniya Dzh. D. Selindzhera [A Word and a Thing in the System of J. D. Salinger's Poetics of Silence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 1, pp. 117–124. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-117-124 (In Russ.)

Анализируется феномен молчания в творчестве Дж. Д. Сэлинджера. Особенности молчания рассматриваются через взаимосвязь двух одинаковых по значимости категорий в художественном пространстве Сэлинджера: «слова» и «вещи». Их корреляционная зависимость в сэлинджеровских текстах очевидна: с ростом вещного мира снижается роль слова и, напротив, с желанием героев сохранить «подлинное» слово утрачивается интерес к внешнему пространству. Внимание Сэлинджера к оппозиции «материальный – духовный», «внешний – внутренний» в данной статье проясняется исходя из философских, экзистенциальных установок писателя. Для буржуазного общества середины XX в. с его потребительскими ценностями характерен процесс отчуждения. С потерей духовных ориентиров человек утрачивает внутреннюю сущность и, как следствие, становится предметом внешнего пространства. В этой связи человек в текстах Сэлинджера воспринимается так же механически, как вещь. Ведущим стремлением героев Сэлинджера является глубокое желание отчуждать свое слово от внешнего, обезличивающего мира, не дать превратиться ему в вещь. Сэлинджеровские герои чувствуют бессодержательность слова во время светской болтовни, буквально осязают его пустотелость, существование лишь внешней, материальной формы слова и, желая предотвратить его овеществление, замолкают, ищут спасения во внутреннем, безмолвном затворничестве. Автор статьи приходит к выводу, что взаимосвязь «вещи» и «слова» в сэлинджеровских текстах обуславливает основные черты его поэтики молчания.

Ключевые слова: Дж. Д. Сэлинджер; молчание; отчуждение; экзистенциализм; человек и вещь; слово и вещь.

Тему молчания в текстах Сэлинджера западные и отечественные литературоведы затрагивают лишь косвенно, в то время как она является одной из главных в его творчестве, ею проникнуты все произведения писателя, более того, сам Сэлинджер по неизвестным причинам в расцвете творческих и жизненных сил закрылся от внешнего мира, пребывая в безмолвном уединении. В ходе изучения этого вопроса мы акцентирова-

ли две равные по своему значению категории в произведениях Сэлинджера: «слово» и «вещь». Стоит отметить, что на важность сэлинджеровской вещи обратили внимание лишь немногие исследователи, а взаимосвязь этих двух категорий и вовсе не была замечена. Нам представляется, что слово и вещь в художественном пространстве молчания Сэлинджера тесно переплетены. Их отношения обратно пропорциональны: с

возрастанием значимости вещи уменьшается роль слова, и наоборот. Каждая из этих категорий усиливает значение другой. При «вещной захламленности» слово в художественном мире Сэлинджера обесценивается, стремится к нулю. Таким образом, рассмотрение слова и вещи во взаимодействии позволит увидеть поэтику молчания в новом ракурсе и даст более полное представление об истоках молчания сэлинджеровского героя. В свою очередь, столь пристальное внимание Сэлинджера к вещному пространству лучше всего можно понять в контексте экзистенциализма и проблемы отчуждения.

Одним из первых на Западе авторитетных трудов по этому вопросу является работа американского критика-марксиста Сидни Финкелстайна (Sidney Finkelstein, 1909–1974). В своей книге «Экзистенциализм и проблема отчуждения в американской литературе» (Existentialism and Alienation in American Literature, 1967) Финкелстайн рассматривает творчество ряда писателей США сквозь призму отчуждения (Ю. О' Нийл, С. Фицджеральд, У. Фолкнер, А. Миллер, Дж. Д. Сэлинджер, Н. Мейлер, С. Беллоу, Д. Болдуин и др). По мнению Финкелстайна, отчуждение человека от окружающего мира, а также от самого себя является одним из ведущих лейтмотивов в произведениях этих писателей, а также характерной чертой всего западного творчества XX в. Процесс отчуждения Финкелстайн рассматривает в контексте марксистской философии: «При капитализме достигает предела и отчуждение. <...> Рабочий отчуждается от продукта своего труда и от самого себя как создателя этого продукта» [Финкелстайн 1967: 154].

Творчество Сэлинджера в контексте экзистенциализма и проблемы отчуждения анализируют также и отечественные литературоведы. Н. Л. Иткина в монографии «Поэтика Сэлинджера» (2002) отмечает, что «Конфликт сэлинджеровского героя экзистенциален. Он касается самого существа отношений человека с миром, внутреннего бытия и оттого неизбежен. Чтобы разрешить его – нужны не перемена обстоятельств, а духовный перелом, перерождение, что и происходит с героем Сэлинджера в том случае, если ему удастся пережить кризис, выжить чисто физически, миновав роковую черту самоубийства...» [Иткина 2002: 24].

«Экзистенциальная» парадигма исследования продолжает свое развитие в работах А. А. Аствацатурова, посвященных Сэлинджеру. В беседе на Радио «Свобода» (2010), посвященной памяти Сэлинджера, Аствацатуров замечает: «Сэлинджер дистанцируется от реальности, заставляет своих героев дистанцироваться от собственных эмоций, от собственных переживаний, от вещей, от внешних материальных форм, то есть он со-

здает абсолютно отчужденный мир, мир слов в своих текстах» [Волчек 2010].

Подобные рассуждения российских сэлинджероведов созвучны вышеназванной работе американского исследователя. Финкелстайн пишет: «Обращение Глассов к религии в поисках ответа отражает общее возрождение интереса к религии, характеризующее американскую литературную и интеллектуальную жизнь сегодня. Подобное “решение” вопроса об отчуждении, захватившем все сферы общественной жизни, тесно переплетается с экзистенциализмом» [Финкелстайн 1967: 245]. Далее он поясняет, что религиозное возрождение в американском обществе не связано с какой-либо определенной церковью или теологической догмой. Оно вызвано стремлением американцев выйти из тупика материального прогресса и науки, произвести революцию духа в повороте к сверхъестественному.

Стоит также отметить, что с ориентацией на работу Финкелстайна была написана диссертация А. Л. Ястребова «Концепция детского характера и проблема отчуждения в творчестве Дж. Д. Сэлинджера и Т. Капоте (“Над пропастью во ржи”, “Луговая арфа”» (1989). Финкелстайн, Ястребов и другие исследователи рассматривают проблему отчуждения в художественном мире Сэлинджера в основном на уровне отношений героя с семьей и обществом, пытаются выявить нравственные причины его поведения, нам же в контексте обозначенной проблемы представляется интересным раскрыть некоторые особенности поэтики молчания сэлинджеровских героев.

Из крупных философов, близких мироощущению Сэлинджера, можно назвать Мартина Бубера. Проблему погружения в вещностный мир, связанную с процессом отчуждения, Бубер также рассматривал как доминантную особенность XX в.: «На протяжении последнего столетия человек все глубже погружался в пучину кризиса, который во многом, за исключением одной существенной черты, напоминает прежние кризисы. Отличительная особенность нашего кризиса – перемена в отношении человека к вещам и связям, созданным его трудом или при его косвенном участии. Эту особенность можно было бы определить как отторжение человека от его творения» [Бубер 1995: 193]. О сходстве идей Бубера и Сэлинджера писала Иткина: «Из множества философских работ, занятых исканиями “человека в человеке”, назовем лишь одну, где искания эти ведутся в направлении, близком Сэлинджеру. Это известная работа М. Бубера “Я и Ты”, написанная в 1923 г.» [Иткина 2002: 26].

Поскольку процесс отчуждения связан с отдалением человека от продукта труда, для более глубокого понимания поэтики молчания Сэлинджера нам необходимо подробнее остановиться

на категории вещи. При отчуждении отношение человека к человеку и к миру вещей становится механическим. Человек и вещь воспринимаются ээлинджеровскими персонажами одинаково механически, человек в художественном мире Сэлинджера становится вещью наряду с другими предметами вещного пространства. Примечательно, что ээлинджеровская вещь, напротив, обладает внутренней жизнью, бытийной автономией и враждебностью по отношению к человеку.

Перестановка ролей, когда человек становится вещью, а «материя дерзает объявить себя духом», характерна для процесса отчуждения. В. Н. Топоров в работе «Вещь в антропоцентрической перспективе» (1993), цитируя вышеприведенное суждение Бубера, охватывает историю категории вещи в искусстве и находит, что «ожившая вещь или овеществленный (“механический”) человек, – образы нередкие в мифопоэтических традициях как архаичных, так и современных, как фольклорных, так и литературных, – не только подчеркивают инакость природы человека и вещи, но и указывают две границы, у которых они в пределе могут встретиться – очеловечивающаяся вещь и овеществляющийся человек» [Топоров 1993: 90].

Человек и вещь в художественном мире Сэлинджера меняются местами. Вещь оживает, живет своей самостоятельной жизнью, а человек, напротив, овеществляется, становится атрибутом вещного мира. Бытийность и автономность вещного мира Сэлинджера заметил Аствацатуров: «Вещи у Сэлинджера абсурдны, самодостаточны, независимы и равнодушны по отношению к человеку. Они не знают о собственном назначении, не подчиняются замыслу их создателя» [Аствацатуров 2015: 134]. Чаще эти вещи враждебны по отношению к своему владельцу и никак не коррелируют с характерами персонажей, не являются отражением их внутреннего мира. Вещный мир у Сэлинджера самостоятелен, вещи разрознены, не имеют общей связи ни друг с другом, ни с их владельцем.

В связи с проблемой овеществления человека, слово, по Сэлинджеру, утрачивая внутреннее, духовное содержание, автоматически становится атрибутом материального мира, становится вещью. Процесс отчуждения человека от его творения, человека от человека и, наконец, человека от самого себя, замеченный западными писателями и философами XX в., Сэлинджер переводит на новый уровень. Основной проблемой, поставленной Сэлинджером в центральном его произведении – романе «Над пропастью во ржи» («The Catcher in the Rye», 1951), является процесс овеществления и отчуждения человека от своего слова, пустотелость слова, существование лишь внешней, материальной формы слова и, как

следствие, уход героев в молчание, поиск спасения во внутреннем затворничестве.

Итак, слово у Сэлинджера становится в один ряд с вещью. Яркий пример принадлежности слова и звука вещному пространству можно увидеть благодаря приему оппозиции «Нечто – Ничто» (Топоров): «А тут еще вокруг было так тихо, так пусто, что становилось еще тоскливее. На улице ни души, хоть была суббота. Иногда пройдет какая-нибудь пара, обнявшись, или хулиганистая компания с девицами, гогочут, как гиены, хоть, наверно, ничего смешного нет» [Сэлинджер 1983: 80]. Пустота и тишина ночного мегаполиса как «Ничто» – безлюдное пространство, которому противопоставляется нечеловеческий «гогот». Дикий смех становится самостоятельным субъектом, замещающим человека: «Нью-Йорк вообще страшный, когда ночью пусто и кто-то гогочет» [там же].

При рассмотрении следующих фрагментов романа, созданных при помощи аналогичной оппозиционной конструкции, мы убедимся, что «гогот» Сэлинджер приравнивает к миру вещей. «В холле – ни души, только застоялый запах пятидесяти миллионов сигарных окурков» [там же: 87]. Человек отсутствует в художественном мире Сэлинджера, видимое пространство занимает вещь. Не случайно Холден утрирует количество окурков до невозможной цифры. Есть лишь след человека: звук (гогот), использованная вещь и выброшенное слово, которое также становится предметом материального мира. По этой причине ээлинджеровские герои не хотят говорить, они интуитивно чувствуют, что их слово встанет в один ряд с другой вещной пошлостью. Другой пример аналогичной оппозиции: «В парке было гнусно. <...> и никого вокруг не было – одни собачьи следы, и плевки, и окурки сигар у скамеек, где сидели старики» [там же: 108]. Гогот в безлюдном ночном Нью-Йорке, собачьи следы, плевки и окурки равнозначны для Сэлинджера. На скамейках сидят лишь одни старики как символ уходящего прошлого. Будущее для Сэлинджера невозможно, поскольку в новом поколении нет человека, есть лишь его материальный след: «Непохоже было, что скоро будет рождество, вообще казалось, что больше ничего никогда не будет» [там же]. От ээлинджеровского Нью-Йорка ввиду его безлюдности веет мертвенным холодом: «Только холод стоял жуткий, и кругом – ни души» [там же: 138]. Этот холод выступает антитезой человеческой душе.

Надо сказать, что при изображении своей утопической мечты Холден как рассказчик использует эту же оппозиционную схему: «Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышек, и кругом – ни души, ни одного

взрослого, кроме меня» [Сэлинджер 1983: 150]. Взрослый для Сэлинджера как выражение бездуховного, нечеловеческого. Холден утрирует картину мечты до состояния небытия, оно не заполнено материальным, вещным миром, в нем нет взрослых. Дети для Холдена являются прямым противопоставлением всем окуркам, плевкам, бездумным словам и гогогу.

Сэлинджеровская идея связи молчания и вещи близка французским экзистенциалистам, в частности, эту же проблему поднимает Ж. П. Сартр. Герой «Тошноты» Антуан Рокантен хочет кричать от экзистенциального ужаса, вызванного отчуждением человека от общества, господством вещного пространства над человеком, но он осознанно принимает решение в пользу молчания, лишь для того, чтобы слово, произнесенное им, родившийся звук не стали еще одной вещью: «Да это же скамейка, шепчу я, словно заклинание. Но слово остается у меня на губах, оно не хочет приклеиться к вещи. <...> Я среди Вещей, среди не поддающихся наименованию вещей. Они окружили меня, одинокого, бессловесного, незащитного, они подо мной, они надо мной» [Сартр 2000: 154]. От безрассудных поступков, столь созвучных общей абсурдности мира, Рокантена удерживает лишь идея – не дать движению, слову и звуку материализоваться, стать еще одной вещью в ряду других вещей: «Кстати, они боятся меня не совсем зря: я могу натворить что угодно. Например, всадить этот фруктовый ножик в глаз Самоучки. <...> Но удерживает меня не это: вкус крови во рту вместо вкуса сыра – разницы никакой. Но надо сделать движение, надо вызвать к жизни ненужное событие – ведь и крик, который вырвется у Самоучки, и кровь, которая потечет по его лицу, и то, что эти люди сорвутся со своих мест, – все лишнее, и без того хватает вещей, которые существуют» [там же: 151].

Промолчать, сохранить слово в себе для того, чтобы не дать ему стать еще одним предметом материального мира, – мысль, занимающая сэлинджеровских героев. По мнению Сэлинджера, подвиг, который может и должен совершить человек XX в., общества со стремительно развивающимися потребительскими ценностями, – это принять решение в пользу молчания. Молчание воспринимается его героями как спасение своей индивидуальности от унифицирующего внешнего мира. Идея молчания как спасения достигает максимального развития в конце романа, когда Холден делится с сестрой мечтой бросить все и уехать из Нью-Йорка на Запад, где бы его никто не знал: «Я решил сделать вот что: притвориться глухонемым. Тогда не надо будет ни с кем заводить всякие ненужные глупые разговоры. Если кто-нибудь захочет со мной поговорить, ему придется писать на бумажке и показывать мне.

Им это так в конце концов осточертеет, что я на всю жизнь избавлюсь от разговоров. Все будут считать, что я несчастный глухонемой дурачок, и оставят меня в покое» [Сэлинджер 1983: 169].

Внешний, урбанистический мир XX в. враждебен слову: слово либо теряет содержание, внутренний вес, становится пустотельным, сохраняя лишь внешнюю форму, либо умирает вообще, разбиваясь о внешний мир. Музыкальная пластинка, которую Холден хочет подарить Фиби, является замечательным и наглядным тому примером: «Мне хотелось купить одну пластинку для Фиби – “Крошка Шерли Бинз”. Эту пластинку было очень трудно достать. Там все про маленькую девочку, которая не хотела выходить из дому, потому что у нее выпали зубки и она стеснялась» [там же: 105]. Подобно слову, имеющему внутреннее содержание и внешнюю оболочку, пластинка здесь является образом чистого звука, песенного слова, красоты, духовной содержательности, облаченным в материальную форму. Однако Холдену не удается донести подарок целым, по дороге он невзначай разбивает его: «И вдруг, только я зашел в парк, случилась страшная вещь. Я уронил сестренкину пластинку. Разбилась на тысячу кусков. Как была в большом конверте, так и разбилась. Я чуть не разревелся, до того мне стало жалко, но я только вынул осколки из конверта и сунул в карман. Толку от них никакого не было, но выбрасывать не хотелось» [там же: 135–136]. Полновесное слово, наполненное смыслом и красотой, в художественном мире Сэлинджера невозможно. Разбившаяся пластинка – символ поврежденного, обреченного на гибель слова в XX в. Все, что остается молодому поколению, – это бережно хранить осколки прежнего культурного опыта, накопленного предыдущим поколением: «Знаешь, я купил тебе пластинку, но по дороге разбил. Я достал осколки из кармана и показал ей»; «Отдай мне эти куски, – говорит. Я их собираю. Взяла обломки и тут же спрятала их в ночной столик» [там же: 143]. Сэлинджер говорит нам, что будущего у слова нет.

Главная задача Сэлинджера – через пустотелость, бессодержательность, материальность слова показать исчезновение человека и, наоборот, через утрату духовных ценностей человеком, его овеществление – исчезновение слова, речи. Человек и слово представляются Сэлинджеру одним из множества опредмеченных и обезличенных элементов внешнего, вещного пространства. В слове больше нет содержания, внутренней сути, есть лишь словесная оболочка. Слово перестало быть инструментом для познания себя, своей сути, оно обслуживает лишь внешнюю, материальную среду. Послевоенное американское общество сосредотачивается на

формальной стороне жизни, физической привлекательности: «Американская жизнь для Холдена – фальшивка. Этот термин он неоднократно употребляет к различным понятиям успеха: от карьерных достижений и социального статуса до семейных отношений, физической привлекательности, голливудского гламура и т. д.» [Steinle 2009: 92]. Неприятие узкопрактических ценностей, целиком проникнутых материализмом, велико и в самом авторе: «...Нежелание Сэлинджера публиковать свои истории, другими словами, продать их, означает явное проявление его критики в отношении господства материальности в американской жизни» [Ghasemi, Ghafouri 2011: 29]. Теми же чертами автор наделяет своих героев: «От начала и до конца своего путешествия, от школы до санатория, голос Холдена передает его ярость по поводу неспособности его современников преодолеть разъедающий материализм современной американской жизни» [Rowe 1991: 78]. В молчании Сэлинджер видел спасение человека в человеке, предотвращение его овеществления.

Современная философия активно занялась изучением исчезновения речи как неотвратимого явления. Причина этого процесса видится в потере человеком своего онтологического статуса, человек перестал мыслиться наравне с такими онтологическими идеями, как идея Бога, Природы, Истории, поэтому теперь он пребывает в ситуации «культурной паузы», интервала, перехода, «...когда уже ничего нет. И когда еще ничего нет» [Смирнов 2005: 67]; «В последнее время в философии наблюдается некая тенденция расставания с основными действующими персонажами этого мироустройства. Сначала мы потеряли вместе с Ф. Ницше субстанцию Бога, затем в творчестве Р. Барта умер автор текста, потом М. Фуко заявил об утрате субстанции человека, а теперь нам предстоит расстаться еще и с речью» [Катюхина 2016: 178]. По мнению многих философов, для того чтобы вновь обрести себя, человек должен полюбить молчание.

Если идейный предшественник Сэлинджера Г. Д. Торо видел спасение человека от урбанизирующих мегаполисов, промышленного и научно-прогресса в уходе в лес, на лоно природы, то Сэлинджеру спасение представляется в уходе в себя, в молчание. Такой выбор неслучаен, поскольку в XIX в. человек пытался сохранить себя, свою личность, а в XX в. вместе с собой он пытается сохранить и свое слово. Опустошение слова наравне с человеком, нивелирование его внутренней сути – проблема, характерная для XX в., которую в американской литературе один из первых обозначил Сэлинджер.

Однако оба писателя явственно различают внутреннюю и внешнюю сторону явлений. Торо видит противопоставление телесной оболочки

человека его духу, а Сэлинджер переводит мысль Торо на новый уровень, различая внешнюю оболочку слова и его содержание. В романе «Уолден, или жизнь в лесу» (1854) – одном из претекстов романа «Над пропастью во ржи» – Торо, описывая жизнь американского современника в мегаполисе, критикует его внешнюю жизнь, называя ее всего лишь необходимой оболочкой для жизни внутренней. Так, у него выступает оболочкой одежда: «Наша линька, как у птиц, должна отмечать важные переломы в нашей жизни. Гагара в эту пору улетает на пустынные пруды. Змея тоже сбрасывает кожу, а гусеница – оболочку в результате внутреннего процесса роста, ибо одежда – это лишь наш наружный кожный покров, покров земного чувства» [Торо 1979: 30–31]. Следом за одеждой внешней материальной оболочкой у Торо выступает дом: «В крупных городах, где цивилизация победила окончательно, число имеющих кров составляет очень малую долю. Остальные ежегодно платят за эту внешнюю оболочку, ставшую необходимой и зимой, и летом, такие деньги, на которые можно приобрести целый поселок индейских вигвамов, и из-за этого живут в нужде всю свою жизнь» [Торо 1979: 38].

Сэлинджер идет дальше, он различает внутреннюю и внешнюю сторону слова, последняя из которых становится для него буквально видимой оболочкой, поскольку слово в мире Сэлинджера пустое, есть только его материальное проявление, что так сильно тяготит героев. Для того чтобы сохранить мысль, сэлинджеровский герой вынужден замолчать, поскольку слово больше не может вмещать в себя полновесный смысл.

Духовная, внутренняя жизнь в представлении Сэлинджера невозможна в Америке, особенно в ее мегаполисах. Эта мысль является сквозной в его творчестве и переходит из произведения в произведение. «Почему на Востоке все лучше?» – спрашивает Холден приятеля Льюса о любовных отношениях последнего с китайкой. И в ответ слышит: «Просто они считают, что любовь – это общение не только физическое, но и духовное» [Сэлинджер 1983: 130]. «...В Нью-Йорке все наши знакомые ... просто психи, понимаешь? От этого и нормальный человек рано или поздно поневоле спятит» [там же: 539], – говорит главный герой Артур в рассказе «И эти губы, и глаза зеленые» коллеге по работе, намереваясь уехать в пригород, чтобы возродить утерянную любовь с супругой. «Вы знаете, в Америке так трудно предаваться медитациям и жить духовной жизнью. Стоит только попробовать, как люди начинают считать тебя ненормальным. Например, папа видит во мне какого-то уродца. Ну а мама... ей кажется, что зря я думаю все время о Боге. Она считает, что это вредно для здоровья»

[Сэлинджер 1983: 584], – окончательно утверждает эту мысль Тедди в последнем рассказе из цикла «Девять рассказов».

Сэлинджеровский герой ищет спасения от обезличивания внешним миром, сосредотачивая все силы на внутреннем бытии: «Герой Сэлинджера живет напряженной внутренней жизнью. Он или поэт (как Сеймур), или писатель (как Бадди Гласс или Сержант Х), или он просто предпочитает читать в то время, как все его друзья смотрят в кино какую-нибудь липу» [Морозова 1969: 64]. Дифференциация «внутреннего и внешнего» характерна не только для Сэлинджера, но и для большинства американских писателей послевоенной литературы. Сохранить индивидуальность, личность герой литературы XX в. может, лишь спрятав ее от внешнего мира, закупорив ее глубоко в себе. Цитируя обращенные к Офелии слова Гамлета «Иди в монастырь!», Финкелстайн отмечает, что «в XX веке монастырские стены возводятся внутри человека, это психологический барьер, воздвигаемый, чтобы отвести удары социальной действительности» [Финкелстайн 1967: 247–248]. Внешний мир занят лишь проблемами материального характера. Бездуховность второстепенных сэлинджеровских персонажей выражается в узости интересов, их разговоры сводятся к выяснению социального статуса, размеру заработка и т. д. Их удовлетворяют формальные, безличностные отношения, не требующие глубокого внутреннего участия. В такой связи человек перестает быть субъектом, а становится объектом внешнего мира, встает в один ряд с вещью. Идея «овеществления» человека XX в. замечательно выражена в ранее упомянутой нами работе «Я и Ты». Бубер пишет, что при отсутствии подлинного общения двух личностей как двух «Ты» человек рискует стать объектом вещного мира – «Оно»: «Сколь же могущественна причинно-следственная взаимосвязь мира Оно и как хрупки явления Ты! <...> Как много того, что не может пробить корку вещности! <...> В мире каждое Ты в соответствии со своей сущностью обречено стать для нас вещью или же вновь и вновь отходить в вещьность» [Бубер 1995: 71].

Страстное стремление к молчанию сэлинджеровского героя можно понять лишь в контексте раскрытой нами выше связи: буржуазное общество с потребительскими ценностями вызывает отчуждение человека от мира, человека от человека и от самого себя. Рассуждая об образе молодого американца 1950–1960 гг., Т.Л. Морозова делает следующее замечание: «Капиталистическое общество не может предложить молодому поколению вдохновляющих идеалов, одурманивая его фальшивыми идеальчиками буржуазного благополучия, неизбежное разочарование в которых приводит к отчаянию и опустошенности»

[Морозова 1969: 21]. Утрачивая свою духовную, внутреннюю сущность, человек становится предметом внешнего пространства, вещью. Сэлинджеровский герой остро ощущает этот феномен, он не хочет слушать пустую болтовню и сам не желает говорить.

Замечательны в этой связи два, на первый взгляд совершенно разных по идейному содержанию, фрагмента романа «Над пропастью во ржи». «А я пока что подошел к окну, открыл его настежь и слепил снежок» [Сэлинджер 1983: 47], – говорит нам Холден. – «Но я никуда не швырнул снежок, хоть и собрался его бросить. Сначала я хотел бросить в машину – она стояла через дорогу. Но потом передумал – машина вся была такая чистая, белая. Потом хотел залепить снежком в водокачку, но она тоже была чистая и белая. Так я снежок никуда и не кинул. Закрыл окно и начал его катать, чтоб он стал еще тверже. Я его еще держал в руках, когда мы с Броссаром и Экли сели в автобус. Кондуктор открыл дверцу и велел мне бросить снежок. Я сказал, что не собираюсь ни в кого кидать, но он мне не поверил» [там же]. Круглый снежок в этом контексте можно рассмотреть как слово – как нечто, наполненное волей его творца и имеющее материальную форму, как творение человека, которым он может распоряжаться по собственному усмотрению. Окно, а затем и двери автобуса выступают чертой, разграничивающей внутреннее и внешнее пространство. Холден стоит перед выбором: бросить ли снежок во внешний мир. Но он сознательно принимает решение не швырять его на улицу, поскольку не хочет запачкать им чистый и белый мир.

Это переключается с ситуацией в музее, когда Холден встречает двух мальчишек, один из которых все время молчит, и на вопрос Холдена: «А твой приятель немой, что ли? Разве он не умеет говорить?» – безгласный мальчик отвечает: «Умею, ... только не хочу» [там же: 173].

Герои Сэлинджера не хотят рождать слово в этот мир, переполненный вещами, следами, плевками и т. д. Молчание – их осознанный, свободный выбор. Жертвы унифицирующего, обезличивающего общества, они оставляют за собой право решать, проявлять ли им материальный след во внешнем мире: бросить или не бросить снежок за двери автобуса, говорить или молчать. Проблема молчания сэлинджеровских героев носит экзистенциальный философский характер. Сэлинджер как будто задает читателю вопрос: «Стоит ли рождать слово в мир, где оно рискует стать синонимом вещи?»

Подводя итог вышесказанному, можно с уверенностью заключить, что проблема молчания в творчестве Сэлинджера на сегодняшний день изучена недостаточно, несмотря на то, что этот

феномен является одним из центральных как в произведениях, так и в биографии писателя. Мы увидели, что для его поэтики молчания характерна тесная связь двух категорий: «слова» и «вещи». В буржуазном обществе середины XX в. человек воспринимается так же механически, как вещь. В художественном мире Сэлинджера вещь одухотворяется, оживает, а человек и соответственно его слово, напротив, овеществляются. Слово героев становится пустотелым, исчезает его внутренняя суть, остается лишь внешняя его сторона, материальная форма. Как следствие, герои стремятся к молчанию, ищут спасения от внешнего унифицирующего мира во внутреннем творчестве. Отношения категорий «слово» и «вещь» обратно пропорциональны: с возрастанием значимости вещи уменьшается роль слова, и наоборот. Каждая из этих категорий маркирует друг друга, усиливает значение другой. При «вещной захламленности» слово в художественном мире Сэлинджера обесценивается, стремится к нулю.

Список литературы

Аствацатуров А. А. Джером Сэлинджер: улыбка чеширского кота // Октябрь. 2015. № 10. С. 128–135.

Аствацатуров А. А. Феноменология текста: игра и репрессия. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 283 с.

Бубер М. Два образа веры / пер. с нем.; под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лезова. М.: Республика, 1995. 464 с.

Волчек Д. Памяти Дж. Д. Сэлинджера [Беседа с литературоведом Андреем Аствацатуровым] // Радио Свобода. 2010. URL: <https://www.svoboda.org/a/1944442.html> (дата обращения: 05.05.2017).

Иткина Н. Л. Поэтика Сэлинджера. М.: РГГУ, 2002. 225 с.

Катюхина Т. В поисках следов «человека без сущности» // Философская антропология. 2016. Т. 2, № 1. С. 177–194.

Морозова Т. Л. Образ молодого американца в литературе США (битники, Сэлинджер, Беллоу, Апдайк). М.: Высш. школа, 1969. 95 с.

Сартр Ж. П. Тошнота: Роман; Стена: Новеллы. Харьков: Фолио, 1998. 399 с.

Смирнов С. А. Человек перехода: сб. науч. работ. Новосибирск: НГУЭУ, 2005. 535 с.

Сэлинджер Дж. Д. Над пропастью во ржи. Повести. Девять рассказов. М.: Худож. лит., 1983. 592 с.

Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе // Аequinox. М.: Кн. сад, 1993. С. 70–94.

Торо Г. Д. Уолден, или жизнь в лесу. М.: Наука, 1979. 456 с.

Финкелстайн С. Экзистенциализм и проблема отчуждения в американской литературе. М.: Прогресс, 1967. 319 с.

Ястребов А. Л. Концепция детского характера и проблема отчуждения в творчестве Дж. Д. Сэлинджера и Т. Капоте («Над пропастью во ржи», «Луговая арфа»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 14 с.

Ghasemi P., Ghafoori M. Salinger and Holden: Silent Heroes of Modern Times // Academic Journal Article K@ta. Surabaya, Indonesia: Institute of Research and Community. Petra Christian University, June 2011. P. 19–36.

Salinger J. D. The Catcher in the Rye. M.: Progress Publishers, 1979. 248 p.

Steinle P. H. The Catcher in the Rye as Postwar American Fable // J. D. Salinger's The Catcher in the Rye. Bloom's modern critical interpretations. New York: Bloom's Literary Criticism, 2009. P. 89–104.

Rowe J. Holden Caulfield and American Protest // Essays on The Catcher in the Rye. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 77–95.

References

Astvaturov A. A. Dzherom Selindzher: ulybka cheshirskogo kota [Jerome Salinger: the smile of Cheshire Cat]. *Oktyabr'* [October], 2015, issue 10, pp. 128–135. (In Russ.)

Astvaturov A. A. *Fenomenologiya teksta: igra i repressiya* [The phenomenology of the text: play and repression]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obzrenie Publ., 2007. 283 p. (In Russ.)

Buber M. *Dva obraza very* [Two types of faith]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 464 p. (In Russ.)

Volchek D. Pamyati J. D. Selindzhera. Beseda s literaturovedom Andreem Astvaturovym [In memory of J. D. Salinger. A conversation with the literary critic Andrey Astvaturov]. *Radio Svoboda* [Radio Liberty], 2010. Available at: <http://www.svoboda.org/a/1944442.html> (accessed 05.05.2017). (In Russ.)

Itkina N. L. *Poetika Selindzhera* [Salinger's Poetics]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2002. 225 p. (In Russ.)

Katyukhina T. V poiskakh sledov «cheloveka bez sushchnosti» [In search of traces of the “man without essence”]. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology], 2016, vol. 2, issue 1, pp. 177–194. (In Russ.)

Morozova T. L. *Obraz molodogo amerikantsa v literature SSHA (bitniki, Salinger, Bellow, Updike)* [Image of a young American in the literature of the United States (beatniks, Salinger, Bellow, Updike)]. Moscow, Vyssh. Shkola Publ., 1969. 95 p. (In Russ.)

Sartre J. P. *Toshnota: Roman; Stena: Novelly* [Nausea: The Wall and Other Stories]. Kharkov, Folio Publ., 1998. 399 p. (In Russ.)

Smirnov S. A. *Chelovek perekhoda: Sbornik nauchnykh rabot* [The man of transition: Collection of scientific papers]. Novosibirsk, NSUEM Publ., 2005. 535 p. (In Russ.)

Salinger J. D. *The Catcher in the Rye. Nine Stories*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983. 592 p. (In Russ.)

Toporov V. N. Veshch' v antropotsentricheskoy perspektive [The thing in the anthropological perspective]. *Aequinox* [Aequinox]. Moscow, Knizhnyy sad Publ., 1993, pp. 70–94. (In Russ.)

Thoreau H. D. *Uolden, ili zhizn' v lesu* [Walden; or, Life in the Woods]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 456 p. (In Russ.)

Finkelstein S. *Ekzistentsializm i problema otchuzhdeniya v amerikanskoj literature* [Existentialism & Alienation in American Literature]. Moscow, Progress Publ., 1967. 319 p. (In Russ.)

Yastrebov A. L. *Kontseptsiya detskogo kharaktera i problema otchuzhdeniya v tvorchestve J. D. Salinger i T. Kapote ("The Catcher in the Rye", "The Grass Harp")*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk

[The conception of a childish character and the problem of alienation in the works by J. D. Salinger and T. Capote ('The Catcher in the Rye', 'The Grass Harp'). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Press, 1989. 14 p. (In Russ.)

Ghasemi P., Ghafoori M. Salinger and Holden: Silent Heroes of Modern Times. *Academic Journal Article K@ta*. Institute of Research and Community. Petra Christian University, June 2011, pp. 19–36. (In Eng.)

Salinger J. D. *The Catcher in the Rye*. Moscow, Progress Publ., 1979. 248 p. (In Eng.)

Steinle P. H. The Catcher in the Rye as Postwar American Fable. *J. D. Salinger's "The Catcher in the Rye"*. *Bloom's modern critical interpretations*. New York, Bloom's Literary Criticism, 2009, pp. 89–104. (In Eng.)

Rowe J. Holden Caulfield and American Protest. *Essays on "The Catcher in the Rye"*. Cambridge, Cambridge University Press, 1991, pp. 77–95. (In Eng.)

A WORD AND A THING IN THE SYSTEM OF J. D. SALINGER'S POETICS OF SILENCE

Olga M. Lyubimskaya

Postgraduate Student in the Department of Foreign Literature

Tyumen State University

6, Volodarskogo st., Tyumen, 625003, Russian Federation. lubimskaya89@list.ru

SPIN-code: 6882-1710

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1868-678X>

ResearcherID: M-6613-2017

Submitted 12.09.2017

The present paper deals with the phenomenon of silence in J. D. Salinger's prose. The research covers a wide range of Salinger's works, with the main attention given to the novel *The Catcher in the Rye*. The peculiarities of silence are represented through relationships of two equally important categories in Salinger's artistic world: "a word" and "a thing". This question has not been sufficiently studied by specialists, so the author focuses her attention on the new, vital problem. The correlation of the categories under consideration is obvious: with the growth of the material world, the importance of the word decreases; and vice versa, with the desire of characters to preserve "the genuine" word, the connection with the outer space disappears. Salinger's attention to the opposition "material – spiritual", "outside – inner" is clarified in the paper based on the philosophical and existential positions of the writer. It is important to emphasize that the process of alienation is typical of the mid-20th century bourgeois society with its consumption values. Losing the spiritual guiding lines, a person loses his inner core and, as a consequence, becomes an object of the outer space. In this connection, Salinger's characters are perceived as mechanically as a thing. Under the circumstances, the word in Salinger's texts is also perceived as an inanimate object. The main aspiration of Salinger's characters is the desire to protect their own word from the outer, depersonalizing world, to stop its turning into a thing. They feel the meaninglessness of the word during small talk, they literally touch the hollowness of the word, its outer, material form being the only one. That is why they become silent, seek salvation in their inner, speechless reclusion. The author comes to the conclusion that the correlation of "a thing" and "a word" in Salinger's texts determines the main features of his poetics of silence.

Key words: J. D. Salinger; poetics of silence; alienation; existentialism; man and thing; word and thing.

УДК 821.161.1

doi 10.17072/2037-6681-2018-1-125-133

ПОЭТИКА РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ДЕТЕКТИВНОГО РАССКАЗА «THE ADVENTURE OF THE SPECKLED BAND»

А. КОНАН ДОЙЛА

Вероника Евгеньевна Миронова

старший преподаватель кафедры иностранных языков в области природных ресурсов

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

634050, Россия, г. Томск, просп. Ленина, 30. veronicka84@yandex.ru

SPIN-код: 4541-5475

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7157-2717>

ResearcherID: D-2165-2017

*Статья поступила в редакцию 25.12.2017***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:**

Миронова В. Е. Поэтика русских переводов детективного рассказа «The Adventure of the Speckled Band» Артура Конан Дойла // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 125–133. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-125-133

Please cite this article in English as:

Mironova V. E. Poetika russkikh perevodov detektivnogo rasskaza «The Adventure of the Speckled Band» Artura Konan Doyle [Poetics of Russian translations of Arthur Conan Doyle's Detective Story "The Adventure of the Speckled Band"]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 1, pp. 125–133. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-125-133 (In Russ.)

Статья посвящена анализу художественных особенностей русских переводов детективного рассказа Артура Конан Дойла «The Adventure of the Speckled Band», выполненных в конце XIX в. Художественное мастерство Конан Дойла как создателя рассказов и новелл о знаменитом Шерлоке Холмсе оказало значительное влияние на эволюцию детективного жанра, возбуждающего неподдельный интерес читателей и исследователей в России. Многочисленные переводы его детективных произведений свидетельствуют о важной роли английского писателя в контексте формирования и развития русско-английских литературных связей и диалога культур. Автором статьи рассматриваются переводы, опубликованные в еженедельном иллюстрированном художественно-литературном журнале «Звезда», а также в литературном приложении к журналу «Нива».

Исследование проводится на значимом с точки зрения переводческой рецепции материале, поскольку выполненные переводы позволяют судить как об отношении переводчика к оригиналу и его автору, так и об особенностях восприятия произведения «чужой литературы» русскими читателями в определенный исторический период.

В представленных переводах очевидны разные подходы к передаче содержания художественного произведения с целью адаптации рассказа к восприятию русскоязычными читателями. Проведенный анализ выявил практически дословную интерпретацию сюжета, вольное обращение с текстом оригинала, введение русизмов, используемых для реализации указанной цели, а также различные подходы к изображению художественных особенностей произведения. В настоящей статье последовательно исследована передача на русский язык ключевых элементов поэтики детективного рассказа Конан Дойла – от названия произведения до образа повествователя, характеристик главных героев, а также пространственно-временных координат рассказа.

Ключевые слова: детективный жанр; перевод; Артур Конан Дойл; Шерлок Холмс; периодика XIX века; социальная проблематика.

В истории развития русско-английских литературных связей творческая судьба Артура Конан Дойла позволяет отнести его к писателям, в значительной степени оказавшим влияние на процесс формирования и эволюции детективного жанра, развивающегося на протяжении длительного времени. «Литература о преступлениях и их раскрытии имеет долгую историю. Она восходит к античности, ее можно найти в средневековых историях ужаса, в собрании «Знаменитых процессов» Гайо де Питавалья XVII в., а также в готическом романе XIX в. Однако данный жанр, в его различных вариациях, приобрел популярность только лишь в XIX в., когда известные писатели начали использовать его в качестве художественной среды» (перевод мой. – В. М.) [Waltraud 1988: 7]. Расцвет детективной литературы связан со значительным усилением противоречий, имевших место в капиталистическом обществе, а также с появлением массового читателя, неудовлетворенного социальной несправедливостью. Кроме того, следует заметить, что «подобная популярность впервые начала проявляться в середине XIX в., когда новая, стремительно растущая читательская аудитория проявила интерес к романам для развлечения и приятного досуга» (перевод мой. – В. М.) [Murch 1958: 9].

Как отмечают исследователи, в России «жанр детектива не получил развития в русской литературе XIX в. и в предреволюционный период. Читательский интерес к этому жанру удовлетворялся лишь переводами с английского и французского» [Разин 2000]. Однако отдельные образцы детективных рассказов и повестей начали появляться в конце XIX в. Причем, по мнению А. Рейтблата, именно 1872-й следует считать годом рождения русского детектива, когда выходит в свет значительное количество художественных произведений, основной темой которых является совершение преступления и дальнейшее его раскрытие. Отдельные элементы детектива можно обнаружить и в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», опубликованном на три года раньше, в основе сюжета которого лежит убийство, его расследование, а также последующее наказание.

«Изучение социально-эстетического феномена детективной литературы в конце XIX – первой половине XX в. привлекало внимание многих авторов, в числе которых А. Грамши, Б. Брехт, С. М. Эйзенштейн, К. И. Чуковский. Однако общепризнанной теории детективного жанра (вернее, жанрово-тематического единства) нет» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 91]. Одни называли его своеобразным интеллектуальным кроссвордом, другие – смешением, комбинацией литературы и игры, третьи –

производственным романом о жизни сотрудников уголовного розыска. Однако элементы детектива являются неотъемлемой частью многих произведений «большой» литературы, например, романов О. Бальзака, Ч. Диккенса и т. д.

Анализируя литературные предпочтения русских читателей на рубеже XIX–XX вв., следует отметить, что с ростом грамотности населения значительное распространение приобрела литература, где главным героем является сыщик, раскрывающий преступления. В этот период детектив становится полноценным литературным жанром, привлечшим внимание и представителей творческой интеллигенции. В этом контексте детективные новеллы и рассказы сэра Артура Конан Дойла пользовались особой популярностью, часто переводились и обсуждались на страницах русской периодики.

Несмотря на тот факт, что первые переводы детективных произведений А. К. Дойла были выполнены еще в конце XIX в., подлинный интерес к творчеству английского писателя сформировался в начале XX в., в период общественной реакции, после поражения революции 1905 г., что может объясняться напряженной обстановкой в стране, беспорядками, высоким уровнем преступности, с которой полиция, обремененная излишней бюрократией, не всегда была в состоянии справиться. Появившийся в детективной литературе образ сыщика-интеллектуала, способного распутать самые загадочные и сложные преступления, завоевал любовь и восхищение русской читательской аудитории [Миронова 2016: 78]. Неслучайно рассказы и новеллы о Шерлоке Холмсе привлекли внимание читателей из разных слоев русского общества. Подтверждением этому служат многочисленные письма, отзывы как известных прозаиков, ученых, так и обычных читателей, множество произведений русских писателей, в которых отмечено влияние английского писателя, и, конечно, многочисленные переводы его рассказов и новелл.

В данный период «расцвет издательского дела на рубеже XIX–XX вв. обеспечивает рост читательских потребностей. Книги перестают быть предметом роскоши, повсюду, где есть крупные издательства, выпускаются, наряду с дорогими изданиями для богатых, книги в твердом переплете для публики среднего достатка, а также дешевые издания в мягкой обложке» [Алексеева 2011: 102]. В печатных изданиях читатели находили произведения полюбившихся им русских и зарубежных писателей; появились газеты и журналы, содержащие переводы, выполненные как анонимными, так и известными переводчиками. В связи с этим особенно востребованной оказалась профессия переводчика, знакомившего чи-

тателей с новинками иностранной литературы, лучшими ее образцами.

В последней трети XIX в. количество переводных изданий увеличивалось, особенно с английского, немецкого и французского языков, однако вместе с тем падало качество переводов: все чаще они приобретали ремесленный характер, зачастую не передавали стилистическое и художественное своеобразие оригинала [Федоров 2002: 86]. Примечательно, что многие издатели, а также представители интеллигенции относились к переводу прозы как к относительно легкому, не ответственному занятию. «Поэтому переводы часто поручались людям случайным, с недостаточным знанием языка подлинника или русского языка, или того и другого вместе. Отсюда, с одной стороны, многочисленные смысловые ошибки и элементарная неточность и безответственность в передаче содержания, доходившая до того, что нередко перевод сменялся приблизительным пересказом с многочисленными пропусками, а порой и добавлениями; с другой же стороны – плохое качество языка многих прозаических переводов второй половины XIX в., буквализм, тяжеловесность фразы, бедность словаря» [Федоров 2002: 88–89]. Тем не менее в указанный период встречались и добросовестно, качественно выполненные переводы, опубликованные как в авторских сборниках, так и газетах, журналах, бесплатных приложениях. Благодаря таким переводам русский читатель знакомился с произведениями зарубежных писателей, одним из которых был А. Конан Дойл.

Особое внимание в периодических изданиях уделялось именно детективному творчеству писателя. «Только с Конан Дойля начался настоящий расцвет столь популярного в наши дни жанра. Он вдохнул в него жизнь и движение, заставил читателей с увлечением следить за полными динамики и драматизма приключениями» [Наркевич 1966: 543]. По мнению В. А. Скороденко, «книги Конан Дойля читаются и будут читаться, потому что отмечены всеми достоинствами первоклассной беллетристики: богатой выдумкой, безукоризненно сработанной интригой, точной и легкой манерой изложения» [Скороденко 1988: 11]. Несмотря на неоднозначное отношение к детективному жанру, Конан Дойля признавали талантливым рассказчиком, а его главный персонаж Шерлок Холмс стал бессмертным литературным героем, завоевавшим почитателей во всем мире. Повышенный интерес к рассказам о Шерлоке Холмсе можно объяснить постоянной потребностью читателей в художественных произведениях со стремительно и неожиданно развивающимся сюжетом, а также романтически таинственной развязкой.

К таким произведениям можно отнести и рассказ «The Adventure of the Speckled Band», написанный в 1892 г., как один из наиболее репрезентативных рассказов о Шерлоке Холмсе с точки зрения реализации в нем детективной поэтики. «The Adventure of the Speckled Band», входящий в сборник «Приключения Шерлока Холмса», впервые был опубликован в журнале «Strand Magazine» в феврале 1892 г. и приобрел значительную популярность у широкого круга читателей. Позже Конан Дойл включил его в число 12 лучших рассказов о Шерлоке Холмсе. «The Adventure of the Speckled Band» является одним из самых увлекательных произведений о великом сыщике, основанным на необычном сюжете, искусном повествовании и захватывающем ходе расследования. Рассказ считается блестящим образцом классического детектива. Тем не менее данное произведение нельзя рассматривать как исключительно развлекательное, поскольку в нем автор уделяет внимание актуальным вопросам нравственного характера, правовому аспекту жизни англичан. В основу рассказа положена социальная проблематика, в частности, вопрос о женском неравенстве перед английским законодательством XIX в., в особенности, положение незамужних женщин, унаследовавших значительное состояние от своих родственников. «В 1882 году парламент Великобритании принял закон о собственности замужних женщин, так называемый Married Women's Property Act, что явилось важным событием в истории викторианского общества, поскольку теперь жена окончательно объявлялась самостоятельным субъектом имущественных прав, а не женщиной под покровительством мужа, как гласил Common Law. Таким образом, девушки могли распоряжаться своим наследством самостоятельно или с помощью опекуна, если он был назначен» [Кобрин 2015: 99–101].

В рассказе «The Adventure of the Speckled Band» сестры получили крупное наследство от своей матери, оставаясь на попечении отчима. В случае замужества девушки имели право на значительный ежегодный доход. В подобных ситуациях nepорядочные опекуны могли препятствовать благополучной судьбе своих подопечных, что указывает на зависимое положение английских женщин, их незащищенность, а следовательно, на недостатки законодательной системы Англии.

Недобросовестным опекуном в рассказе «The Adventure of the Speckled Band» является доктор Ройлотт, человек, происходивший из когда-то богатого рода, однако четыре поколения разоряли семью своими пороками, пристрастием к различным увеселениям и азартным играм, ничего не оставив своим потомкам. Из подобных семей

нередко выходили люди без определенных моральных принципов, желающие разбогатеть любой ценой, чтобы вернуть себе прежнее положение и благосостояние, часто за счет выгодного брака или опекунов, а также умения обходить закон всевозможными способами. Судьба таких аристократов с многочисленными нравственными изъянами является предметом рассмотрения в рассказе «The Adventure of the Speckled Band», так как они сами нередко становятся участниками различных преступлений и представляют собой определенную опасность для общества.

Образом доктора Ройлотта Конан Дойл ставит и другой, не менее важный вопрос – а именно ответственность человека, имеющего образование и опыт, за свои поступки. Доктор Ройлотт – врач, получивший образование и практику в сфере медицины, – путешествовал по миру, обладал обширными познаниями, что и помогло ему совершить злодеяние при помощи ядовитой змеи «swamp adder», укус которой не оставлял жертве шанса на выживание. Автор «The Adventure of the Speckled Band» рассматривает возможность использования профессиональных знаний специалиста (в данном случае врача) в целях организации и осуществления преступления в корыстных целях.

В России о рассказе «The Adventure of the Speckled Band» узнали уже в декабре 1893 г. после его перевода на русский язык, опубликованного в еженедельном иллюстрированном художественно-литературном журнале «Звезда» (№ 50–52). Имя переводчика рассказа «The Adventure of the Speckled Band» неизвестно. Характерно, что многие переводы конца XIX в. были сделаны анонимно, что могло быть обусловлено спецификой данной жанровой модификации, а именно ее принадлежностью к массовой литературе. Другой перевод, который будет рассматриваться в настоящей статье, выполнен в 1896 г. также неизвестным переводчиком и опубликован в литературном приложении «Нивы», в котором печатались многочисленные сочинения русских и иностранных авторов.

Различие в переводческих подходах демонстрирует уже передача заглавия рассказа: журнал «Звезда» выпустил рассказ под названием «Пестрая банда», в приложении «Нивы» он озаглавлен как «Пестрая лента». Интересно, что оба переводчика сократили название, убрав из него слово *приключение*, выделив основную, на их взгляд, идею. В журнале «Звезда» название переведено неоднозначно, поскольку вводит в заблуждение читателя словом *банда*, выбор которого не является обоснованным. Известно, что английское слово *band* полисемично и имеет такие значения, как *банда*, *группа* и *повязка*, *лента*,

что и было использовано автором в качестве метафоры, значение которой читатель мог понять только после прочтения рассказа. Однако в случае перевода заглавия в журнале «Звезда» у русского читателя возникают ассоциации прежде всего с преступной группой. Переводчик же «Нивы» в целом передает авторский замысел заглавия, отсылая читателя к трагическим событиям в рассказе.

Различие переводческих подходов очевидно и при анализе передачи экспозиции рассказа. Оригинал: «On glancing over my notes of the seventy odd cases in which I have during the last eight years studied the methods of my friend Sherlock Holmes, I find many tragic, some comic, a large number merely strange, but none commonplace; for working as he did rather for the love of his art than for the acquirement of wealth, he refused to associate himself with any investigation which did not tend towards the unusual, and even the fantastic. Of all these varied cases, however, I cannot recall any which presented more singular features than that which was associated with the well-known Surrey family of the Royslotts of Stoke Moran. The events in question occurred in the early days of my association with Holmes, when we were sharing rooms as bachelors in Baker Street. It is possible that I might have placed them upon record before, but a promise of secrecy was made at the time, from which I have only been freed during the last month by the untimely death of the lady to whom the pledge was given. It is perhaps as well that the facts should now come to light, for I have reasons to know that there are widespread rumours as to the death of Dr. Grimesby Royslott which tend to make the matter even more terrible than the truth» [Doyle 2013: 165].

В переводе «Звезды» представлена следующая интерпретация: «Просматривая свои заметки по поводу семидесяти таинственных случаев, над которыми практиковался, в течении последних восьми лет, мой друг Шерлок Гольмс, я нашел, что одни из них были трагическими, другие комическими, но все в равной степени необычными. Работая, скорее из любви к искусству, чем ради денег, Шерлок Гольмс, принимал только те дела, которые имели в себе что-нибудь необыкновенное, или даже фантастическое. Из всей этой массы разнообразных дел я, однако, не могу припомнить ни одного более странного, чем таинственный случай в семействе Ройлоттов, в Сток-Морене. Данный случай произошел еще в первые годы моей дружбы с Шерлоком Гольмс, когда мы оба были холостяками и жили в одной квартире, в Бекер-Стрит. Весьма возможно, что предлагаемый рассказ уже давно появился бы в печати, но я дал клятву, что в течении известного срока буду хранить его в тайне, и лишь недавно

безвременная кончина той самой лэди, которой была дана эта клятва, позволила мне взяться за перо. Разъяснение этого темного дела будет особенно интересно теперь, когда таинственная смерть д-ра Гримсби Ройлотта возбуждает в обществе такие мрачные и ужасные подозрения» [«Звезда» 1893: 994].

В приложении к журналу «Нива» содержание оригинала передается следующим образом: «Просматривая свои заметки о тех семидесяти с чем-то случаях, по которым я в эти восемь лет изучал способ расследований друга моего – Шерлока Холмса, я нахожу между ними много трагических, несколько комических, большое количество просто странных, но ни одного заурядного или ничтожного дела. Из всех этих разнообразных дел, я не помню ни одного, которое носило бы такой мрачный характер, как дело, связанное с хорошо известной в провинции Сёррей семьей Ройлот из замка Сток-Моран. События этого дела относятся еще к первому времени моей дружбы с Холмсом, до моей женитьбы, когда мы оба жили еще вместе в нашей квартире в Бэкер-Стрите. Вот как было дело» [Прилож. к журн. «Нива» 1896].

С первого взгляда заметна разница в объеме, перевод данного отрывка в приложении «Нивы» значительно короче, переводчик сократил его, опустив ряд важных деталей. Во-первых, это информация о главном герое, Шерлоке Холмсе, как о человеке неординарном, стремящемся раскрыть тайны и загадочные дела, не боящемся неизвестности и запутанных событий.

В переводе журнала «Звезда» сохранился образ главного героя, благодаря чему читатель знакомится с личностью Шерлока Холмса, его ключевыми качествами и характеристиками. Кроме того, переводчик журнала «Звезда» включил в произведение упоминание о причине долгого молчания доктора Ватсона, связанного обещанием сохранить тайну, данным участнице описываемого трагичного события. Эта информация усиливает интерес читателя к повествованию, создавая эффект таинственности и загадочности. В переводе из приложения к «Ниве» автор сокращает отрывок и полностью опускает информацию об этом секрете. При этом добавляет «Вот как было дело», вводя читателя в курс событий.

Повышенный интерес читателей к рассказу обусловлен присутствием в нем, как и в других детективных произведениях автора, главного героя – Шерлока Холмса, человека, как было упомянуто выше, во всех отношениях неординарного, умело применявшего метод дедукции, основанный на позитивистском подходе, рационально обоснованной экспликации всех условий и обстоятельств проблемной ситуации. По мне-

нию К. И. Чуковского, «мышление Шерлока Холмса реалистично, конкретно. Оно всегда касается житейских событий и фактов, и потому его результаты очевидны для всех. Нам то и дело показывают самый процесс мышления, а это в беллетристике – величайшая редкость» [Чуковский 1956: 11]. При этом Холмс изображен абсолютно независимым от научных или социальных институтов. «Он не придерживается какого-либо курса лекций, который подготовил бы его к получению ученой степени, не ищет и какого-либо другого способа, открывающего двери в научный мир. Другими словами, будучи специалистом, ни он, ни его профессионализм не ищут официального подтверждения; его компетентность заключается в том, что ему необходимо знать для осуществления желаемого результата. Он одновременно продолжает совершенствовать свои знания, оставаясь, как известно, невозмутимым перед сферами собственного незнания» (перевод мой. – В. М.) [The Cambridge Company to Crime Fiction 2003: 50]. В его работе самое главное не материальный достаток, а живой интерес к раскрытию преступлений. «Великий детектив руководствовался, как правило, одним – желанием помочь в беде, восстановить справедливость. Он никогда не употреблял свои способности в защиту неправого дела. А со злом вступал в опасную и часто неравную борьбу даже тогда, когда шанс добиться успеха равнялся нулю. И нередко благодаря настойчивости и неутомимости оказывался победителем» [Белоусов 2004: 527].

Обращает на себя внимание и передача хромотопа рассказа в русских переводах. Конан Дойл традиционно использует такой принцип построения сюжета в своем рассказе, как линейное повествование с отступлениями в прошлое. Доктор Ватсон, вспоминая случай, описываемый в произведении, обращается к 1883 г. В ходе описания событий в журнале «Звезда» переводчик указывает «первые числа апреля 18... г.», в то время как в приложении к «Ниве» автор сохраняет точный год, в котором произошло убийство, в целях более реалистичного воссоздания обстоятельств преступления.

В «Звезде» автор незначительно изменяет время, указывая «половину восьмого», в то время как в приложении к «Ниве» переводчик сохраняет время «четверть восьмого», следуя оригиналу.

Местом действия для рассказов Конан Дойл послужили различные уголки Англии, что также делает повествование реалистичным и национально окрашенным: квартира на Бейкер-Стрит, где главные герои проживали и принимали своих посетителей, провинция Сюррей, замок Сток-Моран, где было совершено преступление. Кро-

ме того, в рассказе упоминаются Индия, Калькутта, как место, где жил и учился главный отрицательный персонаж, доктор Ройлотт. Примечательно, что, рисуя места преступлений, Конан Дойл следует традиции детективного повествования (как это делали до него Э. По, У. Коллинз и др.) и активно использует элементы готического жанра, создавая особую напряженную обстановку. Следует отметить, что готический роман уже к середине XIX в. изжил себя, однако его традиция сохранялась и трансформировалась в других жанрах, в том числе детективных рассказах и новеллах.

В частности, в рассматриваемом нами рассказе Конан Дойла важную роль для построения всего повествования играет образ старинного родового имения Ройлотта. Основные события рассказа происходят именно здесь, в поместье с высокой крышей, устремленной вверх, окутанном тайной месте, где произошло убийство девушки в темной, запертой изнутри комнате. Преступление было совершено ночью, во время страшной бури с завывающим ветром и проливным дождем, что также было свойственно английской готической традиции. Следуя ей, Дойл делает акцент на природе, изображает грозу, наводящую страх на героиню, являющуюся одновременно и природным явлением, и предвестником трагедии.

Описание природы играет важную роль и во второй части рассказа. По пути главных героев в поместье Сток-Моран писатель изображает живописные пейзажи, которые переводчик «Звезды» передает достаточно подробно, воспроизводя и природу, и ощущения героев, навеваемые наступающей весной, а также контраст между приближением весны, пробуждающейся природой и расследованием интересного, но мрачного дела. Переводчик из журнала «Звезда» использует следующие описания: «*деревья...начинали разворачивать почки*», «*запах влажной земли*», «*мрачная поездка*», «*странный контраст*», «*нежное и сладкое ощущение приближающейся весны*». В переводе из «Нивы» изображение природы практически отсутствует, автор ограничивается «*дорогой среди зеленых лугов Серрей*». Нет в данном отрывке и передачи чувств главных героев. В то время как описание пейзажа в оригинале намного живописнее, колоритнее: *It was a perfect day, with a bright sun and a few fleecy clouds in the heavens. The trees and wayside hedges were just throwing out their first green shoots, and the air was full of the pleasant smell of the moist earth. To me at least there was a strange contrast between the sweet promise of the spring and this sinister quest upon which we were engaged* [Doyle 2013: 178–179]. Таким образом, природа, сель-

ская местность и весеннее пробуждение образуют контраст между наступающей весной и жестоким преступлением, совершившимся здесь.

Помимо ярких образов героев и обширной социально-нравственной проблематики, произведение привлекает внимание формой повествования, которое ведется от лица одного из главных персонажей, доктора Ватсона, являвшегося очевидцем, непосредственным участником и рассказчиком описываемых событий. Он «становится глазами и ушами читателя, предоставляя ему все необходимые подсказки для раскрытия тайны» (перевод мой. – В. М.) [Scaggs 2007: 39]. Ватсон, непрестанно восхищаясь талантом Шерлока Холмса, принимает непосредственное участие в раскрытии преступлений, подтверждение этому факту можно увидеть в самом начале повествования, в упомянутом выше отрывке, где Ватсон вспоминает описываемое событие.

Следует отметить, что особое внимание в своих произведениях Конан Дойл уделяет размышлениям и эмоциям героев, с невероятной точностью автор описывает ход их мысли, чувства, тем самым внося дополнительные психологические детали в портреты своих персонажей, а также подводя читателя к разгадке тайны преступления. Так, в своем описании последних минут жизни и гибели Джулии, Элен упоминает последние слова умирающей сестры о некоей пестрой ленте и вспоминает ее жест в сторону комнаты, связанной с чем-то ужасным. В оригинале Джулия успевает произнести: «*Oh, my God! Helen! It was the band! The speckled band!*» [Doyle 2013: 172]. В журнале «Звезда» переводчик интерпретировал это восклицание следующим образом: «*Боже мой! Елена! Это была банда! Пестрая банда!*» [«Звезда» 1893: 1014]. В приложении «Нивы» читаем следующее: «*О, Боже мой, Элен. Это лента! Пестрая лента!*» [Прилож. к журн. «Нива» 1896]. Именно сочетание «пестрая лента», выведенное в название рассказа, определяет и авторскую игру слов, и подсказку читателю к разгадке тайны. В журнале «Звезда» переводчик использует слово, близкое по звучанию с оригиналом, пытаясь, что более примечательно, объяснить столь странные реплики героини русскому читателю. Сопоставляя рассказ-оригинал с исследуемыми переводами, нельзя не увидеть разное понимание и, соответственно, различную интерпретацию данного фрагмента.

В анализируемых переводах очевидна также разница в изображении отношений Элен и Джулии. Характерно, что в журнале «Звезда» сестры обращаются друг к другу на «вы», в то время как в приложении «Нивы» официальное обращение отсутствует. Однако оба переводчика предпочли сохранить и подчеркнуть теплые, дружеские от-

ношения сестер. Особое внимание уделено переживаниям Элен в связи с гибелью Джулии, описываемым в текстах переводов, – *моя бедная сестра, необычайно сильное родство души, моя обожаемая сестра, моя дорогая сестра* и т. д., а также болезненные воспоминания Элен о Джулии и ее трагической судьбе.

Симптоматично, что в журнале «Звезда» переводчик пытается адаптировать имена персонажей применительно к русским реалиям, используя такие имена, как Елена вместо Элен, Юлия вместо Джулии; в приложении «Нивы» такой адаптации нет, автор использует оригинальные имена. Кроме того, в переводе «Звезды» имеет место адаптация рассказа к русской читательской аудитории посредством введения различных просторечных выражений, употребляемых в повседневной жизни, таких как *простая телега*, в то время как в приложении «Нивы» это *кабриолет* (в оригинале это *dog-cart*), *отпрыск*, в приложении «Нивы» – это *потомок*, когда речь шла об отчине Элен, докторе Ройлотте. В журнале «Звезда» в разговоре о докторе Ройлотте автор использует словосочетание *теперешний отчим*, в то время как в «Ниве», равно как и в самом оригинале, можно найти *мой отчим* (*my stepfather*). Подобная адаптация осуществляется с целью вовлечения русского читателя в процесс чтения зарубежного произведения, что было характерно для перевода конца XIX в. В целом, введение в текст перевода обозначений реалий русского быта, обстановки, противоречащих месту и времени действия оригинала, является распространенным приемом для русского прозаического перевода этого периода.

Исходя из представленного анализа, можно сделать вывод, что в переводах обоих журналов были реализованы различные переводческие подходы. В переводе «Звезды» обращает на себя внимание обилие русизмов, попытка адаптации произведения английской литературы к восприятию русской читательской аудиторией. В то же время переводчик из приложения «Нивы» предпочитал сокращать отдельные фрагменты, выделяя наиболее значимые, на его взгляд, детали, что демонстрирует его стремление упростить содержание рассказа, сделать его понятным для массового читателя. Такие подходы могут объясняться и общими демократическими тенденциями, появившимися в русском обществе. По наблюдению исследователей, «в данный период становятся традиционными переделки и пересказы зарубежных произведений для детей и юношества, выпускаются серии популярной, развлекательной литературы, целью которой становится показать существующие социальные противоречия в доступной для читателя форме»

[Матвеевко 2012: 190]. Такие попытки «приблизить» иностранный текст к русскому читателю характерны для обеих версий перевода рассказа «The Adventure of the Speckled Band», где можно обнаружить ряд неточностей, сокращения, не всегда удачный выбор грамматических конструкций и лексических единиц, однако в целом переводчикам удалось воссоздать целостную картину произведения и передать основные авторские идеи и сюжетные линии.

Список литературы

Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования. М.: Изд. центр «Академия», 2011. 368 с.

Белюсов Р. Тайны великих преступлений: Самые знаменитые похищения и убийства в мировой классике. М.: РИПОЛ классик, 2004. 544 с.

Детективная литература. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 90–91.

Дойл А. К. Пестрая банда // Еженедельный иллюстрированный художественно-литературный журнал «Звезда». СПб.: П. П. Соikin, 1893. № 50. С. 994–997; № 51. С. 1014–1019; № 52. С. 1037–1039.

Дойл А. К. Пестрая лента // Ежемесячное литературное приложение к журналу «Нива». СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1896. № 5 (май), стб. 159–184. URL: http://az.lib.ru/d/dojlx_a_k/text_1892_the_spotted_band-1896.shtml (дата обращения: 15.02.2017).

Кобрин К. Р. Шерлок Холмс и рождение современности: Деньги, девушки, денди Викторианской эпохи. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2015. 180 с.

Матвеевко И. А. Восприятие английского социально-криминального романа в России XIX века: к постановке проблемы // Вестник Томского педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 3(118). С. 188–193.

Миронова В. Е. Рецепция детективного творчества Артура Конан Дойла в русской литературе: к постановке вопроса // Текст. Книга. Книгоиздательство. 2016. Вып. 1(10). С. 73–85.

Наркевич А. Ю. Конан Дойль и Шерлок Холмс // Артур Конан Дойль. М.: Правда (библиотека «Огонек»), 1966. Т. 1. С. 543–546.

Разин В. В лабиринтах детектива: Очерки истории советской и российской детективной литературы XX века. URL: http://royallib.com/read/razin_vladimir/v_labirintah_detektiva.html#0 (дата обращения: 24.02.2017).

Скороденко В. А. Шерлок Холмс с Бейкер-Стрит, 221б // Дойл А. К. Приключения Шерлока Холмса. М.: Мол. гвардия, 1988. С. 5–13.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.

Чуковский К. И. О Шерлоке Холмсе / пер. с англ.; под. ред. К. И. Чуковского // Дойл А. К. Записки о Шерлоке Холмсе. М.: Библиотека приключений, 1956. С. 5–20.

Doyle A. C. The Adventure of the Speckled Band. The Adventures of Sherlock Holmes. L.: Harper Press. An Imprint of Harper Collins Publishers, 2013. 318 p.

Murch A. E. The Development of the Detective Novel. L.: Peter Owen Limited, 1958. 272 p.

Scaggs J. Crime Fiction. L.; N. Y.: Routledge, 2007. 173 p.

The Cambridge Company to Crime Fiction / ed. by Martin Priestman. New York: Cambridge University Press, 2003. 287 p.

Waltraud W., Cassidy B. The literature of crime and detection: an illustrated history from antiquity to the present. Leipzig: Edition Leipzig, 1988. 214 p.

References

Alekseeva I. S. *Vvedenie v perevodovedenie: ucheb. posobie dlya studentov uchrezhdeniy vysshego professional'nogo obrazovaniya* [Introduction into Translation Studies: a Textbook for Higher Professional Education Institutions]. Moscow, Akademiya Publ., 2011. 368 p. (In Russ.)

Belousov R. *Tayny velikikh prestupleniy: Samye znamenitye pokhishcheniya i ubiystva v mirovoy klassike* [Mysteries of Great Crimes: The Most Famous Kidnappings and Murders in the World's Classics]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2004. 544 p. (In Russ.)

Detektivnaya literatura. Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar' [Detective Fiction. Encyclopedic Dictionary of Literature]. Ed. by V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987, pp. 90–91. (In Russ.)

Doyle A. C. Pestraya banda [The Adventure of the Speckled Band]. *Ezhenedel'nyy illyustrirovanny khudozhestvenno-literaturnyy zhurnal «Zvezda»*. [Weekly Illustrated Fictional Literary Magazine “Zvezda”]. St. Petersburg, P. P. Soykin Publ., 1893, issue 50, pp. 994–997, issue 51, pp. 1014–1019, issue 52, pp. 1037–1039. (In Russ.)

Doyle A. C. Pestraya lenta [The Adventure of the Speckled Band]. *Ezhemesyachnoe literaturnoe prilozhenie k zhurnalу «Niva»* [Monthly Literary Supplement to the Magazine “Niva”]. St. Petersburg,

A. F. Marx Publ., 1896, issue 5, col. 159–184. Available at: http://az.lib.ru/d/dojlx_a_k/text_1892_the_spotted_band-1896.shtml (accessed 15.02.2017). (In Russ.)

Kobrin K. R. *Sherlock Holmes i rozhdenie sovremennosti: Den'gi, devushki, dendi Viktorianskoy epokhi* [Sherlock Holmes and the Birth of Modernity: Money, Girls, Dandy of Victorian Epoch]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2015. 180 p. (In Russ.)

Matveenko I. A. *Vospriyatie angliyskogo sotsial'no-kriminal'nogo romana v Rossii 19 veka: k postanovke problemy* [Reception of the English Social-Criminal Novel in Russia of the 19th Century: Problem Statement]. *Vestnik Tomskogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2012, issue 3(118), pp. 188–193. (In Russ.)

Mironova V. E. *Retseptsiya detektivnogo tvorchestva Artura Konan Doyle v russkoy literature: k postanovke voprosa* [Reception of Arthur Conan Doyle's Detective Fiction in Russian Literature: Problem Statement]. *Tekst. Kniga. Knigoizdatel'stvo* [Text. Book. Publishing]. Tomsk, Tomsk State University Press, 2016, pp. 73–85. (In Russ.)

Narkevich A. Yu. *Konan Doyle i Sherlock Kholms* [Conan Doyle and Sherlock Holmes]. *Artur Konan Doyle* [Arthur Conan Doyle]. Moscow, Pravda (biblioteka «Ogonek») Publ., 1966, vol. 1, pp. 543–546. (In Russ.)

Razin V. *V labirintakh detektiva: Ocherki istorii sovetskoy i rossiyskoy detektivnoy literatury 20 veka* [In the Labyrinths of the Detective Fiction: Essays of the History of Soviet and Russian Detective Fiction of the 20th century]. Available at: http://royallib.com/read/razin_vladimir/v_labirintah_detektiva.html#0 (accessed 24.02.2017). (In Russ.)

Skorodenko V. A. *Sherlok Kholms s Beyker-Strit, 221b* [Sherlock Holmes from 221b Baker Street]. *Doyle A. K. Priklucheniya Sherloka Kholmsa* [Doyle A. C. The Adventures of Sherlock Holmes]. Moscow, Mol. gvardiya Publ., 1988, pp. 5–13. (In Russ.)

Fedorov A. V. *Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)* [Fundamentals of the General Translation Theory]. Moscow, FILOLOGIYA TRI Publ., 2002. 416 p. (In Russ.)

Chukovskiy K. I. *O Sherloke Kholmse* [About Sherlock Holmes]. *Doyle A. K. Zapiski o Sherloke Kholmse* [Doyle A. C. The Memoirs of Sherlock Holmes]. Transl. from English, ed. by K. I. Chukovskiy. Moscow, Biblioteka priklucheniya Publ., 1956, pp. 5–20. (In Russ.)

Doyle A. C. *The Adventure of the Speckled Band. The Adventures of Sherlock Holmes*. London, Harper

Press. An Imprint of Harper Collins Publishers, 2013. 318 p. (In Eng.)

Murch A. E. *The Development of the Detective Novel*. London, Peter Owen Limited, 1958. 272 p. (In Eng.)

Scaggs J. *Crime Fiction*. London and New York, Routledge, 2007. 173 p. (In Eng.)

The Cambridge Company to Crime Fiction. Ed. by Martin Priestman. New York, Cambridge University Press, 2003. 287 p. (In Eng.)

Waltraud W., Cassidy B. *The literature of crime and detection: an illustrated history from antiquity to the present*. Leipzig, Edition Leipzig, 1988. 214 p. (In Eng.)

**POETICS OF RUSSIAN TRANSLATIONS
OF ARTHUR CONAN DOYLE'S DETECTIVE STORY
*THE ADVENTURE OF THE SPECKLED BAND***

Veronika E. Mironova

Senior Lecturer in the Department of Foreign Languages in the Sphere of Natural Resources

National Research Tomsk Polytechnic University

30, prospekt Lenina, Tomsk, 634050, Russian Federation. veronicka84@yandex.ru

SPIN-code: 4541-5475

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7157-2717>

ResearcherID: D-2165-2017

Submitted 25.12.2017

The article considers peculiar features found in Russian translations of Arthur Conan Doyle's detective short story *The Adventure of the Speckled Band* done at the end of the 19th century. Creative writing of Conan Doyle as the author of short stories and novels about famous Sherlock Holmes had a great impact on the evolution of the detective fiction genre, which has been of great interest for readers and researchers in Russia. Numerous translations, made since the end of the 19th century, indicate the particularly important role of the English writer in the context of the formation and development of Russian-English relationships in the sphere of literature and the dialogue of the cultures. The paper deals with translations published in the weekly illustrated literary magazine *Zvezda* and a literary supplement to the *Niva* magazine.

The research is based on the material being significant in terms of translation reception because translations reveal not only the attitude of the translator to the original work and its author but also the peculiarities in the perception of foreign literature by the Russian reader at a definite historical period of time.

The analysis of the translations under study clearly shows various approaches to conveying the content of the fiction works, aimed at adapting the detective stories to the Russian environment. The translations are characterized by practically literal interpretation of the plot, loose handling of the source text, introduction of Russisms, used to achieve the mentioned aim. The article explains the reasons for the existence of the different approaches and peculiarities in Russian translations. The paper provides a successive analysis of how the key elements of Conan Doyle's poetics – from the story title to the image of the narrator, characteristics of the main heroes, as well as spatiotemporal settings of the story – are rendered into the Russian language.

Key words: crime fiction; translation; Arthur Conan Doyle; Sherlock Holmes; 19th century periodicals; social issues.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

В журнале отражаются результаты научной деятельности российских и зарубежных филологов. Кроме научных статей, материалов конференций, симпозиумов и семинаров, журнал печатает рецензии на монографии, сборники научных трудов и т. п., опубликованные в России и за рубежом, тематические обзоры и развернутую информацию о событиях научной жизни по профилю издания.

Полнотекстовая версия выставляется на сайте <http://www.rfp.psu.ru> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

С 19.02.2010 журнал включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Каждая рукопись сопровождается внешней рецензией специалиста в исследуемой области, имеющего степень кандидата или доктора наук и не являющегося сотрудником вуза автора. Подпись рецензента заверяется в отделе кадров по месту работы. Авторы, не имеющие ученой степени, представляют, кроме внешней рецензии, отзыв научного руководителя, подписанный и заверенный по месту его работы. В рецензии и отзыве должны быть указаны полностью ФИО, ученая степень, должность, место работы и электронный адрес рецензента. Аспиранты дополнительно представляют официальную справку о сроках обучения в аспирантуре с указанием контактного телефона зав. отделом аспирантуры, подписавшим его документ.

Все три документа с печатями могут присылаться по почте или в сканированном виде отправляться на электронный адрес редакции вместе со статьей. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться следующим текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника” <http://rfp.psu.ru/>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1–6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Члены международного редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи. В этом случае назначаются три эксперта из состава редколлегии или совета для подготовки обоснованного заключения. В случае отрицательного решения автору рукописи направляется мотивированный отказ от имени редколлегии. Рукопись, сопровождаемая внутренней рецензией, может быть отправлена автору на доработку для устранения замечаний. Срок доработки не ограничен. Статья, не соответствующая требованиям, предъявляемым к публикациям, вторично на доработку не отправляется. Статьи аспирантов, одобренные редколлегией, публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ и со всеми указанными выше документами по электронному адресу langlit2009@mail.ru. Чтобы убедиться в том, что Ваши материалы получены, попросите отправить подтверждение.

Основной текст может быть написан на русском или английском языках.

Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Правила оформления рукописей» и в прикрепленном файле ФОРМА.

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных.

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 28 (лаборатория «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте», тел. (342)2396795), ауд. 111 (лаборатория «Сравнительно-исторических исследований и культурных инноваций», тел. (342)2396290). Зам. гл. редактора – *Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова*, ответственный за сайт – *Алексей Васильевич Пустовалов*.

Научное издание

Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология

Том 10. Выпуск 1 / 2018

Редакторы *Л. А. Богданова, О. И. Кирьянова*
Корректоры *Л. А. Семицвотова, Е. В. Шумилова*
Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 16.03.2018. Дата выхода в свет __.03.2018
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 15,69. Тираж 500 экз. Заказ ____



Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008

Распространяется бесплатно и по подписке